

История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох профессор Алексей Петрович Лебедев

Се бо истину возлюбил еси,
безвѣстная и тайная премудрости Твоея явил ми еси...
Слуху моему даси радость и веселие,
возрадуются кости смиренныя.
Отврати лице Твое от грех моих
и вся беззакония моя очисти.
Сердце чисто созижди во мне, Боже,
и дух прав обнови во утробе моей.
Не отвержи мене от лица Твоего...
Духом Владычним утверди мя...
Жертва Богу дух сокрушен:
сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит.
Псалом 50, стихи 8, 10–14.

В очередной том церковно-исторических сочинений выдающегося русского историка Церкви, профессора Московской Духовной академии, заслуженного профессора Московского университета Алексея Петровича Лебедева (1845–1908) под общим названием «История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох» вошли исследования и статьи по истории Церкви Средних веков и Нового времени. Основные темы сборника: история запрещенных книг от древнейших времен до конца XIX в., знаменитый папский «Вселенский» собор 1870 г., принявший догмат о непогрешимости римского папы, нравы итальянского и греческого духовенства в Средние века и в Новое время, состояние немецкой богословской науки на примере Тюбингенской школы и многое другое. Как всегда, работы А. П. Лебедева написаны просто и убедительно, хорошим русским языком и с присущим знаменитому ученому чувством юмора.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на самый широкий круг любителей церковной истории.

История запрещенных книг на Западе до начала XVII в.¹

Боннский профессор исторической теологии Генрих Рейш не так давно издал в свет любопытную книгу под названием «Der Index der verbotenen Bücher, – ein Beitrag zur Kirchen und Literaturgeschichte» (Erster Band. Bonn, 1883). Сочинение это обширно (S. XII+624) и отличается такими научными достоинствами, что, кажется, не остается желать ничего более, по крайней мере при теперешнем состоянии науки.

Что сочинение Рейша (Reusch) заслуживает внимания любителей духовного просвещения, это ясно видно из следующих слов предисловия книги: «Задача, поставленная мной при исполнении этого труда, – говорит автор, – состоит в том, чтобы дать связный обзор развития церковного законодательства относительно книжного дела до конца XVI в.». Отсюда видно, что отчет о книге Рейша будет уместен на страницах духовного периодического издания.

Прежде чем передадим содержание книги, позволим себе привести некоторые замечания автора, помещенные им во введении, так как эти замечания послужат к уяснению содержания книги. В 1559 г., при папе Павле IV, пишет Рейш, появился в Риме «список писателей и книг» (index autorum et librorum), от которых римская и вообще инквизиция предостерегает всех христиан под угрозой прещений и наказаний. Ближайшие преемники Павла не раз издавали этот же индекс, умножая число книг и авторов, подвергнутых запрещению. С тех пор время от времени издавались в Риме новые индексы – число которых простирается до 40, – в которых к прежним писателям и книгам, подлежащим запрещению, присоединялись новые, осужденные или папскими декретами, или же декретами индекс-конгрегации (т. е. конгрегации, назначение которой было рассматривать, какие книги следует запретить), инквизиции или других конгрегаций. Индекс папы Павла есть первый индекс запрещенных книг, но и до издания этого индекса, до 1559 г., существовало много списков

запрещенных книг, только они носили название не «индекса», а каталогов; так, вне Рима такие каталоги были изданы: Лувенским университетом (в Бельгии) в 1546, 1550 и 1558 гг., Парижской Сорбонной в 1544, 1547 и 1551 гг., папским легатом Казой в Венеции в 1549 г. и пр. Но небольшие списки запрещенных книг встречались и раньше, например, в указах Карла V, а запрещение отдельных сочинений или единичные случаи подобного рода запрещений встречаются задолго до Реформации и книгопечатания, даже в IV в. В индексе папы Павла и в следующих затем индексах некоторые книги не безусловно запрещены, но с требованием формулы «donee corrigatur» (пока не будет исправлено) или другой какой-либо в этом роде, т. е. употребление иных книг позволено под условием, что известные места в них в существующих изданиях должны быть изглажены или же поправлены пером, а в новых изданиях – опущены или изменены, под условием, что книги подобного рода, как гласит технический термин, будут «экспургированы» (очищены). Списки, в которых обозначалась и публиковалась экспургация для большего или меньшего количества книг, назывались, в отличие от индексов в собственном смысле, *indices expurgatorii*. Существует мнение, пишет автор, что из индексов мы узнаём, какие книги были самыми замечательными в то время, когда издавались индексы, но такое мнение он считает преувеличением и односторонностью. По этому поводу он находит нужным сделать такое замечание: нет сомнения, что многие из тех книг, какие попали в индексы, принадлежат в каком-нибудь отношении к интереснейшим книгам, а потому история индекса, которая естественно знакомит с содержанием таких книг, представляет не незначительный вклад в историю литературы, в особенности литературы теологической. В том же введении автор выставляет на вид тот факт, что в начале истории развития индекса большую часть запрещенных книг составляли разные сочинения еретических (протестантских) писателей, которые их *professo* трактовали о религиозных предметах, но впоследствии, с началом XVII в., число протестантских сочинений, вносимых в индекс, уменьшается, а увеличиваются

за счет их сочинения католических писателей, трактовавших о предметах, неугодных папе, и притом так, что они вызывали неблаговоление Римской церкви. В истории индекса, по суждению автора, нужно различать два главных периода: в первом периоде, обнимающем эпоху до конца XVI в., борьба Римской церкви направляется против Реформации; во втором Римская церковь при помощи индекса ведет борьбу главным образом против различных неугодных Церкви направлений в самом католичестве. В заключении введения автор объясняет, почему он не ограничивается историей запрещенных книг со времени книгопечатания и появления Реформации, но и обзрывает историю того же вопроса в Средние века, и даже говорит о тех запрещениях, какие полагались на книги в древней Церкви.

Как естественно, автор начинает свой обзор запрещенных книг с древней Церкви. Но историю этого вопроса за этот период времени автор рассказывает на нескольких страницах. И понятно, почему. Древняя Церковь очень мало была знакома с этого рода цензурой. Автор говорит, что он заглядывает в историю древней Церкви и в ней изучает занимающий его вопрос единственно для того, чтобы «показать, как практика позднейшей Церкви далеко отошла от практики древней Церкви». Мы не будем перечислять вслед за автором тех книг, какие подверглись запрещению в древней Церкви, они известны. Это сочинения Ария, врага христианства Порфирия, Нестория, позднее сочинения Оригена и пр. Любопытно, однако же, знать, что один из пап древней Церкви заявил себя изданием чего-то вроде позднейшего индекса. Рейш говорит: древнейшим индексом запрещенных книг обыкновенно считают опубликованный от имени Римского собора декрет папы Геласия (кон. V в.). В нем, этом декрете, перечислены те патристические сочинения, которые принимает Римская церковь, а затем прибавлено: «Прочие же сочинения, написанные еретиками и схизматиками, кафолическая и апостольская Римская церковь никогда не принимала». После того следует в декрете список, довольно длинный, апокрифов и сочинений еретических или таких, какие признаны были на Римском соборе за противные

вере. Об этих сочинениях и об их авторах в декрете сказано: «Эти и все подобные сочинения не только отринуты всей Римской католической церковью, но и авторы их и последователи авторов подвергнуты на вечные времена анафеме и осуждены». Жаль, что Рейш не приводит самого списка книг, осужденных папой Геласием: в этом списке историк встречает немало интересного и совершенно неожиданного. В нем в числе запрещенных сочинений, между прочим, значатся следующие произведения: сочинения знаменитого Тертуллиана, не менее знаменитого Климента Александрийского, труды Фасция Киприана (иные полагают, что здесь имеется в виду не св. Киприан, а какой-то другой Киприан, но такого Киприана история не знает), «Церковная история» Евсевия Памфила; из сочинений Оригена принимаются декретом только те немногие сочинения, которых «не отринул блаженнейший муж Иероним», между запрещенными сочинениями значатся произведения Ерма («Пастырь»), Арнобия, Лактанция, Кассиана Римлянина; наконец, к такого же рода произведениям отнесены и «Правила (св.) апостолов» (!). Об этом декрете Рейш замечает: «Ясно, что этот декрет не есть индекс в позднейшем смысле этого слова, так как здесь отвергнуты и осуждены некоторые сочинения, но не высказано общего запрещения читать их».

После краткого исследования вопроса в период древней Церкви, Рейш обращается к Средним векам. Последуем за ним, но обратим внимание здесь лишь на очень немногое, так как самое интересное впереди. На Верчелльском соборе 1050 г. было осуждено учение об Евхаристии Беренгара Турского, а старинная книга об Евхаристии, которая приписывалась Иоанну Скотту, но которая, в сущности, принадлежала Ратрамну Корвейскому (IX в.), была разорвана. На Сенском (Sens) соборе была отвергнута книга Иоанна Скотта «De divisione naturae». Папа Гонорий III утвердил это определение и приказал повсюду отыскивать книгу, под угрозой отлучения потребовать ее к выдаче кому следует в течение 15-и дней и публично сжечь, или же переслать ее в Рим, чтобы подвергнуть ее здесь той же участи. Известный Абеляр на Суассонском соборе (1120 г.) принужден был сжечь свою «Introductio in theologiam», а папа

Иннокентий III приказал запереть его в монастырь. Парижский собор 1210 г. подверг отлучению Амальриха Бенанского, умершего назад тому шесть лет, а его кости приказал вырыть из могилы и выбросить. Тот же собор под угрозой отлучения запретил читать книги Аристотеля «De metaphysica». В середине XIII в. находим уже очень много запрещений книг, каковые запрещения объявлялись от лица пап с выразительным замечанием, что такая-то книга запрещена после того, как рассмотрена и исследована некоторыми кардиналами или кардиналами и теологами, – здесь можно видеть зачатки таких позднейших учреждений, как конгрегации инквизиции и индекса. С этих пор начинаются запреты не только на одни сочинения. Так, побуждаемый письмом папы Иоанна XXI, епископ Парижский Стефан Темпие, после совещания с некоторыми прелатами и теологами, опубликовал запрещение относительно 219-и тезисов, о которых диспутировали в тогдашних школах, – опубликовал запрещение под тем предлогом, что эти тезисы, «будучи истинными с точки зрения философии, не суть истинны с точки зрения католической веры». В булле папы Иоанна XXII, в 1329 г., осуждены были 28 положений, раскрытых в проповедях и сочинениях доминиканца Экхарта, после предварительного обследования дела теологами; 17 положений объявлены еретическими, 11 подозрительными, а о 26-и других положениях в булле прибавлено, что Экхарт отказался от них перед смертью. В XIV в. в католической Церкви происходит продолжительный спор о сочинениях Раймунда Луллия с переменным счастьем для этого последнего. Появилось множество сочинений «за» и «против» Луллия, спор о нем принимает оживленный характер: францисканцы высказались в пользу Луллия, доминиканцы против него, испанцы вместе с францисканцами хлопотали о том, чтобы Луллий был причислен к лику святых. Папская курия по очереди присоединялась то к той, то к другой стороне. Папы то осуждали Луллия, то снимали с него осуждение. О сочинениях Иоанна Виклефа на Констанцском соборе в 1415 г. определено: их никто не должен читать, изучать, объяснять или цитировать, за исключением тех, кто будет опровергать их; противящиеся определению

подлежали отлучению; епископы под угрозой прещений и наказаний должны собирать эти сочинения и сжигать. Тот же собор подобным же образом распорядился относительно сочинений Иоанна Гусса. В Англии Ричард II, уже в 1387 г., под угрозой темничного заключения и конфискации имущества запретил продавать и покупать еретические книги Виклефа и Николая Герефорда и приказал конфисковать их. В 1479 г., с папского разрешения, был подвергнут суду архиепископа Толедского Педро Де-Осма, профессор Саламанкского университета, за его сочинения о таинстве покаяния. Он вынужден был отказаться от своих заблуждений. Книга его была сожжена. Архиепископ приказал в течение трех дней сжечь все экземпляры книги, а от Саламанкского университета потребовал «с апостольским авторитетом», чтобы в течение девяти дней торжественно были сожжены все находящиеся здесь экземпляры той же книги. Папа Сикст IV буллой утвердил этот приговор. В том же году был притянут к суду инквизиторов в Майнце бывший профессор в Эрфурте Иоанн Вессалиа. Он привлек внимание некоторыми своими трактатами. Несмотря на то, что на суде Вессалиа отказался от своих воззрений, он был заключен на всю жизнь в тюрьму. Его книги подверглись сожжению. Относительно чтения перевода Библии и чтения Библии мирянами до конца XII в. не было сделано никаких распоряжений. В XIII в. во Франции на некоторых соборах запрещено было мирянам читать богословские книги, точнее – перевод Библии и саму Библию, за исключением псалмов. Но, кажется, эти предписания не приводились в исполнение. В Англии в начале XV в. запрещены были переводы, сделанные Виклефом, и вообще переводы Библии, не заслужившие одобрения. Только в Испании к концу XIII в. королевскими указами повсеместно было запрещено употребление Библии, переведенной на отечественный язык. Иаков I Арагонский около 1276 г. издал такое приказание: никто не должен иметь книг Нового и Ветхого Заветов в испанском переводе; кто таковые имеет, тот должен представить их епископу; в случае же сопротивления – будет ли он лицо духовное или мирянин – навлекает на себя подозрение в еретичестве. Фердинанд и

Изабелла (1474–1516 гг.) под угрозой тяжких наказаний воспретили переводить Библию на народный язык или иметь такие переводы.

Изобретение книгопечатания с самого начала содействовало быстрому распространению как хороших, так и дурных книг, поэтому церковная власть со своей стороны начинает обращать удвоенное внимание на книжное дело. Первую попытку стеснить свободу печати делает папа Александр VI буллой от 1 июня 1501 г. Еще большую внимательность в этом отношении обнаруживает папа Лев X, издавший буллу от имени Латеранского собора 3 мая 1515 г. В ней между прочим говорилось: «Впредь на вечные времена никто пусть не дерзает печатать книги или сочинения в нашем городе или каком-либо другом городе, если она наперед не одобрена в Риме нашим викарием или магистром sacri Palatii, а в других городах епископом или опытным лицом, по поручению епископа. Кто вздумает воспротивиться этому приказанию, у того книга будет отобрана и торжественно сожжена, с него будет взято штрафа 100 дукатов, он лишается права что-либо печатать в течение года, подвергается отлучению; и если таковой пребудет упорен, то от своего епископа или нашего викария будет так строго наказан, чтобы другие, видя этот пример, не отваживались на что-либо подобное». В Аугсбурге с 1515 г. вошло в практику, что каждый типограф давал клятву перед магистратом, что он ничего не будет печатать без воли и ведома этого последнего учреждения. Одной из первых печатных книг, подвергшихся папскому осуждению, было известное сочинение «Epistolae obscurorum virorum». Папа Лев X в 1517 г. издал буллу такого содержания: «В этой книге, между прочим, против профессоров священной теологии, из которых некоторые даже прямо названы по имени, наговорено много постыдного и позорного, причем тексты Св. Писания перемешаны с неприличными шутками, почему ради чести христианской религии мы решились как можно скорее запретить чтение этой книги; против виновников этой соблазнительной книги должны быть употреблены надлежащие наказания. Итак, в силу апостольского авторитета, мы увещеваем всех христиан

обоего пола и всякого звания навсегда отказаться от чтения этой книги, а самые экземпляры книги сжечь, в противном случае непослушные подлежат отлучению».

С 1518 г. папа Лев X начинает издавать ряд булл против глав и приверженцев Реформации – в особенности против Лютера. С этого времени индекс вступает в свои права. Заслуживает внимания то, что говорит папа в булле от 3 января 1521г. Здесь утверждается, что некоторые приверженцы Лютера обратились (в католичество) и что в иных местах Германии сочинения его публично сожжены. По следам папы пошли на первых порах многие из университетов. Теологические факультеты в Кёльне и Лувене в конце 1519 г. решили наложить запрещение и сжечь какую-то большую книгу Лютера, автора же ее призвали отказаться от своих воззрений. Лувенцы замечали при этом, что уже в предыдущем году запретили покупку книги в университете. Подобного же рода запрещение сочинений Лютера обнародовано было Сорбонной в апреле 1521 г. В заседании Венского теологического факультета в апреле 1520 г. декан приглашал факультет явить себя в качестве *pravitatis haereticae inquisitrix*, выступить против сочинений, напечатанных в Вене и враждебных христианской вере. Факультет решил прежде всего обратиться с надлежащим представлением к епископам, и если эти последние не захотят ничего предпринять, то факультет, в силу вверенной ему от апостольского престола обязанности, определил запретить печатание и продажу такого рода сочинений под опасением канонических наказаний за преслушания. В октябре того же года Экк переслал в Венский университет буллу против Лютера с требованием, чтобы она была объявлена между лицами, принадлежавшими к университету, и чтобы сочинения Лютера были отобраны и сожжены. В Ингольштадте, по настоянию Экка, сочинения Лютера были сожжены ректором в октябре 1520 г. Лютер, в свою очередь, в декабре 1520 г. сжег папскую буллу, *jus canonum* и сочинения Экка. Алеандер также много содействовал сожжению сочинений Лютера. «Я с такой ловкостью вел дело с самого начала (в Бельгии), – хвалит себя Алеандер, – что император и его советники прежде увидели

сожжение книг, а потом уже пришли к сознанию, что они мне дали право на это. То же было в Кёльне: прежде чем пришли к мысли о том, прекрасная экзекуция уже была на сцене». Также кардинал Майнцский, несмотря на то что его отклоняли от этого многие лица, определил возвестить об осуждении книг Лютера во всей области с барабанным боем и пригласить народ к торжественному сожжению этих книг. В таком же направлении действовала в Германии и императорская власть. Карл V в Вормском эдикте говорит, что булла, приказывавшая сжигать сочинения Лютера, была опубликована по его приказанию в различных местах Германии и что она приведена в исполнение в Лувене, Кёльне, Трире и пр. В Кёльне Алеандер старался склонить Фридриха Мудрого к тому, чтобы он приказал сочинения Лютера сжечь, а его самого казнить или по крайней мере схватить и отослать в Рим. Когда в Англии кардинал Вольсей медлил с сожжением сочинений Лютера, то папа послал ему особое бревэ в апреле 1521 г. Папа прислал ему при этом экземпляр книги Лютера «О вавилонском пленении», с присовокуплением замечания: не книга, а скорее сам сочинитель заслуживает быть сожженным. Сверх того, папа объявлял, что он не имеет намерения запрещать чтение книг Лютера тем, кто возымел бы благочестивое намерение опровергать их. В Риме торжественное сожжение сочинений Лютера последовало в июне 1521 г.; при этом сам Лютер был сожжен *in effigie* (т. е. была сожжена кукла, изображавшая реформатора). Что в строго церковных кругах запрещение сочинений Лютера действительно наблюдалось, это видно как из того, что в 1521 г. явилось восьмым изданием сочинение «Наставление приступающим к исповеди о запрещенных книгах», так, в особенности, из примера знаменитого Эразма: когда Эразм обратился к легату Алеандеру с просьбой позволить ему читать сочинения Лютера, то Алеандер сказал ему, что на это нужно особое разрешение папы, и Эразм должен был просить Паоло Бомбазио, чтобы этот содействовал ему получить вышеуказанное позволение. В июле 1520 г. папа Лев X адресовал бревэ к кардиналу Альбрехту, архиепископу Майнцскому, в котором говорилось: нам пришлось увидеть

книгу, сочиненную каким-то Ульрихом Гуттенем и заключающую хулы на св. престол; доставившие нам эту книгу прибавляют, что этим Гуттенем сочинены и еще другие книги, много худшие; и однако этот человек, как нам сказали, стоит в близких отношениях к тебе, а книги его печатаются в Майнце. Он, папа, не понимает, как архиепископ мог приблизить к себе такого вредного человека и советует принять строгие меры против Гуттена. Кардинал отвечал папе: он, архиепископ, как скоро узнал, что некоторые из лиц, принадлежащих к его свите, начали питать дурные чувства к святейшему папе, удалил их от себя, и в том числе Гуттена. Против Гуттена он, архиепископ, ничего более не может предпринять, так как он засел в укрепленном месте и окружил себя множеством вооруженных всадников. Что же касается до типографов, то, несмотря на противодействие очень влиятельных лиц, он посадил их в тюрьму, и воспретил самым строгим образом покупку и продажу книг, позволяющих себе хульно отзываться о святейшем престоле, и в особенности книг Лютера.

За этими первыми мерами против представителей Реформации последовал целый ряд мер еще более строгих. Видное место в этом отношении занимает папская булла, так называемая булла *Caenae Domini*. Буллой *Caenae Domini*, что в переводе означает «булла Великого четверга», называется булла, которая прежде ежегодно торжественно читалась в Риме в Великий четверг. В этой булле были собраны различного рода папские отлучения, торжественно произнесенные папами против известных лиц в прежнее время, а также и против разного рода еретиков. Она была издана впервые Урбаном V (в XIV в.), а потом разрасталась и умножалась. Адриан VI прибавил в ней следующее анафематствование, вызываемое обстоятельствами времени: анафематствуем «Мартина Лютера и тех, кто книги этого Мартина или лиц, принадлежащих к его секте, без нашего апостольского позволения будет читать или иметь в руках, печатать или защищать по какой-либо причине, открыто или тайно, с каким-либо намерением или под каким-либо предлогом». Впоследствии это место буллы, в правление папы Григория XIII (в конце XVI в.), приняло такой вид:

анафематствуем... всех лютеран, цвинглистов, кальвинистов, гугенотов, анабаптистов и антитринитариев и всех еретиков, как бы они ни назывались и к какой бы секте ни принадлежали, и их приверженцев, защитников и покровителей, а равно и тех, кто книги их, заключающие ереси и трактующие о религии, без позволения нашей апостольской власти читает или имеет, или печатает, или защищает». Со времен папы Юлия II предписано было, чтобы эта булла *Caenae Domini* по крайней мере раз в год торжественно возглашалась всеми епископами, а со времен Григория XIII все священники и духовники должны были владеть списком или оттиском буллы и прилежно изучать ее. Торжественное ежегодное провозглашение буллы в XVI в., кроме Италии, имело место в очень немногих странах; эта булла провозглашалась, также как и в Риме, в кафедральных церквах, в Великий четверг. Интересны взгляды католических казуистов относительно запрещения книг, находящегося в булле *Caenae Domini*; эти взгляды собраны Феррарисом. Казуисты рассуждали: чтобы навлечь на себя анафематствование, объявленное буллой за чтение книг, нужно: 1) чтобы книга была сочинена непременно еретиком, а не человеком некрещеным или католиком, по неосторожности или невежеству впадающим в ересь; 2) книга должна содержать ересь и говорить о религии; 3) читатель должен знать, что книга написана еретиком или трактует о религии; 4) он должен читать книгу без разрешения апостольского престола; 5) он должен прочесть из нее столь много, чтобы это вменилось ему в смертный грех. Но сколько именно нужно прочесть из запрещенной книги, чтобы впасть в смертный грех, относительно этого казуисты держались неодинаковых взглядов. Феррарис находит слишком строгим мнение Толета, что для этого достаточно прочесть две строчки, а мнение Саншеза, что для этого нужно прочесть столько, чтобы из прочитанного можно было сделать книгу, тот же Феррарис находит слишком снисходительным. Некоторые казуисты думали, что подпадает анафеме всякий, кто прочтет одну страницу из запрещенного сочинения. Сам Феррарис отказывается высказать взгляд, который бы служил общим правилом, однако выражает ту мысль, что прочитать несколько

строк, содержащих ереси, хуже, чем целый ряд страниц, которые не заключают в себе ничего еретического (!). Другие казуисты приходят к другим выводам. Иезуит Гретцер думает: так как булла говорит только о чтении еретических книг, то не навлекает на себя анафемы тот, кто слушает другого человека, читающего запрещенную книгу, впрочем, в том случае, если он не сам заставил читать книгу этого человека; поэтому если кто заставит своего слугу читать запрещенную книгу и будет слушать, тот ничем не будет отличаться от того, кто собственными глазами станет читать подобную книгу. Казуист Альфонс Лигуори смотрит на этот последний случай более снисходительными глазами. Он высказывает тот взгляд, что не подпадает анафеме тот, кто прикажет другому (слуге) читать запрещенную книгу и станет слушать читаемое; таковой вообще не впадает в грех, как скоро чтением он не приносит себе вреда. Навлекает ли на себя анафему читающий при этом слуга, об этом казуист молчит.

Императорская и королевская власть в XVI в., со своей стороны, делает многое, чтобы содействовать осуществлению папских желаний относительно стеснения печатать вредные книги. Императорский Эдикт 1521 г., изданный для Германии в Вормсе, запрещает осужденные папой сочинения Лютера и все другие его сочинения на латинском, немецком или каком другом языке, или уже написанные им, или могущие быть написанными от него, как худые, подозрительные и обязанные своим происхождением явному и упорному еретику, запрещает их продавать, покупать, иметь, читать, списывать, печатать или защищать; эдикт приказывает князьям и начальникам везде рвать и сжигать их или же содействовать в этом апостольским нунциям и их комиссарам. Запрещение простиралось на сочинения Лютера и извлечения из них, будут ли они изданы анонимно или с каким-либо другим именем, а также на другие книги, листы, картины, которые противны православной вере, добрым нравам, обычаям католической Церкви, равно на хульные сочинения, которые направлялись против папы, прелатов, князей, университетов, факультетов и достойных лиц. В заключение, под угрозой изгнания определялось: впредь

никто не должен печатать книг, хотя бы косвенно касающихся Библии или католической веры, без дозволения архиепископа или его наместника, или теологического факультета ближайшего университета, книги же, трактующие о всяких других предметах, а равно листки и картины запрещено было печатать и продавать без позволения епископа и его уполномоченного. Вормсский эдикт имел силу лишь в некоторых частях Германии, общего же применения его на практике не было. Перед временем созыва рейхстага в Аугсбурге 1530 г. некто Компежио вручил императору Карлу V записку, в которой рекомендовалось: Вормсский эдикт и буллы Льва X привести в исполнение везде, императорскими указами под угрозой наказаний повелеть, чтобы все появившиеся с самого начала возникновения лютеранской ереси книги, служащие к пользе ереси, были отобраны; все эти книги должны быть сожжены и печатание их вновь воспрещено; тем, кто укажет на владеющих подобными книгами, должна быть обещана награда, а также сохранение в тайне имен таковых лиц. Но Аугсбургский рейхстаг не принял подобных мер, он ограничился требованием, чтобы ни одна книга не появлялась в свет без обозначения типографа, какой печатал книгу, и места, где она напечатана. Укажем некоторые более выдающиеся факты, свидетельствующие о том, как и в каких странах Германии исполнялся Вормсский эдикт. Католический писатель тех времен Кохлей говорит: король Фердинанд и католические князья приказали отобрать Новый Завет, переведенный Лютером, и другие его сочинения; в некоторых местах приказание было исполнено и книги эти сожжены; император и католические князья старались о том, чтобы не было печатания и продажи лютеранских сочинений, но, замечает Кохлей, чиновники (*magistratus et senatores*), на которых возложено было смотрение за этим делом, не сочувствовали распоряжению, исполняли свои обязанности неохотно и небрежно. Книгопродавцы находили себе некоторую охрану в чиновниках, держали книги в скрытности и тайно продолжали иметь их, а потом продавали их с большими барышами. Кохлей жалуется, что типографы охотно и за свой счет печатали лютеранские сочинения, а католические сочинения печатали и

неохотно, и редко принимая на себя издержки, и часто печатали очень плохо. Герцог Георг Саксонский опубликовал тотчас же Вормсский эдикт, а затем в 1523 и 1524 гг. старался усилить и увеличить его требования. Он не раз приказывал в лейпцигских книжных лавках отыскивать позорные лютеранские сочинения. В Брейсгау после публикации Вормсского эдикта приказано было обыскивать дома частных обывателей, а во Фрейбурге на площади рукой палача было сожжено 200 книг. В Вене теологический факультет решился запретить типографам и книгопродавцам, под угрозой отлучения, печатание и продажу подозрительных книг. Фердинанд I в марте 1523 г. запретил сочинения Лютера, Эколампадия и Цвингли и определил в 1528 г., чтобы типографы, печатающие, и книгопродавцы, продающие запрещенные сектантские книги, в пределах австрийского государства прямехонько были бросаемы в воду и тонули, а запрещенные их товары были истребляемы огнем. В той же Австрии в 1548 г. один епископ потребовал, чтобы книгопродавцы доставляли список книг, какими они торгуют. Введено было также ревизирование книжных лавок. Ганц Эль, за распространение сочинений Лютера изгнанный в 1525 г. из Регенсбурга, за то же преступление в 1528 г. был обезглавлен в Штейэрмарке. Очень строго применялся Вормсский эдикт в Баварии. Религиозным эдиктом 1522 г. запрещено было принимать отвергнутое папой и императором лютеранское учение и даже диспутировать о нем. Ингольштадтский университет уполномочен был отбирать лютеранские сочинения у книгопродавцов. Книгопродавцам позволено было два или три экземпляра таких сочинений послать в университет, но строго-настрого запрещено было торговать ими. Проканцлер Альберт Гунгер в речи, произнесенной им в 1559 г., похваляется тем, что университет во времена Экка († 1543) за распространение сочинений Лютера и других сектантов нередко сажал книгопродавцов в тюрьму, а двоих книгопродавцов, с дозволения герцога Вильгельма, не только изгнал из города, но из всей Баварии. Религиозным мандатом в июле 1548 г. определено: книги и сочинения, признанные папским святейшеством и римским престолом возмутительными, а равно

нашей христианской вере, спасительному учению и определениям св. Соборов противные, не терпеть в домах и не продавать; кто воспротивится этому определению, тот, как презритель христианской Церкви, королевского величества и князей, будет наказан и телесно, и имущественно. Аугсбургский магистрат потребовал, чтобы книгопродавцы дали клятву, что они ничего не будут печатать без надлежащего разрешения. Учреждена была строгая цензура книг. Насколько строга была цензура также и в протестантских городах, это видно из жалобы одного католического духовного лица, что изданный им в 1543 г. философский труд был искажен по воле Нюрнбергского магистрата в тех местах, которые, казалось, касались лютеранского учения. Замечательно, что в эти времена очень часто было повторяемо распоряжение, чтобы ни одна книга не выпускалась в свет без имени автора и типографа. Цель такого распоряжения состояла в том, чтобы легче можно было открыть лицо, сочинившее или напечатавшее недозволенное сочинение. Но это распоряжение имело следствием лишь то, что во второй половине XVI в. очень возросло число псевдонимных сочинений с обозначением несуществующих типографий.

После Германии посмотрим, как велось дело в Нидерландах. Чтобы воспрепятствовать распространению нового учения в Нидерландах, Карл V от 1521 до 1550 г. издает ряд распоряжений, которые публиковались в различных провинциях. Законодательство становилось все строже и строже. Филипп II верно шел по следам своего отца. Относительно книжного дела в этом законодательстве встречаем следующие общие определения: после публикации Вормского эдикта 1521 г. в Нидерландах еще не раз повторялось требование о сожжении или выдаче еретических книг в определенный срок под угрозой «наказаний телесных, имущественных и по обстоятельствам» (?), а также под угрозой изгнания и смертной казни. В 1549 г. было потребовано, чтобы книгопродавцы в течение восьми дней выдали еретические книги, а частные лица сами должны сжечь их. Известия, дошедшие от тогдашнего времени, говорят о весьма частых и громадных сожжениях книг, об их конфискации и т. д. В том же

законодательстве находим такие определения: если книга трактует о церковных предметах, она должна быть наперед исследована и одобрена епископом или его уполномоченным; все прочие книги нуждаются в королевском разрешении; кто этого определения не соблюдает, тому на эшафоте раскаленным железом делается знак в форме креста или же таковому выкалывали глаз или отрубали руку, смотря по тому, что назначит судья. Если в первой книге, изданной без надлежащего разрешения, не было найдено никакого заблуждения, то виновный наказывался вечным изгнанием и с него брали штраф в 300 каролусгульденов. В том же законодательстве были еще и такие определения: книжные склады следовало ревизовать по крайней мере два раза в год; книжные тюки, присланные из-за границы, могли быть вскрываемы лишь в присутствии чиновников. Никто не мог завести типографию или начать продажу книг без дозволения. Типографы должны были клятвенно обещать, что они ничего не будут печатать без разрешения. Кроме книгопродавцов, получивших разрешение, никто не имел права продавать книг, хотя бы это были молитвенники, собрание церковных песен и календари, ни при дверях церкви, ни в других местах. Как строго соблюдались сейчас перечисленные определения, видно из следующего примера: в 1526 г. книгопродавец Франц Биркманн в Антверпене за продажу шестого тома Златоуста в Переводе Эколампадия был заключен маркграфом в тюрьму. В том же законодательстве находим определения и еще другого рода: в 1546 и 1550 гг. изданы были специальные списки книг, допущенных к употреблению в школах. В этом списке находим следующее: «Диалектика» и «Риторика» Меланхтона запрещены, так как в них встречаются сомнительные примеры; «Грамматика» Меланхтона позволена, но с замечанием, что лучше было бы не упоминать, что написал ее Меланхтон, дабы наименованием автора не побудить учеников прочитать и другие сочинения того же автора; также запрещены были указатели, составленные Эколампадием, к творениям Иеронима; последний труд позволено употреблять лишь под условием, что имя составителя будет изглажено в книге. В том

же законодательстве Карла V встречаем, наконец, и вот какого рода определения: религиозные собрания (не богослужебные) были запрещены под угрозой строжайших наказаний; мирянам запрещено было диспутировать относительно книг Св. Писания. Кто будет найден виновным в ереси, а таковым считался и тот, кто владел или читал запрещенную книгу, на первый раз мог спасти себя от тяжких наказаний отречением от заблуждения; но если кто не хотел сделать этого, то мужчин обезглавливали и головы их выставляли на позорном столбе, а женщин заживо зарывали в могилу; если кто раз был уличен в еретичестве и отказался от заблуждения, а потом вторично был находим повинным в ереси, такого заживо сжигали.

Первый каталог книг, приближающийся по своему характеру, объему и порядку к индексам в собственном смысле, был издан Лувенским теологическим факультетом в 1546 г. Этот каталог был напечатан по повелению императора Карла V. Он заключал в себе перечисление латинских, нидерландских и французских Библий и Нового Заветов; алфавитный список латинских книг, перечисление нидерландских и французских книг. Разумеется, все эти книги были запрещены. В предисловии к каталогу факультет говорил: император поручил ему исследовать все библиотеки и книжные склады и устранить из них книги еретические, приближающиеся к ереси и опасные для неученых; книги, внесенные в каталог, замечает факультет, не только все еретические или подозрительные в отношении к еретичеству, но частью и такого рода, каких в это опасное время «лучше не читать» и не давать в руки простому народу и молодым людям. После замечаний относительно запрещения Библии далее говорится: некоторые придут к мысли, что факультет мог бы внести в этот каталог больше книг, но, с одной стороны, некоторые из них действительно не попали на глаза факультету, а с другой стороны – с некоторыми книгами приходится примириться, чтобы через слишком большую осторожность не принести больше вреда, чем пользы. В заключение каталога факультет замечает: эти книги указаны императору в качестве таких, которые заслуживают того, чтобы

они были запрещены от него, и он действительно запретил их для своих подданных.

Обращает на себя внимание также деятельность Кельнских соборов 1549 и 1550 гг., направленная к запрещению различных книг. На Кельнском соборе 1549 г., принимая во внимание то, что «простые и неученые священники, которые не умеют отличать чистое от нечистого и которые покупают книги о религиозных предметах, какие случится», определено: всем верующим, в особенности проповедникам, под угрозой анафемы, остерегаться книг, вышедших из мастерской Лютера, Буцера, Кальвина, Эколампация, Бюллингера, Меланхтона, но также и некоторых церковно-исторических сочинений. Тот же собор определил: в школах не должны быть употребляемы никакие соблазнительные, подозрительные и неправославные книги, вообще никакой автор, если он не одобрен от *decanus artium* ближайшего католического университета, или от ученого прелата или иного мужа, назначенного для этой цели по воле епископа. Под угрозой анафемы запрещается употребление таких книг, которые, по-видимому, написаны для того, чтобы привести юношей к заблуждениям, а именно некоторые учебники грамматики, диалектики и риторики, в которых примеры заимствуются из области извращенных догматов еретиков, дабы ничего не подозревающее юношество вместе с наукой не впитало учение еретиков и сектантов. Кельнский собор 1550 г. занимается, между прочим, вопросом о книгах позволенных и не позволенных в школах; здесь между книгами, полезными для школы, не поименованы поэтические труды Теренция, а указаны труды Пруденция, Ювенкуса, Баптиста Мантуана. Кстати упомянем: вот какой план преподавания латинских авторов был выработан несколько позднее для школ Баварии: вместо Вергилия приказано было читать какого-то Иеронима Виду (*Vida*), Баптиста Мантуана, вместо Горация – Пруденция, Фламиния, Иоанна Педионея, вместо Овидия – какого-то Амвросия Новидия; вместо писем Цицерона и Плиния рекомендовалось читать письма Иеронима. В вышеупомянутом же школьном плане, который утвержден Кельнским собором, встречается такое требование: в праздничные дни должны быть

изъясняемы Евангелия и Послания «лишь в грамматическом отношении», в праздничные и воскресные дни позволено петь лишь «чистые» гимны, т. е. исключительно латинские.

В Испании особенно деятельную роль в преследовании книг играла инквизиция. От нее дошло до нас множество предписаний относительно книжного дела, явившихся в XVI в. Испанские инквизиторы имели право осматривать все библиотеки и еретические книги истреблять. Они уполномочены были подвергать отлучению тех, кто противится мерам святого учреждения, тех, кто имеет в своих библиотеках запрещенные книги, читает их или не доносит на лиц, позволяющих себе это. В 1549 г. сами инквизиторы были лишены права давать кому-либо позволение иметь и читать запрещенные книги; даже консультанты инквизиции не должны были читать запрещенные книги, не исключая и таких, какие находились у них на руках по причине их должности консультантов инквизиции (но спрашивается: как же можно было после этого определить, вредна ли книга и насколько?). Испанский генерал-инквизитор Фернандо Вальдес (Valdés) опубликовал в Испании индекс, в основу которого был положен Лувенский индекс.

Очень интересные сведения собраны Рейшем для характеристики положения книжного дела во Франции. Распоряжения относительно этого дела обыкновенно издавались королем или парламентами, особенно парижским. В 1525–1555 гг. являются очень деятельными в данном отношении несколько инквизиторов, в качестве инициаторов по части запрещения книг, но это были не церковные сановники, а двое парламентских советников и двое докторов теологии. Они-то и побудили войти в их план архиепископа Парижского и других епископов. Запрещения определенных книг публиковались Парижским парламентом, по настоянию епископов или инквизиторов. Выдающуюся роль в данном случае играла Сорбонна. В 1521 г. король Франц I, по настоянию Парижского университета, приказал, чтобы никакие новые латинские и французские книги, касающиеся религии и Св. Писания, не были печатаемы, прежде чем они будут исследованы теологическим факультетом или его депутатами. В 1523 г. Парижский

парламент определил: все сочинения Лютера, под опасением изгнания и конфискации имущества, в ближайшую пятницу должны быть добровольно выданы и сожжены на площади перед храмом Парижской Богородицы; кто учение Лютера защищает или держит его книги, тот, как человек, подозреваемый в ереси, должен быть представлен епископу; это определение следовало возвестить при трубном звуке на улицах Парижа, Лиона и других городов, а также там, где это будет найдено нужным. Тем же распоряжением парламента потребовано в Париже, чтобы по улицам ходили глашатаи, объявлявшие, что все в течении восьми дней обязаны добровольно выдать сочинения Меланхтона, под угрозой штрафа в 100 марок серебра и других наказаний; книги Меланхтона должно было представить Парижскому архиепископу, который имел их исследовать при содействии теологического факультета. Само собой понятно, что сочинения Меланхтона были найдены вредными и достойными сожжения. В 1542 г. тот же парламент определил: все приходящие в Париж тюки с книгами вскрывать в присутствии четырех присяжных книгопродавцов, книги исследовать ректору университета с назначенными для сей цели докторами и затем список дозволенных книг вручать королевскому прокурору. В феврале 1543 г. парламент, по настоянию инквизитора и на основании мнения Сорбонны, приказал довольно большое число книг, между ними труды Меланхтона, Женевскую Библию и одно сочинение Кальвина – эти-то книги и были главным мотивом к нижеследующему, – «сжечь на площади Парижской Богородицы под звуки большого колокола, а пепел рассеять, ко вразумлению народа и ко умножению христианской и католической веры». В 1551 г. парламент опубликовал несколько общих определений относительно книжного дела, между которыми обращают на себя внимание следующие: книги, напечатанные в Женеве и других местах, явно отпавших от веры, не должны быть ввозимы во Францию; книги, которые Сорбонна внесла или имеет внести в свои каталоги, не должен никто печатать, продавать и иметь, эти книги должны быть выданы владельцами в течение месяца; только те лица могут

удерживать их, которые по каноническим определениям имеют право отвергать их. Книги, касающиеся Св. Писания и христианской религии, появившиеся в течение последних сорока лет, не должны быть снова печатаемы и пускаемы в продажу, если они наперед не одобрены депутатами теологического факультета. Книги умершего автора, касающиеся Св. Писания, не должны быть в продаже, если они не рассмотрены депутатами факультета. Книжные тюки, пришедшие из-за границы, должны быть вскрываемы в присутствии двух депутатов теологического факультета или в тех местах, где таковых нет, в присутствии двух чиновников.

Особенно деятельную роль, как мы сказали выше, играла в рассматриваемом отношении Сорбонна. В 1542 г. Сорбонна выхлопотала себе у парламента право составлять список книг, которые она находит полезным запретить. Сорбонна действительно составила такого рода каталоги, которые королевскими эдиктами были обнародованы в 1547 и 1551 гг. в качестве обязательных. В каком строгом направлении действовала Сорбонна, видно из следующих фактов. Сорбонна при тогдашних обстоятельствах нашла опасным издавать переводы Библии и отдельных библейских книг: уже появившиеся переводы она находила лучше стеснить, чем терпеть. Сообразно настояниям Сорбонны, парламент определил: все должны выдать имеющиеся у них – Псалмы, Евангелия, Послания Павла и другие книги Ветхого и Нового Заветов во французском переводе, а также «французскую книгу, содержащую праздничные и воскресные Евангелия, Послания, читаемые в течение года, с присоединением некоторых молитв»; сроком для выдачи книг назначено 8 дней. Эти книги нельзя было снова печатать и продавать под опасением конфискации имущества и изгнания. В 1537 г. в Париже появилась книжка «*Symbalum mundi*», автором которой было лицо, приближенное к королеве Наваррской. Книга заключала в себе осмеяние язычества; но некоторые поняли ее в смысле осмеяния некоторых сторон христианства. Этьенн Паскье говорил о ней: «Это лукианизм, который заслуживает того, чтобы он был брошен в огонь вместе с автором, если он жив».

Предложено было выразить свое мнение о книге и Сорбонне. Эта последняя произнесла такое суждение: «Хотя книга не включает определенных заблуждений относительно веры, однако, как опасная, она должна быть запрещена». Строгости относительно книг из Парижа распространились и в провинции. Тулузский инквизитор Видадь-де-Беканис, под влиянием Сорбоннских индексов, издал свое распоряжение относительно книг, опубликованное в 1549 г. Распоряжение требует, чтобы всякий доносил на тех, кто является подозреваемым в ереси, а также на тех, кто в течение последних трех лет имел, печатал, покупал, продавал, переплетал, позволял печатать или переплетать запрещенные книги.

Со стороны пап строгости относительно чтения запрещенных книг увеличиваются особенно с 1550 г. Вот что говорится в булле Юлия III, появившейся в апреле 1550 г. «Некоторым позволено иметь и читать еретические и подозрительные книги с целью опровержения заключающихся в них заблуждений. Но так как вместо ожидаемой отсюда пользы появились худые последствия, то мы берем назад всякое позволение, кому-либо предоставленное, читать и иметь лютеранские и другие еретические и подозрительные книги, было ли это позволение дано нашими предшественниками, или нами, или легатами апостольского престола, также легатами de latere, или кем-либо другим; все лишены права читать и иметь вышеуказанные книги, все какого бы кто состояния или ранга ни был, хотя бы это был епископ или архиепископ или иной высший церковный сановник»; исключение было сделано лишь для инквизиторов и комиссаров инквизиции во время отправления ими своих должностей. Поэтому, заключает булла, «все, кто владеет запрещенными книгами, хотя бы то было с особенного дозволения апостольского престола, должны в течение 60-и дней представить книги инквизиции». Подобные же буллы или бреве были издаваемы многими последующими папами – Павлом IV, Пием IV, Павлом V и т. д. Конечно, временами папы ввиду тех или других потребностей давали некоторым лицам право читать запрещенные книги, но это было сопряжено с большими затруднениями. Очень характерно в том

же отношении бреве Юлия III от 4 июня 1551 г., с которым папа обратился к кардиналам, назначавшимся быть председателями на знаменитом Тридентском соборе. Здесь говорилось: «Так как важнейшая задача собора состоит в том, чтобы мнения, изречения и писания еретиков устранить, разобрать, опровергнуть и побороть, то мы для того чтобы собор мог легче достигнуть этой цели, в силу апостольской власти, для настоящего времени даем вам полномочие дозволить тем прелатам, докторам теологии и канонического права, каким вы хотите, в продолжение течения собора и на время участия в нем – иметь у себя и читать с вышеуказанной целью книги лютеран и других еретиков, а также и другие запрещенные книги. Сверх того мы позволяем вам (кардиналам, председателям собора) и другим вышепоименованным лицам иметь сношения, обращаться и разговаривать со всеми протестантами, также с явными еретиками, которые придут на собор, позволяем, устраняя опасность подпасть церковным запрещением». Легаты папы Пия IV через особое бреве от 25 марта 1561 г. получили подобное же полномочие. Формуляр, по которому легаты получили позволение читать запрещенные книги, читается так: «Отличная слава твоей добродетели, нравственность, религиозность, равно как и твоя теологическая ученость расположили нас... Так как наш Всесвятейший Господь и апостольский престол всех тех, кто читают в книгах лживые и извращенные мнения лютеран, объявляет подлежащими анафеме и другим известным наказаниям, а ты сочинения и дьявольские воззрения названных еретиков хочешь с помощью Св. Духа разоблачать и в католическом направлении опровергать, чего без чтения вышеуказанных мнений сделать невозможно, и чтобы не подпасть анафеме ты смиренно просишь нас дать тебе позволение читать вышеназванные запрещенные книги, то мы в надежде, что чтение тобой лютеранских книг доставит через тебя христианской религии немалую пользу, хотим в силу нашей апостольской власти даровать тебе позволение читать мнения, находящиеся в сочинении названных еретиков, объявляя при этом, что ты за такое дело не будешь подлежать анафеме и другим

наказаниям». В силу воззрения папской курии, высказанного в приведенных буллах, чтение еретических книг, под угрозой отлучения, было воспрещено без папского дозволения не только для самих ученых теологов, но и для самых высоких сановников Церкви, епископов и кардиналов. Кардиналы инквизиции имели право читать запрещенные книги, но только на то время, когда они состояли в этой должности. Что же касается других епископов и кардиналов, то они не могли этого делать без специального уполномочия – или от самого папы, или инквизиции, или от индекс-инквизиции, или других властей, во всех последних случаях не без соизволения папы. Епископы лицам, принадлежащим к их диоцезам, могли сообщать это право тогда и постольку, когда и поскольку они имели специальное на то уполномочие опять-таки от папы. Епископы, по определению Климента VIII, могли давать разрешение благонадежным лицам читать только книги не безусловно запрещенные, а с оговоркой, «пока они не будут исправлены» (*donec corrigatur*), да и в этом случае епископы давали разрешение лишь на три года. Что запрещение книг имело свою силу и по отношению к кардиналам, об этом свидетельствует факт, что во время суда инквизиции относительно кардинала Моронэ (Могопе) один обвинительный пункт гласил следующее: он владел книгами еретиков, читал их и другим давал читать. Моронэ отвечал на это: на основании данного ему позволения он занимался еретическими книгами для того, чтобы опровергать их; позднее-де он отослал их ученому Сирлето для папской библиотеки; он-де удержал у себя лишь запрещенную Библию Себастьяна Мюнстера, а впрочем, может быть, по недосмотру, оправдываясь обвиняемый, в доме остались и еще какие-нибудь книги того же рода.

Как выше мы видели, кардиналы инквизиции имели право читать запрещенные книги, пока находились в этой должности, тем не менее папа Пий IV, в 1564 г., как он выражается, «во устранение всякого сомнения и соблазна», объявлял тем же лицам, что они могут читать все запрещенные книги, не исключая таких, какие написаны против нас (пап). Кардиналы инквизиции давали позволение читать запрещенные книги также

своим чиновникам, своим консультантам и провинциальным инквизиторам. Папа Пий IV буллой в 1564 г. уполномочил кардиналов инквизиции давать позволение и посторонним лицам читать запрещенные книги на всю жизнь или на определенное время, но не иначе как с разрешения так называемого полного собрания или заседания инквизиции. На основании этого полномочия четыре кардинала инквизиции в 1567 г., в силу «единогласного решения» позволили ученому кардиналу Вильгельму Сирлето «во уважении его ревности к католической вере иметь, читать и если он захочет – опровергать, все книги, помещенные в индексе, также книги ересиархов, а равно все безбожные и суеверные книги», но под условием, что он будет держать их скрытно и будет избегать всякого соблазна для других. Со времен Сикста V такое общее дозволение стало правом лишь таких собраний инквизиции, на которых председательствовал сам папа, и притом если добивавшиеся такого дозволения были не итальянцы. Обычным же правилом стало, что инквизиция давала ограничительное право читать запрещенные книги; давалось позволение читать определенные книги, и притом желавший читать должен был представить доказательства, что он занят опровержением еретиков. Интереснейший пример позволения читать все книги, но данного собранием инквизиции под председательством папы, указывает документ, относящийся к ноябрю 1602 г. и касающийся обратившегося в католичество Юста Кальвина или, как он назывался по обращению, Юста Барония. Здесь говорится, что доказательство Барония добыть себе разрешение читать запрещенные книги с целью опровержения их было обсуждаемо в заседании, на котором председательствовал сам Климент VIII. На этом заседании определено: дать Баронию позволение в течение пяти лет читать и иметь все запрещенные книги, но с условием, что он будет держать их скрытно и избегать соблазна и опасности для других. Список с этого определения и самый каталог книг, какие хочет иметь и читать Юст, он должен был сообщить местному епископу. По истечении же пятилетия, а равно в случае смерти Барония, следовало книги у него отобрать, чтобы они не могли

попасть в другие руки, и сжечь их. Позднее секретарь индекс-конгрегации мог давать разрешение читать запрещенные книги (за некоторыми исключениями), но только не больше как на три года, а по прошествии их еще один раз на три года и притом давать разрешение на основании свидетельства епископа, генерал-викария, орденского генерала или другого заслуживающего уважения лица – о благонадежности просителя. Этот последний должен был мотивировать свою пользу, и притом не общей ссылкой на то, что книги нужны при его занятиях, а указанием на то, что он хочет опровергать книги, или же что он несет такую должность, которая делает для него необходимым знакомство с запрещенными книгами. Чтение же книг по церковной истории или книг, излагающих опасную философию, разрешалось с великой осторожностью, а чтение догматических запрещенных книг дозволялось лишь самым знаменитым богословам и не иначе, как с целью полемики. Папские нунции получали также, вследствие папского бреве, позволение читать запрещенные книги, но с выразительным ограничением: «В видах опровержения еретиков и под условием, что книги не будут вывозимы из данной провинции». В XVII в. нунции приобрели полномочие дозволять другим читать запрещенные книги, но лишь на пять лет, да еще с условием, чтобы получившие позволение читать запрещенные книги, в случае смертельной опасности, употребили все меры к тому, как бы после их смерти книги не попали в руки посторонних людей.

Замечательно условие, на котором давалось иногда позволение читать вышеуказанные книги мирянам: они должны были делать «такое употребление из этого позволения, какое присоветует им их духовник», т. е. они должны были читать только такие книги, какие позволит им этот последний. Генерал ордена иезуитов в продолжение долгого времени имел полномочие давать позволение читать внесенные в индекс книги зависящим от него иезуитам, но позднее при папе Урбане VIII и генерал ордена иезуитов был лишен такого права. Впоследствии он должен был испрашивать позволение читать запрещенные книги даже для себя лично перед инквизицией.

Укажем теперь, как поступали католические князья, если они домогались права читать запрещенные книги или иметь их в своих библиотеках. Когда кардинал Моронэ в 1576 г. был назначен папским легатом в Регенсбург, то герцог Баварский Альбрехт V начал хлопотать перед ним о снисхождении (indult) относительно запрещенных книг. Герцог не имел в виду читать каких-либо ех professo еретических книг о религиозных предметах; он интересовался, кажется, лишь историческими сочинениями и другими книгами в том же роде, относящимися к запрещенным. А главное, такого дозволения иметь запрещенные книги он добивался для своей библиотеки, в которой, без сомнения, находилось много книг, внесенных в индекс; притом же библиотека должна была пополняться разными книгами, а следовательно, и запрещенными. Герцог выставлял на вид, что даже интерес Церкви требует, чтобы в библиотеке хранились такие книги, в сочинении которых раскаялись авторы еще при своей жизни. Моронэ отвечал на такое ходатайство: собственно, было бы гораздо правильнее и целесообразнее, если бы герцог не включал в библиотеку запрещенных книг, а сжигал бы их; за это «все потомки восхвалили бы его». Если обладание такого рода книгами, объяснял легат, не причиняет никакого вреда ему самому (герцогу), то, однако же, оно может быть опасным для его потомков, или для его прислуги, так как присутствие в библиотеке книг Гусса открыло и теперь уже некоторые неблагоприятные последствия. Но если герцог твердо стоит на своем, то он, легат, дает ему позволение держать запрещенные книги в библиотеке, но с тем, чтобы они хранились там в особенном месте и были недоступны для посетителей библиотеки. При этом легат заметил, что книги богословского содержания лучше бы совсем устранить из библиотеки, позволительнее держать книги исторического и тому подобного содержания. Герцог Альбрехт получил позволение в течение всей своей жизни иметь и читать запрещенные книги. Его преемник, Вильгельм V, в 1579 г. также получил подобное разрешение от нунция Нингварды, но, во-первых, герцог должен был хранить их в библиотеке в особенном зале, во-вторых, они

должны быть заперты на два ключа, из которых один должен находиться у герцога, а другой у теолога, в-третьих, чтобы книги давались лишь лицам, имеющим разрешение читать запрещенные книги и желающим пользоваться ими для защиты католической веры. Позднее герцог Вильгельм обратился к папе Клименту VIII с письмом, в котором просил его разрешить владеть запрещенными книгами на сейчас приведенных условиях не только ему (Вильгельму) лично, но его наследникам, заявляя, что его «наследники соделают величайший грех, достойный божественного мщения, если они хоть на одну пядь отступят от того пути (в указанном отношении), по которому идет сам Вильгельм и шли его благочестивые предки». Но инквизиция такое «абсолютное и неограниченное позволение» сочла сомнительным и дала испрашиваемое разрешение в феврале 1598 г. только самому герцогу и его наследнику Максимилиану, «во уважение их благочестия и их ревности к католической вере».

Отметим некоторые характерные факты того же рода в истории Испании. В сочинении Кордоны, епископа Дертозского, о библиотеке в Эскуриале от 1587 г. замечается: нужно было папское разрешение, чтобы испанские короли могли хранить в библиотеке книги, запрещенные папами и инквизиторами, и притом эти книги должно было держать в потаенном месте, куда вход никому не был позволен без специального позволения на то инквизиции. Каково было при таких условиях положение профессоров теологии в католических университетах, об этом красноречивее всяких слов говорит следующий факт. Андрей Залль, профессор *der controversen* (т. е. профессор обличительного богословия) в знаменитой Саламанке, в июне 1652 г. получил позволение читать запрещенные книги лишь на один год, причем на него была наложена обязанность: если он встретит в книгах подозрительные места, не отмеченные в индексе, то он должен известить об этом инквизицию. Когда тот же профессор просил позволение, чтобы ему можно было еще в течение года заниматься запрещенными книгами, то инквизиция выразила ему свое неудовольствие за то, что он не указал ни одного соблазнительного места в прочитанных им книгах.

Протестантских сочинений профессор «контroversов», как он сам говорит, впрочем, совсем не видел в Саламанке.

В 1554 г. испанский генерал-инквизитор, архиепископ Севильский Фернандо Вальдес издал второй индекс. Этот индекс замечателен тем, что он представляет собой первый экспургационный индекс, так как им приказывалось некоторые книги отбирать у владельцев, а потом по исправлении (expurgatio) снова возвратить их последним. Дело касалось различных изданий Библии. Вот что говорит Вальдес в своем индексе: «В обращающихся среди публики и напечатанных большей частью с 1528 г. изданиях Библии содержатся очень многие заблуждения. Инквизиция распорядилась было подвергнуть их сожжению. Но так как заблуждения внесены не в самый библейский текст, но содержатся только в суммариях, примечаниях и указателях и так как многие церкви, монастыри, университеты, книгопродавцы и частные лица жалуются на потери, какие им причиняет уничтожение книг, то инквизиция после совещания с членами Саламанкского университета и другими учеными лицами и с разрешения регента принца Филиппа определила изготовить “цензуру”, в которой будут указаны ошибки и подозрительные слова, по уничтожении коих Библии и Новый Завет будут снова оставляемы у их собственников. Поэтому определено: кто имеет экземпляры вышеупомянутых изданий, тот в течение 60-и дней по издании этого эдикта обязан представить их местным инквизиторам, или их депутатам, или епископу, или его генерал-викарию. Эти последние сообразно “цензуре” уничтожают соблазнительные места и суммарии, т. е. они так зачеркивают, что нельзя более читать их. Что известная книга подверглась экспургации, об этом следует составлять акт у нотариуса в присутствии свидетелей. В начале и в конце такой книги должна быть именная подпись инквизитора и его комиссара, епископа или генерал-викария, и обозначена дата, когда последовала экспургация (причем пошлины за это никакой не брать). Также, конфискованные экземпляры должны подвергнуться экспургации и возвращены владельцам. По истечении 60-и дней дело экспургации объявляется законченным. Эта экспургация

имеет место в отношении к книгам, уже находящимся в настоящее время в Испании; ввоз же других экземпляров тех же книг воспрещен. Кто по истечении указанного срока осмелится иметь экземпляры, не подвергнувшиеся экспуркации, те навлекут на себя *excommunicatio major latae sententiae* и с ними будет поступлено как с людьми, подозреваемыми в ереси; экземпляры у виновного будут конфискованы, с него будет взят штраф в 30 дукатов, из коих 10 пойдет в пользу доносчика, 10 в пользу судьи и 10 в кассу инквизиции. Тому же взысканию будут подвергнуты книгопродавцы, которые будут ввозить из-за границы книги, подлежащие экспуркации. Декрет должен быть опубликован инквизиторами везде. Они угрожают надлежащими наказаниями и тем, кто не доносит на владельцев Библий, не подвергнувшихся экспуркации». – Впоследствии такой же экспуркации и приблизительно на таких же условиях стали подвергать и другие книги, кроме изданий Библии. Замечательны мысли и суждения знаменитых католических ученых тех времен относительно экспуркации книг. В предисловии к Антверпенскому экспуркационному индексу Ариан Монтан говорит: должно признать, что многие авторы подвергнутых экспуркации книг, которые уже умерли и в другом мире лучше узнали истину, если бы они воскресли из мертвых, были бы очень благодарны цензорам; те же писатели, которые еще живы, могут выражать радость, что их сочинения, по устранении соблазнительного, стали общепринятыми, и некоторые из них в письмах высказались именно в этом смысле. Известный католический ученый Гретцер старается устранить те возражения, какие делались по поводу экспуркации книг. Возражатели спрашивали: «Что сказали бы умершие авторы о произведенных изменениях в их сочинениях, если бы они снова воскресли?» Гретцер отвечает: «Если бы они пришли из рая или чистилища, то они были бы очень благодарны; если бы они пришли из ада, то они высказались бы подобно блудному сыну; а если бы они отнеслись к делу не так, то их столько же нужно слушать, сколько мы слушаем возражателей». Возражатели говорили еще: «Покупатели вводятся в обман, приобретая подвергнутые экспуркации книги». Гретцер: «Они

должны быть рады, что вместо худых получают хорошие товары». Возражатели: «Церковь не имеет власти над чужими книгами». Гретцер: «Однако же, она тысячи пережгла их. И на это, и на другое она имеет власть в предписании: “паси овцы моя”» и т. д.

В Медиоланском и Венецианском индексах, изданных в 1554 г., некоторые черты также заслуживают упоминания. Здесь говорится: «Кто еретические и запрещенные книги, именно помеченные в индексе, имеет и в течение месяца отдает, тот освобождается от всяких прещений и наказаний; по истечении этого срока никому это не простится, а с ним будет поступлено по силе законов. Имена доносчиков будут храниться в тайне, и они будут получать треть штрафных денег. Кто знает еретика и человека, подозреваемого в ереси в Медиолане и Медиоланском диоцезе, тот должен донести на него в течение 30 дней, а кто этого не сделает, тот подвергается отлучению и штрафу в 50 золотых скуди. Это же наказание ожидает тех, кто оказывает содействие лютеранам и другим еретикам. Лютеранин или другой еретик, по своему побуждению приходящий и приносящий покаяние и добровольно доносящий на совиновных, может рассчитывать, что имя его будет сохранено в тайне и что он получит одну четвертую штрафных денег. Этот эдикт должен быть прибит на трех церквах в Милане и на главных церквах в других городах». – В одном из этих индексов в число запрещенных авторов внесены следующие лица: Адам Ризер – арифметик, Генрих Фогтерр – живописец, не знавший латинского языка, Иоанн Саккс – писавший немецкие вирши, Матфей Грейтер – музыкант, Иаков Даксер, несколько недель сидевший в тюрьме в качестве лютеранина, а потом выпущенный отсюда, ничего не писавший, и т. д.

Первый по повелению папы обнародованный индекс, первый индекс в собственном смысле, появился в 1559 г. Виновником его был Павел IV. Во главе индекса Павла находится декрет инквизиции (которая, собственно, и изготовила индекс); этот индекс должен был быть прибит к дверям церкви Петра в Риме, дворца инквизиции и *in aëie campī floriæ*. Он гласил: «Всем верующим христианам, какого бы они

звания и состояния ни были и где бы ни обитали, мы повелеваем, под угрозой подозрения в ереси, лишения всех достоинств, должностей и бенефиций, какими они обладают, и под угрозой всегдашней неправоеспособности приобретать эти и другие должности и бенефиции (кстати заметить, что в одном индексе герцогства Луккского прибавлено, что такая угроза простирается на детей и внуков. – А. Л.), а также под угрозой вечного позора и иных наказаний: чтобы впредь никто не осмеливался писать, издавать, печатать или позволять печатание, продавать или под каким-нибудь предлогом явно или тайно давать, принимать, или как-либо сберегать или допускать сбережение – хоть какой-либо одной из книг или сочинений, которые помечены в этом индексе священного суда (Heil. Officium), или какие-либо другие сочинения, о которых известно, что они составлены еретиком или запятнаны каким-либо лжеучением. Кто не послушается этого приглашения или какие-либо книги и сочинения, кои он имеет и кои относятся к запрещенным, не представит» кому следует, тому угрожалось отлучением и т. д. Рассматриваемый индекс запрещенных авторов и таких же книг изложен в алфавитном порядке и разделен на три класса: к первому отнесены такие авторы, все сочинения которых запрещены; ко второму – такие, у которых лишь некоторые сочинения запрещены; к третьему классу отнесены анонимные сочинения, содержащие вредные лжеучения. Относительно писателей первого класса в индексе помечено: запрещены все их книги, переводы, комментарии, истории, письма, диалоги, апологии, – какие теперь ими сочинены или в будущем они напишут, хотя бы о вере и религии в их произведениях совсем не было речи.

В индексе папы Павла IV между прочими запрещены: все Библии, т. е. издания Нового Завета, на народном языке – немецком, французском, итальянском, английском, фландрском и т. д.; их не должно печатать, читать и иметь без письменного разрешения римской инквизиции. В этом индексе к запрещенным сочинениям отнесены труды таких авторов, которые ничего или почти ничего не писали по богословским вопросам: труды филолога Иоахима Камерария, юристов

Иеронима Шурффа, Мельхиора Клинга и т. д. Некто Гаспар Гельделин внесен в этот индекс за то, что он перевел сочинения Плутарха и Лукиана. В индексе очутился Конрад Дасиподий, изобретатель часов, писавший лишь математические сочинения. К первому классу запрещенных авторов, т. е. к числу самых опасных, наравне с Лютером, в рассматриваемом индексе отнесены три греческих богослова Средних веков, которые давно умерли: Марк Эфесский, Николай Кавасила и Нил Кавасила. В индексе оказались запрещенными некоторые весьма важные и весьма древние апокрифы, имеющие по преимуществу научное значение: так называемые «Климентины» и «Евангелие Никодима». Индекс не оставил без должного внимания и типографов, в заведениях которых «напечатаны были различные еретические книги»; таких типографов индекс насчитывает 61. Перечислив их, индекс в заключение замечает: «Все книги, трактаты и труды какого бы то ни было автора, какого бы то ни было содержания и на каком бы то ни было языке, если они будут напечатаны у вышеуказанных типографов, позволивших себе прежде печатать еретические сочинения, – все эти книги и трактаты дóлжно считать запрещенными». Все эти книги и трактаты, замечает еще индекс, должны считаться подозрительными, их не следует ни продавать, ни покупать, ни читать, так как они напечатаны у типографов, занимавшихся доныне печатанием еретических книг.

Какое впечатление произвел индекс Павла на римско-католических ученых, об этом свидетельствует письмо, которое некто Латинус Латиниус в 1559 г., вскоре после публикации индекса, писал Андрею Мазию: «Что тебе пришло в голову готовить к печати новые сочинения в такое время, как наше, когда все доныне явившиеся в свет книги изъяты из употребления? Я думаю, что из нас многие годы никто ничего не будет писать, кроме писем. Только что появился индекс книг, которых мы под угрозой отлучения обязываемся не иметь. Запрещено так много книг, что нам оставлены лишь немногие, в особенности из тех, которые напечатаны в Германии. Почему я советую тебе бросить перевод Демосфена и варианты Библии.

Ферн уже несколько дней занят очисткой своей библиотеки, а я займусь этим завтра, чтобы у меня не нашлось ничего такого, что иметь не позволено. Как назвать это, кораблекрушением книги или книжным пожаром?» Инквизиция после издания папского индекса, насколько могли достигать ее руки, отобрала, конфисковала или пережгла, без сомнения, множество книг. Но все-таки Рейш считает риторическим преувеличением, если Наталис Комес рассказывает: «Везде сожжена такая масса книг, что если бы они были сожжены в одном месте, то вышел бы почти пожар Трои. Нет ни одной частной и общественной библиотеки, которая была бы пощажена и которая бы почти совсем не запустела. Во многих городах Италии были сожжены книги не без многочисленных жалоб народа относительно потери». По мнению Рейша, папский декрет не был нигде приведен в исполнение во всей строгости, не исключая Рима. Avviso di Roma от 14 января 1559 г. извещает: одно духовное лицо, принадлежащее к духовному ордену, обратило внимание председателя инквизиции на то, что в Испании не очень строго относятся к книгам, и рекомендовало смягчить строгости и в Риме, ввиду того, чтобы не причинить слишком больших убытков книгопродавцам и ученым через истребление книг. Председатель, однако же, отвечал: Рим дает законы Испании и всему миру, а не Испания римлянам; но другие члены инквизиции находили целесообразным предложение патера и выражали надежду, что на практике декрет будет смягчен и не все запрещенные книги будут преданы огню. Относительно Болоньи Avviso от 11 февраля 1559 г. извещает: индекс здесь приведен в исполнение. Ничего другого не позволено, кроме thesaurus linguae latinae и комментариев Долета; из сочинений Эразма ничего не позволено удерживать, кроме некоторых переводов св. отцов, да и то имя переводчика изглажено из книг.

Павел IV в том же 1559 г. умер, и после этого о строгом исполнении декрета не могло быть и речи. За пределами папской области декрет исполнялся кое-как. В Венеции и Генуе, по настоянию инквизиции, индекс был напечатан и обнародован, но, по крайней мере в Венеции, он не был

приведен в исполнение. Вице-король Неаполитанский и правитель Милана не допустили публикацию индекса. Герцог Тосканский Казимо долго противился приведению в действие индекса и только вследствие неотступных требований кардинала дозволил сжечь книги, направлявшиеся против религии и трактующие о магии и астрологии, а прочие были пощажены. Бенино Ариас Монтан говорит: «Индекс всполошил всех ученых, как скоро они узнали о нем. Но во Франции и большей части Италии он не встретил себе послушания, а в Испании так и совсем не позволено было обнародовать его».

Кроме перечисленных и рассмотренных нами индексов, Рейш в своей книге говорит еще о многих других индексах и сообщает о них интересные сведения – об индексах знаменитого Тридентского собора, Бельгийском, Мюнхенском, Лиссабонском, папы Сикста V, испанских генерал-инквизиторов Вальдеса и Квирочи, но говорить о них мы не станем, не желая удлинять нашего реферата. Сделаем лишь замечание в двух-трех словах об индексе Тридентского собора. Этот индекс по существу дела есть пересмотренное издание индекса Павла IV. Важнейшее отличие его от Павлова в том, что здесь при многих сочинениях прибавлена формула «donec corrigatur», чего в индексе Павла почти не встречаем. Индекс Тридентского собора замечателен еще тем, что он многих авторов, внесенных в индекс Павла, вычеркивает, находя, что прежде они внесены были по ошибке, а именно вычеркнуты были, как говорит Тридентский индекс, такие, «которые жили благочестиво, мыслили по-католически», вычеркнуты были также такие книги, «которые полезны для светской науки и вовсе ничего не говорят о религии и вере». Индекс Тридентского собора издан в свет в 1564 г.

Остановимся на несколько минут вниманием на двух сторонах индексов, посмотрим, какие знаменитые католические авторы были внесены в индекс и какие из более замечательных светских писателей попали сюда же. Из видных католических писателей прежде других попал в индекс известный Эразм Роттердамский. В индексе Павла IV Эразм отнесен к первому классу запрещенных авторов, т. е. к самым опасным; при его

имени было прибавлено, что запрещены все его комментарии, схолии, диалоги, письма, переводы и книги, «хотя бы в них совсем не было речи о религии». Индекс Сикста V повторил это запрещение, заметив, что отринуты все сочинения Эразма, «какого бы они ни были содержания». В индекс внесены были имена Николая Клеманжиса и Савонаролы. Папа Павел IV, познакомившись с сочинениями последнего, воскликнул: «Да это сам Мартин Лютер, это ядовитейшее лжеучение!» Авторитетный ученый иезуит Беллармин также побывал в индексе. Папе не понравилось его сочинение под заглавием «Контroversы», в котором говорилось о власти пап в мирских делах, хотя это сочинение было написано в защиту папских интересов. Сикст V запретил его с формулой «donec corrigatur», несмотря на то что инквизиция не желала этого. В Испании внесено в индекс имя Иоанна де-Авиля, которого «обыкновенно называли андалузским апостолом и считали одной из блестящих звезд на церковном горизонте Испании». Дошло дело до того, что внесен был в индекс требник «Ordo baptisandi», потому что в нем нашли такое учение о вере, которое будто бы благоприятствовало лютеранам. Из замечательнейших светских писателей не миновал индекса: Макиавелли. Он доныне у католиков считается писателем, которого нельзя читать без специального разрешения папы. Он назван в одном индексе атеистом, псевдо-политиком и нечестивцем, который только хочет казаться христианином. Боккачио: его «Декамерон» внесен в индекс с формулой «donec corrigatur». Его новеллы также подверглись экспуркации и в таком виде были изданы. Это издание, по выражению одного писателя, было castratissima. Той же участи были подвергнуты: Ариосто с его «Неистовым Орландом» и Данте с его «Божественной комедией». «Божественная комедия» поставлена в одном индексе вместе с каким-то сочинением «О тайнах женщин», с присоединением к обоим формулы «donec corrigatur». Сочинения знаменитого ученого врача Парацельса тоже не избежали индекса.

В заключение (Schluss) своего сочинения Рейш делает следующие общие выводы: целью индексов было

препятствовать распространению еретических и других неугодных католической Церкви сочинений и поставить все книгопечатание под надзор римской курии. Но эта цель и с самого начала мало достигалась: она преследовалась лишь там, где существовала инквизиция. Рейш рассказывает следующий анекдот, свидетельствующий, что сожжение книг даже могло более содействовать их распространению: в Майнце один книгопродавец высказал сожаление перед иезуитом, что наступил застой в книжной торговле, что стало очень мало покупателей книг. Иезуит велел ему все лютеранские книги, какие только у него были на складе, сжечь, но лишь только было узноано об этом, как в несколько дней книгопродавец продал больше книг, чем прежде мог продать во многие недели. Как строго исполнялись католиками предписания индексов – трудно сказать, но зато, несомненно, у иных из них развилась страсть к запрещенному плоду, следуя латинскому изречению: «*nitimur in vetitum*». Один католический писатель XVI в. говорит о парижских теологах, что многие из них прежде и не слышали о тех книгах, которые признаны запрещенными, а узнали о них из индексов; узнав же, старались добыть их для себя, о чем они раньше и не подумали бы. Протестантские ученые внесение их сочинений в индекс считали своего рода рекомендацией. Вообще Рейш находит, что хотя индекс мог предохранять католиков от чтения книг, признанных вредными, однако эта выгода приобреталась дорогой ценой: 1) чтение Св. Писания было более или менее затруднено; 2) изучение Библии и отцов Церкви через запрещение некоторых изданий сделалось затруднительным для ученых; 3) вообще научные занятия католиков вследствие этого встречали большие препятствия; 4) в странах, где была инквизиция, пользование для ученых иностранной литературой стало невозможным; 5) Паллавачини говорил, что страх перед индексом удерживал писателей от литературного труда, а типографов – от печатания книг. Как много книг ради страха перед индексом остались ненаписанными, а написанные – ненапечатанными! Ведь книга из-за одного выражения могла очутиться в индексе.

Сочинение Рейша отличается многими качествами. Лучшим из них нужно признать беспристрастие. Протестантский автор изображает борьбу католической Церкви с Реформацией, но говорит об этом так спокойно, как будто бы дело касалось чего-то совершенно постороннего для автора. Он точно откуда-то сверху смотрит на то, что происходило в здешнем мире. Можно себе представить, как описал бы эпоху протестантства XVI в. католик! Особенную черту беспристрастия автора составляет то, что он оправдывает от нареканий католическую Церковь там, где она заслуживает оправдания, от нареканий, какие раздаются из лагеря именно протестантского. Он задает себе вопрос: требовали ли индексы ради интересов католичества каких-либо изменений и подмен в изданиях древних церковных писателей – и отвечает: упрек в изменении текста отцов Церкви индексам сделан быть не может. Далее: справедливо ли думают протестантские полемисты, что будто католические издатели патристических сочинений позволяли фальсификации, – и отвечает: несправедливо, потому что считающееся фальсификацией есть простое следствие не критичности издателей. При рассмотрении этого последнего вопроса – о достоинстве изданий св. отцов, – он не думает отдавать предпочтение единоверным протестантам, он замечает: «И внутри, и вне стен Илиона одинаково встречаются грехи». Далее: можно ли думать, что издания св. отцов, сделанные по поручению самих пап, в чем-либо и где-либо подделаны – и отвечает: нет и нет. С другой стороны, описав деятельность Римской церкви и католических властей, выразившуюся в различного рода запрещениях книг, автор не скрывает, что в «протестантских странах историк находит много аналогичного с римской инквизицией и законодательством, касающимся индекса». Одна партия протестантов запрещала книги другой протестантской партии; лютеранское правительство запрещало печатание и распространение папистических сочинений. Даже однажды у лютеранских властей шла речь об индексе, замечает Рейш. И сожжение книг также имело место в протестантских странах, и притом сожжение под звуки труб, и рукой палача и пр. Итак, сочинение Рейша нужно признать вполне

беспристрастным. Что касается интереса книги и учености ее автора, то о первом, кажется, можно составить понятие по тем выдержкам, какие мы представили выше, а глубокая ученость автора явится несомненным фактом для всякого, кто развернет книгу и прочтет хоть несколько страниц из нее. Сколько таких полезных и умных исторических книг, как книга Рейша, появляется ежегодно в протестантской Германии – мы не знаем. Но если таких книг выпускается в свет хоть десяток каждый год, то наука, плодящая подобного рода книги, заслуживает полного уважения со стороны всякого просвещенного человека.

История запрещенных книг в Западной церкви от начала XVII в. до настоящего времени²

В 1884 г. вышел первый обширный том сочинения немецкого профессора Генриха Рейша под заглавием «Index der verbotenen Bücher»³, а в прошлом году (1885) появился еще более обширный второй и последний том того же сочинения⁴. Поставляем себе задачей познакомить читателя с содержанием второго тома сочинения Рейша об индексе. Мы, впрочем, не имеем в виду излагать содержания указанной книги в том порядке и последовательности, как оно изложено в этой последней; в таком случае наша статья, при ее краткости, была бы лишь обширным конспектом содержащегося в книге, причем внимание читателя крайне утомлялось бы и характеристика книги достигалась бы лишь в малой мере. Поэтому, оставляя в стороне цели чисто библиографические, мы воспользуемся содержанием книги лишь как материалом для церковно-исторического этюда, который давал бы ответ на вопросы: что такое индекс? В каких формах он обнаруживал свое действие? Какие в особенности книги подвергались запрещению в указанное время? Как относилось общество и более выдающиеся лица к явлению и т. д.

Индексом вообще называются списки книг, подвергшихся запрещению. Такие индексы в XVII, XVIII и текущем XIX столетии в католической Церкви, о которой у нас идет речь, издавались папами при посредстве так называемой индекс-конгрегации, инквизиции, а иногда через собственные буллы и бревя, если дело касалось книг, которые требовалось запретить как можно скорее и внушительнее; затем индексы, хотя и реже, издавали испанская инквизиция, некоторые западные соборы, светское правительство некоторых стран (например, Австрии). Не видно, чтобы подобного рода индексы издавались с XVII в. университетами, как это было в XVI в. и как это делали университеты Парижский и Лувенский (в Бельгии). Индексы не прекратили своего существования и в настоящее время. Так,

теперешний папа Лев XIII в 1881 г. издал индекс всех запрещенных книг от начала книгопечатания до вышеуказанного года: индекс Льва имеет 51 страницу предисловия и 352 страницы, на которых помещены краткие указания запрещенных книг. По этому можно судить, как обширен новейший индекс. Но уже в 1884 г. вышло первое добавление к нему, обнимающее запрещенную литературу самого последнего времени, до мая 1884 г.

Требование индекса заключается в том, чтобы книгу, подвергшуюся запрещению, ни один католик не имел права ни читать, ни держать у себя, ни перепечатывать, под опасением отлучения; а если у какого католика уже находится запрещенная книга, то он обязуется доставить ее или местному епископу, или инквизиции, – последняя должна такие книги сжигать.

Папа Бенедикт XIV в середине XVIII в. особой буллой определил порядок, как должна вестись процедура рассмотрения книги, подлежащей запрещению. Этот, впрочем, не новый порядок в общем сохраняется до настоящего времени. Вот этот порядок: если известная книга обратила на себя внимание вредным содержанием (с папистической точки зрения), то она вручается особому цензору в Риме, называемому квалификатором или консультантом; этот изготовляет письменный отзыв о книге с указанием мест в ней, заключающих заблуждения. Книга с отзывом посылается прочим консультантам, заведующим делом рассмотрения опасных книг, и затем все эти консультанты собираются на заседание в понедельник и составляют определенное решение. Это решение вместе с книгой посылается кардиналам, которые, в свою очередь, в среду в заседании постановляют определение о книге. Это есть заседание индекс-конгрегации. Наконец, все акты представляются папе, и от него дело получает окончательное решение. Если книга принадлежит католическому писателю, то недостаточно того, чтобы о ней сделал отзыв один консультант: если первый консультант выскажется за осуждение книги и прочие консультанты согласятся с ним, то книга с отзывом, без упоминания имени составителя отзыва, передается еще другому цензору, по

определению конгрегации. Если второй консультант выразит согласие с отзывом первого, в таком случае оба мнения посылаются кардиналам. А если второй консультант выскажет мнение, что книгу запрещать не должно, то назначается третий цензор книги, которому сообщаются оба отзыва, не упоминая имен их составителей. Если этот новый цензор соглашается с мнением первого консультанта, то дело переходит на рассмотрение кардиналов, а как скоро он соглашается со вторым консультантом, тогда дело рассмотрения поручается еще четвертому консультанту, и книга с этими отзывами переходит в руки кардиналов. После того дело передается на благоусмотрение папы. Членами индекс-конгрегации, по булле того же папы, должны быть многие кардиналы; один из них именуется префектом конгрегации. Конгрегация имеет в своем распоряжении несколько консультантов, из числа белого духовенства и духовенства, принадлежащего к орденам, а также известное число доносчиков, которые указывают, что та или другая книга вредна. Если кто из числа доносчиков два или три раза сделает доносы, заслуживающие внимания в глазах конгрегации, то папа награждает его назначением в консультанты. Булла Бенедикта требует соблюдать следующее правило: если заслуживающая запрещения книга принадлежит католическому писателю высокой жизни и сделавшему себе имя в литературе, хотя бы и этой книгой, то нужно запретить книгу не безусловно, а с правом издать книгу по исправлению. Жалуются на то, замечает Бенедикт, что книги католических авторов запрещаются, не давая возможности автору защищаться. Посему определяем, чтобы о предполагаемом запрещении извещали автора, пусть он объяснится, и объяснения его цензоры и судьи должны брать во внимание. Если автор – человек известный по учености, то он не только сам лично может давать объяснение о своей книге, но и может поручить защиту книги кому-либо из консультантов. В важных случаях, по булле Бенедикта, председательское место в индекс-конгрегации занимает сам папа. Доносчики, консультанты и кардиналы индекс-конгрегации обязаны молчанием относительно дел запрещения книг. То же должна делать и инквизиция. Если

секретарь сообщает замечания, сделанные на книгу, автору или его представителю, то он не должен открывать ни имени цензора, ни имени доносчика. Число консультантов булла Бенедикта не определяет. Во всяком случае, между ними должны находиться лица разных специальностей – и теологи, и юристы, и лица, сведущие в светской науке, чтобы можно было составить правильное суждение о книге, подлежащей запрещению. Консультанты и референты индекс-конгрегации должны соблюдать, по булле Бенедикта, следующие правила: они не должны думать, будто книга дается им на рассмотрение с намеренной целью – осудить ее, они должны спокойно и беспристрастно взвешивать достоинства книги; они не должны судить о книге с точки зрения определенной нации, какой-нибудь школы или ордена, а должны иметь в виду основные догматы Церкви и общепринятое учение католиков; они обязаны книгу читать всю сполна, различные места книги сравнивать между собой, неясное уразумевать из более ясного, не должны выхватывать места в книге без связи с целым, смотреть на цель, с какой говорит автор, и т. д. Появляются иногда, говорит Бенедикт, и такие книги, в которых ложные мнения или системы просто излагаются в историческом роде и не сопровождаются опровержением. Эти книги могут быть очень опасны для читателей, а потому, если трудно достигнуть того, чтобы они были исправлены и сделались полезны, вносят их в индекс.

Конечно, правила эти сами по себе могли давать гарантию, что книга, не заслуживающая осуждения, не будет осуждена; но на практике индекс-конгрегация и инквизиция держались правил нетвердо и позволяли себе отступать от них, ко вреду авторов: на это в истории весьма часто слышатся жалобы. Раньше издания правил Бенедикта и позже них можно встретить множество жалоб на невежество цензоров и их небрежность. В XVII в. в числе членов индекс-конгрегации и инквизиции, кардиналов, было мало лиц, сделавших себе имя в науке и способных вести свое дело. Так, в начале XVIII в. иезуит Добентон писал известному Фенелону: «У инквизиции так много дела и так мало людей, которые бы хотели или способны были заниматься порученным им делом, что проходят годы, прежде

чем известная книга подвергнется осуждению, если она толстая». А Арнольд, французский богослов, несколько раньше писал: «Большая часть членов инквизиции – люди невежественные; если папа из уважения к ходатайствам светских властей назначает в кардиналы лиц неспособных, то по крайней мере в члены инквизиции следует назначать только таких кардиналов, кто действительно теологи». Другой писатель, Лука Голстений, сам принадлежавший к числу консультантов, в 1633 г. писал одному другу из Рима: «Здесь находится несколько ученых мужей, которые могли бы сделать много добра, если бы они видели, что их стремления находят оценку. Но здесь ценится все другое, а не наука; благодаря заговору невежественных цензоров против лучшей литературы, ученые занятия здесь не могут поднять своей головы. Недавно в индекс-конгрегации, когда речь шла об исправлении Геснеровой “Библиотеки”, один пользующийся влиянием кардинал, в присутствии меня и других лиц, очень неодобрительно отозвался о многих известных писателях, сказав: “Если бы мне нужно было выразить свое мнение относительно книжного дела, то я объявил бы, что большую часть книг в особенности гуманистических, следует сжечь, а оставить только несколько теологов, да юристов”. Представь себе, каково мне было слушать это. Я проглотил эти слова, но не осмелился выступить на защиту литературы против такого предрассудка. Но я, по крайней мере, вот что сделал, когда увидел, что те слова открывают прямой путь к гибели добрых книг: с тех пор я ни ногой в индекс-конгрегацию. Ты скоро узнаешь, что учнейшие книги Скалигера, Ривия будут запрещены. Говорю это тебе на ухо, ибо здесь без опасности нельзя высказывать жалоб на такие вещи». О жалобах на неспособность членов индекс-конгрегации отличать действительно вредные книги от кажущихся таковыми, в позднейшее время, будем иметь случай упомянуть впоследствии.

Как в прежнее время, так и в настоящее запрещением книг заведуют инквизиция и индекс-конгрегация в Риме. В 1882 г. инквизиция состояла из 13 кардиналов, в ее распоряжении

находилось 25 консультантов и лишь три так называемых квалификатора. В том же году индекс-конгрегация состояла из 36 кардиналов. Между этими лицами встречаем несколько лиц, известных в науке: Гергенретера и Питру. В распоряжении индекс-конгрегации было 39 консультантов и 5 доносчиков (delatores).

Не довольствуясь деятельностью специальных органов, блюдущих за содержанием и направлением книг, католическая Церковь иногда приглашала благочестивую публику принять участие в отыскании книг, признающихся вредными, и лиц, читающих такие книги. В 1851 г. генерал-инквизитор опубликовал в Риме такой указ: мы повелеваем, под опасением отлучения, чтобы каждый в течение месяца формально донес нам, или нашему викарию, или местному епископу о тех, о ком он знает, что они сочиняют сатиры или распространяют сочинения против папы, свящ. коллегии, церковных властей или орденов, или что они сочиняют и распространяют сочинения, в которых злоупотребляется словами Св. Писания, или что они без надлежащего разрешения удерживают у себя книги, содержащие ереси или сочинения еретиков, *ex professo* нападающих на религию, или что они читают, печатают, позволяют печатать или каким-либо образом распространяют такого рода книги». Этот указ был прибит во всех сакристиях; кроме того, экземпляры его были розданы всем типографам, книгопродавцам, сборщикам податей, привратникам, содержателям гостиниц с тем, чтобы они в известных местах прибили указ в таком роде, чтобы всякий мог видеть и читать его. Успех этого указа инквизиции неизвестен.

Кроме того, католическая Церковь в последнее время в лице индекс-конгрегации обращалась ко всем епископам с просьбой употребить с их стороны старания, чтобы содействовать делу индекс-конгрегации. В 1864 г. индекс-конгрегация обратилась ко всем католическим епископам с воззванием такого рода: в настоящее время появляется множество книг вредного содержания, особенно мелких брошюр и газет; индекс-конгрегация завалена различного рода доносами на вредные книги и не имеет времени скоро разобраться среди

громадности работы, так что иногда не успевает сделать соответствующее запрещение какой-либо особенно вредной книги; поэтому индекс-конгрегация просит епископов особенно доносить о всех книгах, которые требуют скорейшего запрещения. Известно, что католические епископы неохотно пользуются этим новым правом, и за это получают упреки со стороны ревностных ультрамонтанских писателей.

Внесение данной книги в индекс приводит иногда к тому, что запрещенную книгу предают огню, а авторы книг терпят разного рода неприятности. В одной французской духовной семинарии, около полустолетия был в употреблении учебник по догматике и нравственному богословию Луиса Бельи под заглавием «Theologia dogmatica et moralis ad usum seminariorum». Однажды папа Пий IX из разговора с одним профессором вышеупомянутой семинарии узнал, что в этом учебнике проводятся взгляды на таинство брака, непозволительные с ультрамонтанской точки зрения. Вследствие этого Пий IX издал бреве в 1851 г., которым книга была подвергнута запрещению, как заключающая лжеучение. Напрасно начальство французских семинарий просило у папы позволение хоть еще некоторое время пользоваться вышеуказанной книгой как учебником, ввиду трудности заменить ее чем-нибудь другим. Папа был неумолим. Издательница книги объявила в газетах, что она подчиняется папскому приговору и изымает из продажи сочинение Бельи. Воспитанники той семинарии, где книга была в большом ходу, со своей стороны, торжественно сожгли свой учебник, подвергшийся запрещению, избрав для этого второй день праздника Рождества Христова в 1852 г. Газета «Le Monde», описывая это событие, заявила, что в этом случае семинаристами была повторена сцена, рассказанная св. Лукой (Деян. 19:19), душой которой был апостол Павел. Так после пятидесятилетней службы учебник Бельи нашел себе смерть в пламени костра. Самих авторов запрещаемых книг сжигать или иным чувствительным способом наказывать, разумеется, перестали, но все-таки внесение известной книги в индекс нередко сопровождается неприятными последствиями для авторов. Если книга, принадлежавшая известному духовному

лицу, попадала в индекс, то об этом долго помнили; а если это самое лицо, хотя бы оно и загладило свой проступок многими прекрасными сочинениями, являлось кандидатом для замещения епископской кафедры, то ему отказывали в этом под тем предлогом, что имя его замарано. А католические профессора вследствие запрещения некоторых их сочинений лишались своих кафедр. Так было в нынешнем столетии с профессором философии Фрошаммером и Губером, автором известной книги «Философия отцев Церкви», попавшей в индекс.

Разъясняя общие условия действия индекса, наконец, сделаем замечания о том, кому и при каких условиях дается разрешение читать запрещенные папами книги. Речь, конечно, идет о католиках. В журнале «Католик» в 1862 г. замечается, что епископы могут давать дозволение читать запрещенные книги только таким священникам, которые показывают особенную заботливость о спасении душ паствы; но миряне, желающие достигнуть того же права, должны обращаться за разрешением исключительно к папскому престолу. В другом католическом журнале сказано, что епископы, обладающие правом разрешать другим чтение запрещенных книг, дают это разрешение лицам духовным, но только таким, кто отличаются познаниями и благочестием, причем дозволяется читать лишь книги, запрещенные за религиозные идеи, а не книги скандального содержания. Запрещенные книги эти лица обязаны держать под замком. Изучающим юриспруденцию, медицину разрешается читать книги, относящиеся к их специальности, а изучающим восточные и новейшие языки – лексиконы и т. д. Если епископ дает разрешение читать запрещенные книги, то он обязан заявлять, что он дарует это право на основании папского полномочия.

Обращаемся к обзору различного рода книг, запрещенных в качестве вредных с папской точки зрения. Конечно, мы не имеем намерения обзирать все книги, подвергшиеся этой каре. Мы скажем только о таких книгах, которые были запрещены при исключительно любопытных обстоятельствах, или которые сами по себе характерны для католического

миросозерцания с его различными видоизменениями. Нужно сказать, что больше всего внесено было в индекс католических сочинений. Оно и понятно. Вносить в индекс сочинения протестантских писателей – нет смысла, потому что авторы от этого не переменят своей деятельности. В индекс вносились книги самого разнообразного содержания, по всем отраслям наук. Но для нас, без сомнения, интереснее всего запрещение книг богословского характера. Об этом классе запрещенных книг мы и скажем с большей подробностью.

Конечно, трудно ожидать, чтобы сочинения такого знаменитого человека, как Фенелон, французского епископа времен Людовика XIV, попали в индекс, и, однако же, так было с одним из богословских сочинений этого знаменитого прелата. Явление это замечательно по тем обстоятельствам, при каких оно случилось, а потому мы думаем остановиться на нем с особым вниманием. В 1695 г. другой знаменитый французский епископ Боссюэ издал одно сочинение, направленное против мистицизма, в особенности против мистических произведений известной мадам Гюйон. Но этим сочинением Боссюэ остался недоволен Фенелон, и он сам написал сочинение, касающееся злобы дня – мистицизма, под заглавием «Объяснение правил святых (мужей) о внутренней жизни». Возник спор между двумя знаменитыми прелатами о том, кто из них правильнее смотрит на дело мистицизма. Каждый из них послал свою книгу в Рим к папе на рассмотрение. Фенелон кроме того просил позволения у короля отправиться в Рим и там лично защищать свое дело, но в этом ему было отказано: король был недоволен сочинением Фенелона. В июле 1697 г. Людовик отправил к папе письмо, в котором он всячески порицал книгу Фенелона, он называет ее худой, вредной, осужденной уже епископами и многими теологами. Папа в сентябре назначил исследование сочинения Фенелона. Боссюэ и Фенелон назначили специальных защитников их интересов в Риме, со стороны Фенелона таким лицом был аббат Шантерак, а со стороны Боссюэ – его племянник, аббат того же имени, и аббат Фелиппо. Эти поверенные двух епископов оказались лицами очень ловкими,

так что несмотря на глубокую тайну, в какой происходили заседания коллегий в Риме, имевших дело с книгой Фенелона, они оказались знающими много об этом деле и своевременно извещали о подробностях своих патронов. В то время, когда происходило рассмотрение дела в Риме, Боссюэ и Фенелон написали целый ряд сочинений в защиту своих воззрений, старались в них вскрыть интимную сторону дела, и все эти сочинения были посланы в Рим частью в латинском переводе. Разоблачения, в какие пустился в своих сочинениях Боссюэ, много повредили Фенелону в Риме. Племянник Боссюэ писал своему дяде, что дружественные отношения Фенелона к мадам Гюйон, о которых сообщил кое-какие сведения в своих полемических сочинениях Боссюэ-епископ, произвели в папской столице больше впечатления, чем двадцать теологических аргументов. Испытание сочинения Фенелона было поручено десяти квалификаторам. Они обрели 64 положения у Фенелона, достойные осуждения. Обсуждение этих положений квалификаторами происходило в заседании 25 сентября 1698 г. и продолжалось 6–7 часов. Но заседание дало неопределенный результат. Когда присутствующие стали подавать голоса «за» и «против» Фенелона, то пять квалификаторов подали голос за осуждение книги, а прочие пять – в пользу книги. Дело рассмотрения книги перешло теперь в руки кардиналов. Эти последние в течение октября должны были изучить мнения квалификаторов и относящийся сюда материал и выразить свое суждение.

Между тем в Париже озаботились тем, чтобы заручиться мнением докторов Сорбонны против Фенелона; здесь из книги Фенелона было извлечено 12 положений, как достойных осуждения; под осуждением подписалось 60 докторов Сорбонны. Обвиняемый был убежден, что эти подписи вынуждены, и в таком роде заявлял в письме к папе. В Риме, по-видимому, вмешательство Сорбонны произвело неблагоприятное впечатление. Для защиты чистоты своего учения Фенелон хотел и решился было обратиться к Лувенскому университету и предлагал с таким же запросом из Рима обратиться к другим университетам. Мало того, он хотел было

сделать донос в конгрегацию инквизиции на сочинения своего врага Боссюэ, только он желал бы это сделать так, чтобы он сам остался в стороне, как непричастный доносу. Впрочем, ни запрос о Фенелоне в университеты, ни привлечения Боссюэ к суду инквизиции не были осуществлены. 12 ноября 1698 г. начались заседания кардиналов в видах обсуждения цензурируемого сочинения Фенелона. Но дело это очень затянулось. Любопытна характеристика, какую делает Фелиппо, поверенный Боссюэ, относительно кардиналов индекс-конгрегации. Он писал: «Не должно переводить разрешение догматического вопроса в Рим: здесь люди очень невежественны и склонны к интригам. Если бы дело сначала было решено во Франции через епископов или Сорбонну, тогда здесь не осмелились бы идти против. Известно, что Франция очень учена, а римлян при их невежестве каждый догматический вопрос поставляет в затруднение. Каждый последний доктор Сорбонны лучше здешних богословов».

Неизвестно, скоро ли бы римские кардиналы распутались с вопросом о Фенелоне, если бы делу не был дан новый и очень сильный толчок со стороны. Людовик XIV в декабре того же года отправил письмо к папе, в котором он жалуется на медлительность, указывает на то, что некоторым лицам на руку такая проволочка, просит скорее покончить дело для успокоения верующих и славы его святейшества. Также одному из кардиналов, которого король подозревал в умышленной оттяжке дела, он написал грозное письмо. Король был настроен против Фенелона, и свое нерасположение к нему явно выразил в том, что в январе 1699 г. он лишил его титула воспитателя принцев и штатного содержания по этой должности. Шантерак, поверенный Фенелона, при виде этих обстоятельств, писал из Рима последнему: «Все находятся здесь под страшным впечатлением, какое положили и письмо короля, и его распоряжения; считают невозможным, чтобы Рим стал сопротивляться; по-видимому, все кардиналы решились осудить положения, извлеченные из Вашей книги, и вопрос теперь только о том, как это сделать и в каких выражениях изложить приговор».

Действительно, 17 февраля кардиналы окончили свои диспуты. Затем три дня подряд длились торжественные заседания под председательством папы, во время которых каждый из кардиналов подавал свой голос в отдельности, мотивируя свое мнение. Что книгу Фенелона должно осудить, об этом все кардиналы высказались единогласно, но не был еще решен вопрос: издать ли осуждение от инквизиции или от лица папы, а если от лица папы, то через буллу или бревэ, да и как точнее сформулировать осуждение, – обо всем этом мнения разошлись. А именно, заспорили о том, нужно ли поименовать Фенелона как лицо, которому принадлежат осуждаемые заблуждения, или не поименовывать; нужно ли к каждому осуждаемому положению сделать пояснение, почему осуждается, или же произнести осуждение вообще, не вдаваясь в подробности. Сам папа Иннокентий XII после того, как он не совсем охотно решился на осуждение книги, лично склонился в пользу самой мягкой формы осуждения Фенелона. Он даже посылал от себя ассессора и комиссара инквизиции к некоторым кардиналам, рекомендуя им по возможности пощадить личность Фенелона. Зная, что многие из кардиналов не разделяют его снисходительности к Фенелону, папа замечал, что если «он (папа) и грешит избытком христианской любви», то «вы (кардиналы) грешите недостатком любви к ближнему». Аббат Боссюэ писал в Париж, что кто-то сказал папе: «Нельзя осуждать Фенелона, ибо тогда пришлось бы осуждать и св. Терезу». Вследствие этого, по словам Боссюэ, папа был настолько благорасположен к Фенелону, что нужно удивляться тому, как он дозволил сделать по отношению к Фенелону то, что было сделано. Другой корреспондент писал в Париж: «Папа очень расположен к Фенелону и только потому решился осудить его, что не желал делать неприятного французскому королю». Как бы то ни было, наконец поручено было составить папский декрет против Фенелона. Но и в это время папа еще показывал колебание, как благовиднее поступить с Фенелоном. Он пришел было к мысли, что достаточно было бы сформулировать в 12-и положениях заблуждения квиетистов, в пользу которых склонялись воззрения Фенелона, и заставить Фенелона лишь

подписать под этим актом. Но это мнение папы было отвергнуто кардиналами, которые пуще всего боялись гнева французского короля. Аббат Боссюэ, узнав об этом предложении папы, испугался и сейчас же послал особого курьера в Париж, чтобы побудить короля протестовать против такого намерения. И действительно, Людовик XIV немедленно послал в Рим сочиненный прелатом Боссюэ «молниеносный мемуар». Но это было уже напрасным шагом. Потому что за несколько дней до получения этого «мемуара» папа подписал декрет против книги Фенелона, наперед совершив торжественные молитвы и раздав милостыни. Декрет был издан в форме бреве, а не буллы, т. е. в форме более скромной и мягкой. Здесь говорилось, что книга Фенелона запрещалась во всех изданиях и переводах, так как из нее верующие знакомились с заблуждениями, уже ранее осужденными Церковью; в книге найдено было 23 положения, которые названы дерзкими, соблазнительными и оскорбительными для благочестивого слуха. Печатание, списывание, чтение и имение книги запрещалось под опасением отлучения. Фенелон узнал об этом папском декрете в марте 1699 г., в то самое время, когда он хотел в церкви взойти на кафедру для проповеди. Темой для проповеди Фенелон на этот раз взял христианское учение о покорности властям. Затем он послал папе письмо, в котором он высказал, что подчиняется папскому решению. Фенелон выставляется католической Церковью как образец покорнейшего сына этой последней.

В особенности частым и сильным карам подвергались церковно-исторические сочинения католических писателей. Самые знаменитые из числа церковных историков подвергались самым решительным нападкам и нареканиям со стороны различных цензоров книжного дела. Неприятностей за свои церковно-исторические труды не избежали даже такие историки, как Бароний, Наталис Александр, Мембург, Дюпен, Флери, Мабильон, а в более недавнее время – Геттэ, Пихлер. Скажем о тех столкновениях, какие пришлось испытать из-за своих ученых трудов Баронию, Дюпену и Геттэ.

Бароний известен многотомным сочинением, изданным с именем «Церковные летописи». Первые пять томов летописей появились в конце XVI в. и возбудили неудовольствие в испанской инквизиции. В 1594 г. Бароний писал к своему другу Антонию Талпе: «С разных сторон доходят до меня слухи, что будто инквизиторы в Испании запретили мои сочинения. Но я надеюсь на защиту самого папы, который с одобрением относится к летописям. Мне обещает поддержку и префект индекс-конгрегации в Риме. Я слышал, что испанские инквизиторы безо всяких оснований вносят в индекс, кого вздумается; на это все жалуются». Однако с первыми томами летописей в Испании не случилось ничего неприятного. Не так было, когда появился одиннадцатый том Барониевых летописей. К этому тому был приложен трактат о сицилийской монархии, который не понравился в Испании своим резким тоном. Вице-король Сицилии, находившийся под властью испанских государей, обратился с двумя жалобами на Барония – к папе и к собранию кардиналов и требовал запрещения исторического труда Барония. Последний защищался, указывая на то, что трактат о сицилийской монархии напечатан с разрешения папы и одобрен до печатания многими кардиналами. Самому испанскому королю Филиппу III Бароний писал: миряне должны считать делом опасным осуждать такое сочинение, которое получило одобрение от апостольского престола. Далее он замечал: не понравившийся в Испании трактат хотя и раскрывает непохвальное о слугах короля, но о самом короле говорит с уважением. Но все это не избавило Барония от неприятностей. Летописи Барония одновременно печатались в различных городах, между прочим и в Антверпене. Но антверпенский издатель летописей напрасно просил дозволения у испанского правительства (Голландия была подвластна Испании) отпечатать в полном виде одиннадцатый том летописей; правительство не разрешало. Издатель ввиду этого просил разрешения у Барония напечатать том без трактата о сицилийской монархии. Но Бароний находил такое дело оскорбительным для своей чести. Он писал издателю: или печатать том целиком, или же совсем не печатать. «Это

неслыханное дело, – писал Бароний, – чтобы обезображивать книгу, уже напечатанную с папского разрешения; принадлежащую перу кардинала Римской церкви (Бароний был кардинал) – обезображивать в угоду царствующим особ». Тем не менее том летописей в Антверпене был издан без оспариваемого трактата.

Но на этом дело не окончилось. В 1610 г. король Филипп III издал указ, коим запрещалось распространение одиннадцатого тома: за распространение (т. е. продажу) этого тома на первый раз взималось 500 гульденов, при повторении проступка благородные лица подвергались пятилетней ссылке, а лица прочих сословий обрекались на каторжные работы на галерах. Подобными же наказаниями угрожаемо было и тем, кто в течение двадцати дней не представит книгу для экспуркации (т. е. для очищения ее от ошибок). Указ мотивирует запрещение сочинения тем, что кардинал более говорит в трактате (о сицилийской монархии) как обвинитель, нежели как историк, употребляет выражения, которые неприличны в его звании, показывает незнание исторической истины и т. д. Двенадцатый и последний том Барониевых летописей тоже вызвал нарекания на автора, но уже в самом Риме. Здесь многим не понравилось то, что автор отрицал историческую достоверность так называемого «дара Константинова» папе, т. е. доказывал легендарность известий, будто Константин Великий подарил папам на вечное владение Рим, почему сам и создал себе новую столицу. В современной нам науке история «дара Константинова» не пользуется ни малейшим значением. Но не так было во времена Барония. Беллармин в письме к Баронию от 9 апреля 1607 г. писал: «Однажды папа в собрании консистории сказал мне: я слышал, что Бароний отвергает известия о “даре Константина”. Я отвечал, – замечает о себе Беллармин, – что история эта неосновательна, Бароний осуждает тех, кто слишком много цены придает этой истории, как будто бы без этого “подарка” Церковь должна бы погибнуть. На это его святейшество мне сказал: все канонисты считают известия о “даре” достоверными, и потому я желаю, чтобы на этот факт не было нападения». (Действительно, в конце XVI в.

насчитывают 22 канониста и 72 юриста, которые высказывались в пользу достоверности «дара Константинова».) Протесты против 12 тома остались, впрочем, без последствий.

О Дюпене известно следующее. В 1691 г. появилось пять томов его церковно-исторического сочинения «Новая библиотека церковных писателей». Сочинение вызвало неудовольствие в Париже. По требованию Боссюэ, Сорбонна назначила комиссию для рассмотрения сочинения. Один из бенедиктинцев составил критическое сочинение против Дюпена. Дюпен отвечал бенедиктинцу. Но этот ответ еще менее понравился Боссюэ, чем само сочинение Дюпена. Он, Боссюэ, послал канцлеру Бушерá два мемуара, в которых оспаривал многие историко-догматические взгляды Дюпена, порицал его описание Третьего и Четвертого Вселенских соборов и объявлял, что труд Дюпена должно запретить или же, по крайней мере, автор должен отказаться от своих взглядов. Известный Расин, родственник Дюпена, и некоторые другие лица вступились за автора и старались смягчить оппонента. Действительно, Дюпен объяснился с Боссюэ, и дело пока замолкло. Но теперь выступает на сцену архиепископ Парижский; в апреле 1693 г. он издает циркуляр, в котором говорилось: первые пять томов труда Дюпена рассмотрены четырьмя докторами Сорбонны и мной самим; труд автора должен быть запрещен, так как он заключает в себе места ложные и дерзкие, способные ослабить авторитет канонических книг и некоторых членов Символа веры; кроме того, автор оскорбительно судит о Вселенских соборах, апостольском папском престоле, отцах Церкви. Канцлер запретил продажу сочинения Дюпена. В том же году пять томов сочинения Дюпена были внесены инквизицией в число запрещенных. Дюпен продолжал, однако же, свой труд и выхлопотал себе разрешение у канцлера печатать продолжение, но под другим заглавием, несмотря на протест архиепископа Парижского. Впоследствии запрещение было распространено на все сочинение Дюпена и внесено в индекс. Сам он несдобровал. Папа Климент XI пожаловался на Дюпена французскому королю, и последний изгнал Дюпена из отечества. Сделав это, король

приказал сказать папскому нунцию, что он так поступил с этим доктором, чтобы доставить удовольствие его святейшеству – папе. Папа особым бревэ похвалил короля за ревность к католической Церкви.

Расскажем также о недавнем запрещении церковно-исторических трудов французского аббата Геттэ. В 1852 г. вышли в свет первые семь томов «Истории Французской церкви», составленные аббатом Геттэ. 42 французских епископа более или менее одобрили и похвалили труд. Но кардинал Гуссэ сказал автору: «Вы проводите антиримские тенденции, обратите на это внимание. Если вы не будете расходиться с нами, то в этом вы не раскаетесь, а если нет, то мы раздавим вас». Когда Геттэ узнал, что его сочинение запрещено папой, он жаловался на то, что, вопреки правилам папы Бенедикта XIV, ему наперед не было сообщено, в чем заключаются его ошибки, и просил, чтобы ему показали замечания консультанта, вследствие которых состоялось запрещение книги. Но его просьба не была уважена. Некоторые ультрамонтанские газеты объявили Геттэ бунтовщиком, так как он не изъявил покорности в отношении к папскому запрещению книги; Геттэ написал было объяснение по этому поводу и напечатал его, но, по желанию архиепископа Парижского, изъял из продажи это свое объяснение. В 1854 г. архиепископ потребовал, чтобы Геттэ выразил согласие подчиниться запрещению; Геттэ послал ему объяснение, но оно не удовлетворило архиепископа. После того, как были запрещены первые семь томов «Истории Французской церкви», автор сам послал 8 и 9 тома той же «Истории» префекту индекс-конгрегации, а 10 том – нунцию. Так как автору не было сообщено, что найдено соблазнительного в его книгах, то он послал в Рим проект изменений, какие он намерен был сделать в своем сочинении. Но на это ответа не последовало. В 1885 г. были запрещены 8–10 тома аббата Геттэ. Об остальных томах в индексе нет упоминания. – Когда Геттэ представил свое сочинение в Академию (наук) для соискания Гоберовской премии, то Десальванди прямо объявил автору, что его сочинение не может получить премии, так как это значило бы выразить осуждение против индекс-конгрегации.

Книгопродавцы братья Гюйо в Париже, у которых книги Геттэ были на комиссии, объявили подчинение индексу и отказались продавать сочинение Геттэ; за это названные книгопродавцы получили от папы в награду золотую медаль (но вскоре обанкротились). Парижский коммерческий суд со своей стороны объявил, что договор автора, пишущего религиозные книги, с книгопродавцом нужно считать уничтоженным, как скоро книга попала в индекс. В 1853 г. провинциальный собор в Бордо сам от себя запретил восьмой том сочинения Геттэ, который тогда еще не был внесен в индекс, и воздал хвалы как благоразумию христианских книгопродавцов, так и мирским судьям за вышеуказанный их поступок. Впоследствии вошли в римский индекс как журнал, который издавал Геттэ, так и другие его сочинения. Известно, что Геттэ под давлением несправедливостей со стороны римской курии покинул католическую Церковь и присоединился к нашей Православной Церкви.

Даже встречались попытки со стороны папской курии наложить запрещения на такие церковно-исторические сочинения, как «Acta sanctorum» болландистов и сочинения знаменитого французского церковного историка Тильмона. На Тильмона сделал донос папе один ораторианец, недовольный тем, что его подвергал критике этот историк, объявляя его самым вредным писакой. Папа приказал подвергнуть сочинения Тильмона строгому рассмотрению. Дело грозило опасностью для автора. Но за него заступилось несколько лиц. Прежде всего один из цензоров в Риме, имевших участие в индекс-конгрегации, Фонтанини, представил папе докладную записку следующего содержания: «Некоторые лица добиваются запрещения сочинений знаменитых писателей просто потому, что эти писатели относительно спорных вопросов, каковы вопросы философские или не относящиеся к религии, или исторические, судят не так, как хочется другим. Такого рода запрещения могут навлекать насмешки на декреты апостольского престола, вредить науке и поставлять в смущение ученых мужей. Кроме прочих сочинений, в настоящее время сделались предметом клевет труды Тильмона, его

“Мемуары, касающиеся истории Церкви” и “История императоров”, но эти произведения с давнего времени приобрели уважение у католиков. Сам Тильмон был очень добрый католик, благочестивое духовное лицо и один из скромнейших и ученейших писателей, какие только существуют. Его сочинения очень полезны для Церкви, их хвалят католики, а еретикам они очень неприятны. Некоторые мужи, которым дорога честь Рима и сердцу которых близко лежит истина, беспристрастно исследовав сочинения Тильмона, благопочтительнейше имеют честь доложить вашему святейшеству, что запрещение этих сочинений не принесет славы Риму, а напротив, вызовет смущение и возбудит общее недовольство... Если книги переданы цензорам на рассмотрение, то это уже значит, что они осуждены. Но не все цензоры, хотя быть может и учены в других отношениях, основательно знакомы с теми вопросами, о коих идет дело у Тильмона. Здесь нет никого, кто мог бы защищать автора, а цензоры по самой своей обязанности более склонны обвинять его, и, конечно, для них не составит большого труда найти у автора что-либо достойное осуждения; цензоры находят, что книги им даются для того, чтобы отыскать в них заблуждения, а не для того, чтобы защитить автора, они даже считают это средством отличиться». Кроме того, сделавшийся впоследствии кардиналом Пассионеи представил папе еще докладную записку от своего лица и от лица других римских ученых, а равно также и другие влиятельные особы делали представления папе в пользу Тильмона. Ввиду этого папа приказал прекратить дело.

Весьма значительным нападкам подверглись во второй половине XVII в. издававшиеся в то время «Acta sanctorum» болландистов – весьма важное церковно-историческое сочинение. В то время только что появилось описание в этом труде жизни и деятельности святых, относимых по календарю к марту месяцу. Этим отделом обширного труда болландистов оказались недовольны члены ордена кармелитов, так как здесь между прочим доказывалось, что происхождение ордена кармелитов не восходит выше XII в., тогда как члены указанного

ордена изъявляли притязание на глубокую древность происхождения их ордена. Некоторые из кармелитов вступили в ученую полемику с авторами «Acta sanctorum» и старались найти в издании множество погрешностей, опасных для чистоты веры. Так, полемисты указывали, что болландисты отвергают предание о Веронике, не допускают подлинности икон, выдаваемых за написанные евангелистом Лукой, отвергают подлинность краеобрезания (praeputium) Христова⁵ в Антверпене; кроме того, ставили в укор болландистам то, что они отвергали двадцатипятилетнее епископствование апостола Петра в Риме, пребывание Лазаря, Марии и Марфы в Провансе, миссионерскую деятельность Дионисия Ареопагита в Париже, его мученичество и подлинность приписываемых ему творений, крещение Константина Великого папой Сильвестром, «дар Константина» папе, происхождение Символа (Quiescinque) от Афанасия; было выражаемо недовольство на болландистов за то, что они позволяли в труде прилагать к еретикам почетные имена, например Сальмазия называли eruditus et accuratus, Фотия – vir eruditissimus, Блонделю приписывали невероятное трудолюбие, цитировали книги, вошедшие в индекс, а именно Александра Наталиса и других.

В 1691 г. испанской инквизиции было донесено, что в «Acta sanctorum» заключаются заблуждения. Вследствие этого названная инквизиция внесла в индекс 14 томов «Acta sanctorum», в которых заключались жизнеописания святых, падающих по календарю на март, апрель и часть мая. Инквизиция издала четыре декрета, во всех них запрещаемые тома признаны заключающими заблуждения, ереси или склонность к еретичеству. В самом Риме обращено было внимание на издание болландистов. Здесь обращено было внимание лишь на один том, где помещено было *proprylaeum*, предисловие, трактовавшее по вопросу об истории пап; между прочим речь шла тут и о некоторых папских конклавах, о которых сообщались известия далеко не назидательные. Некоторые находили, что папа должен издать по поводу этого тома столь же строгий декрет, как будто бы дело касалось Лютера или Кальвина. Рассмотрение тома перешло в руки

индекс-конгрегации. Злополучный том попал в индекс в 1700 г. Но еще раньше этого в обязанность болландистам было вменено припечатывать к издаваемым ими томам, в начале и в конце их, так называемое *protestatio*. В этом *protestatio* говорилось следующее: «То, что здесь изложено, опирается на человеческий авторитет, а не на божественный авторитет римско-католической Церкви и святого апостольского престола». Такого рода протест стоит по крайней мере при первом апрельском томе «*Acta sanctorum*» болландистов. Известно, что громадное издание болландистов – «*Acta sanctorum*» – и доныне еще не доведено до конца. При папе Пие IX появился, между прочим, 12 том за октябрь, том, который вызвал неудовольствие в папской курии. Под 29 октября иезуит Виктор де Бук исследует мученичество трех святых – Евсевии, Домна и Домниона, и доказывает, что сказание об этих мучениках лишено достоверности. Об этом было донесено «конгрегации обрядов», которая при всем уважении к заслугам болландистов объявила, что аргументы против мучеников, приводимые де Буком, ничего не доказывают. Это было в 1870 г. Папа Пий IX утвердил этот декрет, назначив его опубликовать для сведения «всех занимающихся церковной историей и церковной археологией».

Каждый должен согласиться, что такие нападки римской церковной власти, как например нападки на болландистов, представляются совершенно нецелесообразными. То, что осуждается в трудах болландистов, то самое составляет непререкаемую истину для церковного историка. Но иногда папская цензура вооружается против таких церковно-исторических сочинений, которые действительно не заслуживали снисхождения и пощады. Укажем на некоторые сочинения Гардуэня и Беррюэ, характерные для ордена иезуитов, к какому принадлежали эти писатели. В 1728 г. появилась в свет первая часть труда Беррюэ под заглавием «История народа Божия от его начала до рождения Мессии». Каким духом было проникнуто это сочинение и каким направлением оно отличалось, об этом дает прекрасное известие известный Жан-Жак Руссо, относившийся к сочинению

с решительной ненавистью. Он пишет: «Негодование позволило мне купить лишь один первый том. Я не понимаю, как могли дозволить напечатать труд, так скандально написанный, как этот. Я удивляюсь, как нашлись люди, которые одобрили к печатанию книгу в такой стране, где самый строгий перевод священных книг едва позволен». Трудно представить себе, чтобы автор «не имел намерения поднять насмех все, что есть самого достопочтенного в религии». Книга под именем истории патриархов описывала их любовные похождения; автор, кроме того, скептически относился к мессианским пророчествам. Книга была запрещена индекс-конгрегацией. Тем не менее она была переведена с французского языка на итальянский, немецкий, польский, испанский. Папа запретил даже все сочинения, которые занимались разбором этого скандального произведения. Но иезуиты как будто бы ничего этого и не знали. По смерти своего собрата – Беррюэ – они издали в свет одно его сочинение, и в предисловии прославляли автора, как «великого человека», «ревностного защитника веры», «безбоязненного исповедника» и пр.

Не менее отличился другой иезуит, знаменитый издатель «Деяний соборных» Гардуэнь. Некто Даниель Гюэ сказал о Гардуэне: «Сорок лет он работал над тем, чтобы уничтожить свою репутацию ученого человека, и ему, однако же, этого не удалось». Гардуэнь, между прочим, написал сочинение «De nummis Herodiadum», а также «Numismata saeculi Constantiniani»; в этих и некоторых других сочинениях он развивает следующие мысли: богослов имеет только три достоверных источника – Вульгату (причем, латинский текст Нового Завета он считает за оригинал), акты Тридентского собора и устное Предание; греческий же библейский текст, писания отцов Церкви, акты древнейших соборов, а также бóльшая часть сочинений классических писателей – сфабрикованы скопищем негодяев в XIII и XIV веке. Кроме того, Гардуэнь держался того оригинального догматического воззрения, что будто бы Логос лишь со времени воплощения стал Сыном Божиим. Странно то, каким образом могли появляться такого рода сочинения из среды иезуитов, когда по правилам этого ордена ни один член

его не имеет права издавать книг без соизволения орденского начальства. Книги Гардуэня были запрещены. Когда было предложено Гардуэню выразить свое отречение от воззрений, проводимых в его книгах, то он сделал это в следующих двусмысленных словах: «Я осуждаю в моих книгах, что осуждают в них другие; именно то, что я говорю о безбожном скопище людей, которые назад тому несколько столетий сфабриковали большую часть тех церковных и классических произведений, кои до сих пор считаются древними. Я обещаю ничего не писать и не говорить, что противоречило бы этому отречению».

Обозревая католические богословские сочинения, подвергавшиеся запрещению, мы считаем небезынтересным остановиться своим вниманием на серии запрещенных католических книг, касающихся мариологии, или учения о Богородице Марии. Этот класс сочинений привлекает наше внимание в двояком отношении: с одной стороны, здесь мы видим, как католическая Церковь была непоследовательна в своих запрещениях книг, а с другой – до каких крайностей доходила мариология в этой Церкви.

В 1439 г. Базельский собор издал определение, коим предписывалось всем католикам исповедовать учение о безгрешном зачатии Марии Девы (*immaculata conceptio*). В соответствии этому в Сорбонне в том же столетии каждый докторант должен был клятвенно обещать защищать это учение (а противоположное учение объявлять лживым, безбожным и нечестивым). В Риме, естественно, не признали значения определения Базельского собора, так как собор собрался в противность воле папе. Вообще папы долго изъявляли свое неудовольствие на тех, кто провозглашал в сочинениях *immaculata conceptio*. Так, в XVII в. были запрещены сочинения, в которых утверждалось, что Мария зачата без первородного греха, или в которых говорилось, что те суть еретики и нечестивцы, кто думает, что она зачата во грехе первородном. В этом же столетии папа Павел V через инквизицию запретил заявление того же учения в проповедях, лекциях, тезисах и т. д., хотя и не осуждал самого учения. Известно, что

ревностными защитниками этого учения были доминиканцы, поэтому папа разрешил им разговаривать на эту тему между собой, но никак не в присутствии посторонних лиц. В настоящем столетии взгляды пап на то же учение существенно изменяются, а с тем вместе запрещению стали подвергаться книги, в которых отвергалось *immaculata conceptio*. Папа Пий IX в 1854 г. возвел в догмат это учение. Вследствие чего в индекс стали попадать сочинения, не соглашающиеся с новоизобретенным догматом. Так, несколько патеров во Франции, Германии и Испании, писавших сочинения против *immaculata conceptio*, были подвергнуты отлучению. Пастырское послание такого же содержания трех епископов Утрехтской церкви запрещено инквизицией, и т. Д.

До каких крайностей и странностей доходила мариология в католической Церкви, об этом можно составить себе достаточные представления по следующим сочинениям, заслужившим запрещения. В середине XVII в. Винченцо Караффа написал сочинение, в котором говорит, что Богородица во время пребывания во храме была питаема от ангелов небесным нектаром, – что благодать Марии с первого момента ее жизни была больше той, какой обладают чистейшие из духов, – что Марию Деву нужно называть богиней (*Dea*). В конце того же столетия Зеферин де Сомейрэ написал другое сочинение в похвалу Богоматери, в котором утверждалось, что в таинстве Евхаристии мы принимаем не только кровь Богоматери, поскольку эта кровь находилась в плоти и суставах Христа, но даже часть крови Богоматери в собственном виде, и не только истинную плоть Ее, но и молоко. Еще нелепее было появившееся в 1628 г. сочинение иезуита Хуана Позы под заглавием «*Elucidarium Deiparae*». В этом сочинении между прочим раскрывалось, что зачатие Марии было чудеснее зачатия Иисуса; далее здесь автор предлагает себе такой вопрос: *An Maria fuerit pater et mater sive matripater Iesu?* (Была ли Мария отцом и матерью или материотцом Иисуса? (лат.) – Ред.) и отвечает: *Maria paternum simul et maternum concursus praestitit ut matripater ad formationem Iesu* (Мария явила (осуществила) соединение одновременно отца и матери как

материотец при (для) формировании Иисуса (лат.) – Ред.); далее Поза защищал в своем сочинении такие положения: Анна и Иоаким не совершили даже и малейшего греха, по внутренней святости они выше апостолов; Мария во чреве матери питалась устами, а не так, как другие дети; тела Марии и Иисуса с момента зачатия получили кости, нервы и прочие части плоти; наконец, Поза утверждал: *Maria... nunquam muliebria passa est aut fluxionem menstruam experta*, или: Мария питает род человеческий своей плотью в Евхаристии. Недаром Рейш называет книгу Позы «наихудшей между многими худыми сочинениями», посвященными вопросам мариологии. Бóльшая часть воззрений, раскрытых в вышеуказанных книгах, в 1850 г. повторил, но, конечно, в смягченном виде, католический профессор Освальд в Падерборне. Он издал сочинение под заглавием «Догматическая мариология»; здесь раскрывались такие мысли: Мария имела активное участие в совершении дела искупления; она существенно всем своим лицом, плотью и душой сопричастна в Евхаристии.

В связи с крайними воззрениями на Деву Марию в католической Церкви появились очень странного содержания сочинения, в которых развивались удивительные мысли о родителях Богородицы – Иоакиме и Анне. В 1667 г. появилась книга под заглавием «*Mater honorificata S. Anna*» – труд Фомы а-Санкт-Кирилло. В нем Анна называется бабушкой Божией, но встречались и другие дикие вещи: так, св. Анна называлась тещей Духа Святого. Иезуит Петр Спинелли в 1613 г. написал сочинение «*Maria Deipara thronus Dei*», в котором утверждалось, что Иоаким и Анна получили освящение еще во чреве своей матери. Иаков Имперали в книжке, которая напечатана в Риме, раскрывал мысль, что Анна зачала Марию с сохранением девства, и основал братство в честь св. Анны Девы. Один иезуит в проповеди требовал, чтобы все причащались в праздник св. Анны, потому что в этот день в Евхаристии приемлют тело св. Анны. Проповедь эта была напечатана. В 1673 г. Индекс-конгрегация запретила употреблять все книги, газеты и молитвы, в которых Анна называется бабушкой Христа, или признается родственницей по крови Божественному

Величию наравне с Богоматерью, или же Христос именуется внуком св. Анны. Все сочинения, в которых развивались вышеуказанные мысли о Марии Деве и ее родителях, запрещались католической Церковью, но не слишком строго. Так, не желая вводить в издержки вышеназванного Фому а-Санкт-Кирилло, индекс-конгрегация позволила ему просто написать поправку и приложить ее к книге на выходном листе.

По-прежнему, т. е. также, как и в Средние века, папы неодобрительно смотрят на перевод Св. Писания на народные языки. И в некоторых странах, например в Италии, Испании, Португалии, запрещение читать Св. Писание в переводе на народный язык строго соблюдается. Общее правило относительно этого предмета заключается в следующем: ни один перевод на народный язык не может появиться в свет без специального папского разрешения; к переводу обязательно должны быть присоединены примечания, взятые из отеческих писаний или сочинений известных католических богословов. Даже перевод, вышедший с папского позволения, добрый католик должен читать не иначе, как с разрешения епископа или духовника. Интересны мысли католических богословов, отвергающих дозволенность перевода книг Св. Писания; они рассуждают так: «Очень вероятно, что большая часть книг Ветхого Завета написана не на народном (?) языке; и совершенно несомненно не на этом языке написаны почти все из новозаветных писаний. Матфей написал свое Евангелие по-еврейски, следовательно, на таком языке, на котором иудеи уже не говорили более со времени плена Вавилонского, когда у них образовался другой язык, близкий к сирийскому и халдейскому. Марк, Иаков, Павел, последний даже в Послании к Римлянам, пользовались греческим языком, хотя этот язык большей части римлян был не знаком и был презираем иудеями. Из всего этого можно заключать, что намерение священных писателей состояло в том, чтобы народ научался религии больше из устных наставлений учителей, нежели из собственного чтения священных писаний. По этой-то причине переводы на народный язык не были известны св. отцам, которые справедливо боялись злоупотребления, к какому могло приводить пользование

переводом». Папа Пий IX в энциклике 1846 г. высказывается против Библейских обществ, а в силлабусе 1864 г. Библейские общества ставит наравне с социализмом, коммунизмом и тайными обществами. Католические епископы и соборы до сих пор считают делом полезным удерживать христиан от чтения Библии в переводе. Так, архиепископ Мехельнский в 1845 г. издает окружное послание, где говорилось: «Мы возобновляем запрещение читать Библию на народном языке без позволения епископа или духовника». Утрехтский собор 1865 г. издает постановление того же рода. Сделалось предметом удивления, что в 1883 г. папа позволил патеру Курчи издать перевод псалмов (на итальянский язык) не с Вульгаты, а с еврейского оригинала, но, конечно, с примечаниями.

Для человека, принадлежащего к Православно-Восточной Церкви, конечно, очень любопытно знать, как папская цензура относится к сочинениям православно-восточных писателей. Считаю долгом удовлетворить этому законному любопытству. К сожалению, индекс очень мало занят сочинениями, написанными православно-восточными писателями, как и сочинениями, имеющими отношение к Православно-Восточной Церкви. Рейш справедливо замечает, что индекс-конгрегация проявляет чувства мачехи в отношении к указанной Церкви, т. е. мало заботится о том, что там делается. Вот главнейшее, что можно сообщить по интересующему нас вопросу. Индекс нередко запрещал издания церковных писателей древности. В начале XVII в. почему-то попали в индекс «Три диалога» Феодорита Киррского. Такой же чести удостоилось издание сочинений Анастасия Синаита. В других случаях издания патристических сочинений подвергались запрещению за те примечания и предисловия, какие делались издателями.

Из сочинений греческих писателей позднейшего времени вошли в индекс следующие: Сильвестра Сиропула «История Флорентийского собора» – запрещение последовало в начале XVII в.; Нектария, патриарха Иерусалимского, «Опровержение власти папы в Церкви» – также в начале XVII в.; издание писем Кирилла Лукариса, патриарха Константинопольского; несколько сочинений греков-униатов, например, Петра Аркудия. Очень

интересно запрещение одного протестантского сочинения, касающегося святынь Киева. О книге протестантского теолога Гербиния «Священные киевские пещеры, или Подземный Киев» папа Бенедикт XIV в 1677 г., по запрещении книги, писал: «Жители Киева верят, что их город есть древняя Троя (?) и что в здешних катакомбах лежат неистленными тела Приама, Нестора (едва ли какому-либо киевлянину могло прийти в голову, что кто-нибудь их летописца Нестора перемешает с Нестором “Илиады”, как делает это папа!)... А Гербиний, – продолжает папа, – со слов какого-то русского архимандрита, напротив, считает эти тела за мощи святых, в продолжение 600 лет сохранившиеся нетленными, и старается доказать, что это дело чудесное. В Риме, – резонирует папа, – такое чудо не примут за чудо, принимая во внимание те основания, какие приводит Гербиний». Нечего сказать, папская критика киевских святынь есть мудрая критика... Из писателей Православно-Восточной Церкви новейшего времени в индексе почти никого не находится. Достойное внимания исключение составляет лишь граф Д. А. Толстой (теперешний министр внутренних дел). Его сочинение на французском языке под заглавием «Римский католицизм в России», появившееся в печати в 1864 г., через два года, в 1866 г., очутилось в индексе с редкой аттестацией: «opus praedamnatum» – с аттестацией, которая выдается в индексе лишь сочинениям самых страшных еретиков. Замечательно, что редактор индекса по невежеству принял имя автора, Димитрий, за его фамилию и поместил графа Толстого в алфавитном порядке индекса под буквой Д.

Что касается протестантских теологов XVIII и текущего столетия, то в индексе их очень немного. Очевидно, индекс-конгрегация махнула на них рукой. В индексе стоит Мосгейм, «Жизнь Иисуса» Штрауса, но нет ни имени, ни сочинений Фердинанда Баура. Зато указаны в числе запрещенных ничтожные протестантские теологические сочинения – таких несколько. К немалому удивлению знакомых с протестантской богословской литературой, почему-то в индекс внесена Реальная теологическая энциклопедия Герцога–Плитта, сравнительно неважное сочинение в ряду других протестантских

сочинений. Впрочем, вообще нужно заметить, что случайность и непоследовательность составляют самую характерную черту индекса: одно здесь запрещено, другое нет, ничтожное подвергнуто каре, о важнейшем умолчано.

Еще больше случайности и меньше последовательности в индексе, когда дело касается небогословских сочинений. О небогословских сочинениях и отношении к ним индекса мы теперь и поведем речь, но по этому вопросу мы не намерены пускаться в подробности.

На философскую литературу прежнего времени индекс обращал еще довольно внимания, а на ту же литературу новейшего времени – мало. Из сочинений Декарта запрещены не все и притом с мягким добавлением: «пока автор не исправит их». Мальбранш безусловно запрещен. О Лейбнице и Вольфе в индексе ни слова. Кант запрещен только в переводе, а об оригинале индекс молчит. О Гегеле индекс ничего не знает. Но зато запрещено такое невинное сочинение, как «История философии» Швеглера, известная и в русском переводе. Конт запрещен, Литтре нет. Но во всяком случае, на философию в папских кругах смотрят очень подозрительно. Один сведущий человек во время правления папы Пия IX писал в письме из Рима: «Если здесь попадет на рассмотрение книга по метафизике, то она будет осуждена. Давно философская литература не находилась в такой опасности, как в настоящее время». Речь идет о второстепенных писателях-католиках по философии.

Историческая литература также довольно терпела со стороны индекс-конгрегации. Но запрещалось то или другое безо всякой определенной системы. Из новейших французских исторических сочинений вошли в индекс не только произведения Ренана (не говоря о богословских), но и сочинения Обэ, в которых исследуется история гонений на христиан в первые века. С одним из этих запрещенных сочинений русская публика знакома по переводу его на страницах «Православного Обозрения» (за 1880 г.). Из среды католических ученых нередко слышатся жалобы на строгое отношение папской цензуры к историческим сочинениям. В XVII

в. французский писатель Арнольд писал: «Вот запретили исторические сочинения де Ту. Но очень обманываются, если полагают, что и в самом деле не будут читать их. Знание истории всегда составляло существенную принадлежность общего образования, и даже те, кто пишет в пользу Церкви, не могут обойтись без истории. Нравственно невозможно, чтобы столь основательные труды, как сочинения де Ту, перестали читать ввиду римского запрещения». Без сомнения, так же думают и католики настоящего времени.

Из естественных наук наибольшим нападкам со стороны индекса подвергалась астрономия. Когда появились воззрения Коперника на движение Земли и неподвижность Солнца, то многие сочинения, доказывающие и разъясняющие гелиоцентрическую систему, очутились в индексе, начиная с сочинений Коперника и Кеплера. Папы в своих декретах признали эту систему «опасной для веры» и весьма противной некоторым местам Св. Писания. Известен процесс Галилея. В сочинениях его римские теологи нашли частью места прямо еретические, частью по меньшей мере ложные в догматическом отношении. В индексе впоследствии не перечислялись, в частности, сочинения, защищавшие астрономическую систему Коперника, а замечалось вообще: запрещаются все сочинения, доказывающие движение Земли и неподвижность Солнца. Лишь в нынешнем столетии папская курия смиловалась над астрономией. В 1822 г. инквизиция формально объявила – в противоречии с прежними воззрениями, – что в Риме позволено печатать книги, в которых, согласно новейшему взгляду астрономов, рассуждается о движении Земли и неподвижности Солнца. Папа Пий VII утвердил это определение. И в ближайшем издании индекса, в 1835 г., вычеркнуты были из числа запрещенных авторов – Коперник, Кеплер, Галилей и пр. Из других отраслей естественных наук запрещению подверглось очень немного. По обыкновению, запрещено менее важное, а самое важное нет. В индексе, например, стоит «Зоономия» Эразма Дарвина, а сочинения его знаменитого внука Чарльза Дарвина, автора «Происхождения человека», в индексе совсем не упомянуты.

На беллетристику запрещения от индекс-конгрегации сыпались в достаточной мере, и то больше в прежние времена. Из более известных беллетристов запрещены сочинения: Дюма, отца и сына, Э. Сю, Жорж Санд, Бальзака, два романа Флобера, но произведения новейшей реальной школы – Золя и других – в индексе не обретаются. Из немецких беллетристов запрещено кое-что написанное Гейне. Новейшая английская беллетристика вся пощажена римской цензурой. Очень любопытны отношения папы Бенедикта XIV и некоторых кардиналов к знаменитому Вольтеру, как писателю-беллетристу, а не как философу. В 1745 г. Вольтер написал трагедию «Магомет», которая была запрещена в Париже, и послал экземпляр трагедии папе Бенедикту со следующим письмом: «Ваше святейшество, позвольте вам, как главе истинной религии, посвятить сочинение против основателя ложной и варварской религии. Кому, в самом деле, приличнее всего послать сатиру на жестокость и заблуждения фальшивого пророка, как не наместнику и подражателю Бога мира и истины? Дозвольте же, ваше святейшество, повергнуть к стопам вашим и книгу, и автора ее. Я осмеливаюсь просить у вас защиты для книги и благословения для автора. С чувством глубокого уважения припадаю к вашим стопам и целую их». Папа расчувствовался и отвечал Вольтеру письмом такого содержания: «*Dilecte fili, salutem et apostolicam benedictionem.* Несколько недель тому назад мы получили от вас прекрасную трагедию “Магомет”, которую мы прочли с величайшим удовольствием. Затем вручил нам от вашего имени кардинал Пассионеи вашу отличную поэму. Нам передано и двестишье (оно сохранилось до нас), которое вы сочинили для нашего портрета. Приносим вам чувствительнейшую благодарность за вашу доброту к нам и уверяем вас, что мы питаем достойное уважение к вашим столь достохвальным заслугам». Вольтер отвечал: «Черты лица вашего святейшества, находящиеся на медали, которую вы изволили подарить мне, так же хорошо отпечатались, как и черты вашего духа и характера в письме, которым вы меня удостоили. Кладу к вашим ногам мою смиренную благодарность. Признаю вашу непогрешимость в вопросах

литературы, как и в других еще более важных вопросах». Папское письмо к писателю, «Философские письма» которого по определению Парламента были сожжены в 1784 г. и в том же году запрещены в Риме, не может не возбуждать полного удивления. В 1745 г. Вольтер послал одну свою поэму вместе с почтительнейшим письмом кардиналу Кверини. Кверини, тронутый такой вежливостью, не только отвечал автору, но и велел перевести поэму на латинский язык и напечатать. В письме к иезуитам, написанном по этому поводу, Кверини именует Вольтера «прекрасным пророком», «превосходнейшим», даже «божественным поэтом».

Запрещения не избегают даже газеты и журналы, возбудившие неудовольствия в представителях папской курии. Конечно, запрещать читать газету или журнал после того, как они появились в свет, не имеет смысла, – старых газет и журналов почти никто не читает. Поэтому в католической Церкви встречаются запрещения вообще читать такую или другую газету, как скоро она найдена вредной для сынов папской Церкви. Так, в 1871 г. папа Пий поручил кардинал-викарию Патризи, дабы он циркуляром внушил священникам в Италии следующее: эти последние обязаны вразумлять своих духовных детей, что им запрещено чтение некоторых римских газет (указано: каких именно), и что нарушение этого предписания не есть грех простительный, но тяжелый. – Иногда дается разрешение сынам католической Церкви позволение читать и вредные газеты, но с тем, чтобы в них читались лишь политический и финансовый отделы. Так, бельгийские католические епископы объявили, что они позволяют своим пасомым читать лишь вышеуказанные отделы. В феврале 1885 г. архиепископ Генуэзский воспретил своей пастве чтение итальянской газеты «Эпоха». Он обнародовал циркуляр такого содержания: издатели, типографы, продавцы и распространители этой газеты подлежат отлучению; кто купит, прочтет или другому даст прочесть хоть один номер запрещенной газеты, тот совершает смертный грех. В декабре 1862 г. апостольский викарий Люксембургский Адамес прочел с церковной кафедры папское послание, которым

объявлялось, что издатель здешнего «Курьера» и его сотрудники подвергнуты отлучению, а абоненты, так как они подпиской поддерживают дело сатаны, лишаются таинств. Издатель жаловался на архиепископа в суде, но последний отказал ему в иске.

Ультрамонтанские писатели высокого мнения о значении и важности индекса и деятельности индекс-конгрегации. Они стараются уверить себя и других, что это дело в высшей степени полезное и нимало не стесняющее научной деятельности. В майнцком «Католике» за 1868 г. по этому поводу говорится следующее: «Индекс имеет все значение, это суд авторитета веры над приватной наукой. Это знамя непогрешимой истины. Мы не разделяем опасения, что будто индекс препятствует исследованиям католических ученых. Если проследим историю индекса, то, несмотря на случайность, которая иногда руководила им, мы признаем в нем истинно универсальный регулятор науки; и несмотря на его лаконическую краткость, индекс является красноречивейшим наставником теологии». В таком же роде отзывался Люсонский епископ Белье во Франции, в шестидесятых годах. Он писал: «Индекс не заключает в себе ни одной книги, запрещение которой не было бы мотивировано на основании общих правил. Индекс есть книга, в которой более или менее выразительно указаны все заблуждения, которые дух ереси и схизмы пытается провести при помощи вредных книг, начиная от времен апостольских до славного папствования Пия IX, – это есть книга, которая для всех образованных людей служит как бы морской картой, на которой надежной и знающей рукой указаны все без исключения подводные камни, находящиеся в безграничных морях». «Индекс, – говорит он еще, – есть несравненный Meisterstück мудрости. Благодаря ему вы знаете, какую книгу должно читать, а какую не должно. Между всеми критико-библиографическими книгами самой полезной, самой достопочтенной и самой авторитетной нужно считать книгу индекса. Она, эта последняя, поправляет все другие, она может заменить многие другие, а самое ее ничем заменить невозможно. Она должна находиться в каждой библиотеке.

Биографы, критики и библиофилы при всяком встречающемся случае с уважением должны приводить решения и запрещения, находящиеся в этой книге». Епископ Нимский Плантье в великопостном пастырском послании в 1857 г. называет индекс-конгрегацию «престолом здравого смысла, магистратурой истины, трибуналом, перед которым открывается истинная философия».

Иначе смотрят на индекс католики, не пропитанные ультрамонтанскими воззрениями. Многие из них решительно восстают против существования индекса как явления прискорбного. Из многих голосов в этом роде приведем немногие. В 60-х гг. Руланд в заседании французского Сената говорил: «Ультрамонтанская партия имеет еще другое средство разрушить все, что есть в Церкви носящего печать свободы. Она прибегает к помощи индекс-конгрегации. Но что такое индекс-конгрегация?! Воплощение деспотизма, трибунал, который осуждает, не выслушивая оправданий. Нет ничего опаснее, несправедливее трибунала, осуждающего, не выслушивая подсудимого. И, однако же, такой трибунал может осудить епископа, заморить священника». Иные находят, что внесение книги в индекс вместо того, чтобы отнять интерес к ней, еще усиливает его. Один католик говорит: «Запретите меня, и меня будут читать. Я знаю множество книг, которые читают только потому, что они запрещены, хотя они вовсе не стоят того, чтобы их читать». Больше значения, чем мнения отдельных лиц, имеют, без сомнения, отзывы католических провинциальных соборов и коллективные заявления епископов, ибо те и другие стараются ослабить влияние индекса и свести его чуть не к нулю. Один французский церковный журнал в 60-х гг. объяснял, что для Французской церкви индекса не существует и в доказательство указывал на то, что соборы Парижский, Лионский и Клермонский (1849–1850 гг.) знают только папские конституции и декреты и не хотят знать индекса. Венский собор 1858 г. говорит в таком неопределенном виде об индексе, что видно, что в Австрии перестали придавать вес церковному запрещению книг. Один ирландский архиепископ в 1825 г. в комиссии английской нижней палаты говорил: «Индекс

не имеет никакого авторитета в Ирландии; он здесь никогда не был принят, и я очень сомневаюсь в том, чтобы нашелся десяток таких лиц, которые видели бы индекс». Перед временем Ватиканского собора 1870 г. одиннадцать французских епископов заявили папе о необходимости решительного преобразования сущности индекса. Они требовали крайней осторожности при внесении книг в число запрещаемых, настаивали, чтобы индекс-конгрегация снисходительно относилась ко мнениям, хотя и соблазнительным, но не заслуживающим формального осуждения, находили неприличным осуждать книги католических писателей наравне с книгами безбожными. В то же время германские епископы заявляли папе, что требования индекса «вследствие изменившихся исторических отношений почти нигде не могут быть соблюдаемы». Голоса эти, впрочем, не оказали доныне на папскую курию ощутительного влияния. Рейш отмечает поразительный факт незнания содержания индекса даже высшим католическим духовенством. Так, в 1883 г., с ведома индекс-конгрегации, изданы сочинения такого писателя, имя которого красуется в индексе.

Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох⁶

Предмет статьи: итальянское духовенство X и XI вв. в его совокупности и предварительные замечания. – Гл. I: Духовенство и Церковь: историческое разъяснение того, насколько итальянское духовенство X и XII в. строго сообразовалось в своей папской деятельности с каноническими определениями. – Симония и ее распространение. – Симония королей и князей; примеры. – Случаи избрания пап, сопровождавшиеся денежным подкупом. – Торговля пап церковными местами и должностями. – Архиерейская симония: сильное развитие ее в Милане. – Размеры симонии в Лукке. – Непотическая симония или передача церковных должностей одними лицами другим – родственникам. – Влияние симонии на недостаток соблюдения духовенством канонических предписаний, составленных для руководства священнослужителей. – Растрата церковных имуществ. – Мздоимство за совершение таинств и прочих богослужебных действий. – Поставление малолетних в папы, епископы и в другие церковные должности. – Нарушения правила о непоставлении в священнослужители лиц мирского звания. – Поставление одного священника при нескольких церквях и т. д. – Необыкновенное запустение многих храмов (церкви превращались в поля или делались базарным местом). – Неуважение святости храма духовными лицами. – Мирское пользование, попускаемое со стороны священников, евхаристическими чашами, священными одеждами и драгоценными церковными вещами. – Хищение церковных вещей духовными лицами. – Крайняя небрежность в совершении богослужения, присвоение духовенством натуральных церковных приношений (хлеба, вина). – Омирщение епископского звания. – Извращение и упадок учреждения, именуемого каноникатом (капитулом). – Состояние монашества: упадок монашеской жизни. – Темные черты в образе жизни аббатов: их деспотизм, жестокость, скупость в

отношении других, роскошь. – Бунты монахов против настоятелей и пр. – Резюме.

Мы ставим себе задачей изобразить состояние итальянского духовенства, собственно за два века – X и XI, в разных отношениях этого духовенства. Картина представляет, нужно сказать наперед, много любопытного, интересного и нового. Если бы захотели за те же века – X и XI – описать состояние духовенства Восточной церкви, например, византийского духовенства, то мы – говорю об историках – были бы в большем затруднении, как выполнить подобную задачу; дело в том, что источники, рисующие нам положение Восточной церкви X и XI вв., сообщают очень мало материала для уяснения указанной задачи. Не то видим, когда знакомимся с положением итальянского духовенства X и XI вв.: источники латинского Запада дают очень много материала, необходимого при изучении сейчас указанной стороны исторической жизни Средних веков. Эту нашу мысль лучше всего подтверждает недавно вышедшее немецкое церковно-историческое сочинение Альберта Дрезднера под заглавием «История культуры и нравов итальянского духовенства в X и XI вв.»⁷, которым мы и будем пользоваться при изложении нашей статьи. Дрезднер своим произведением ясно показал, что об итальянском духовенстве этих веков можно составлять весьма нескучные представления. Заметим, кстати, что на эту сторону церковно-исторической жизни почти никто до сих пор не обращал никакого внимания.

Из краткого предисловия Дрезднера к его книге укажем лишь на одну мысль, которая нам представляется глубоко справедливой. Автор задает себе вопрос: не слишком ли большую задачу он берет на себя, имея в виду описать состояние духовенства двух целых веков и притом со всех сторон – и отвечает: узкие темы берутся авторами с той целью, чтобы поменьше сделать погрешностей против науки, «но не время ли подумать о том, – внушает автор, – что только путем ошибок достигается истинное усовершенствование (Fortschritt) и что мужество, заставляющее не бояться собственных ошибок, составляет необходимый элемент плодотворной научной работы?».

Глава I

Рассматривая состояние итальянского духовенства X и XI вв., нельзя не видеть, что это состояние представляло много печального и ненормального, но чего-либо другого и трудно ожидать от темной эпохи Средних веков. Для удобства рассмотрения фактов, рисующих положение указанного духовенства, подведем эти факты под определенные категории.

1. Духовенство и Церковь. Здесь прежде всего рассмотрим, насколько духовным сословием соблюдались правила, касающиеся вступления разных лиц в священные должности. Вступление в священные должности редко было сообразно с законами в X и XI вв. Симония, самая беззастенчивая симония, свила себе гнездо в тех сферах, от которых зависело получение церковного сана. В изучаемое время слышатся неумолкающие голоса против такого зла, как симония, но зло почти не уменьшалось. Дамиани, епископ Остийский, знаменитый писатель XI в., прямо говорил, что все канонические постановления против симонии пришли в полнейшее забвение, так что и разучились даже симонию считать грехом. Когда на одном соборе, 1049 г., папа Лев IX лишил церковных должностей всех тех лиц, которые получили свои места путем их покупки, то возник формальный бунт среди римского клира; при этом же случае многие епископы выражали опасение, что, пожалуй, теперь почти все приходы закроются и священнодействия прекратятся. Здесь находим ясное доказательство широкого развития симонии. Некто Иоанн Гвальберт стал жаловаться одному знаменитому отшельнику, что ему тяжело жить под руководством аббата-симониста, и что он решился покинуть его; на это указанный отшельник сказал Иоанну, что в таком случае он должен будет совсем оставить страну, так как здесь симония распространена везде (речь шла, собственно, о Тоскане). Дамиани котором мы уже упоминали, указывает к тому же на замечательное упорство и закоренелость симонистов в их грехах; по выражению Дамиани, гораздо легче

привести к вере жиды, чем заставить почувствовать раскаяние симониста.

Дурной пример денежной наживы при раздавании духовных должностей в Италии подавали прежде всего короли и князья. Аттон, епископ Верчельский, говорил о князьях, что никто кроме них не смел избирать епископов, иначе они приходили в неопиcуемый гнев; а при выборе епископов короли спрашивали кандидатов не о вере, любви и уповании, а о том, есть ли у них деньги, кто их родня и дают ли они обещание быть послушными. Примеры продажи королями и князьями церковных должностей были многочисленны. Так, отец одного флорентийского епископа, Петра, получившего кафедру в 1062 г., с клятвой объявлял следующее: «Клянусь бородой св. Сира! Без больших денег нельзя сходить даже на мельницу при доме нашего короля, и уж никак нельзя достигнуть епископства без денег; я сам три тысячи фунтов (серебра?) отсчитал и положил ему на стол». Епископ Туринский Вильгельм (в XI в.), который в нравственном отношении был настоящим чудовищем, мог получить свое место только за большие деньги, принесенные им в дар королю. Архиепископ Готфрид, сделавшись Миланским архипастырем в 1074 г., получил свою должность, заплатив наперед королю тысячу фунтов. К разряду действий, основанных на симонии, можно относить и все те явления, когда все князья раздавали епископские места единственно из пристрастия к тем лицам, кому эти места давались, притом вопреки каноническим постановлениям. Так, один король (Гугон) дал архиепископу Манассии сразу три епископских кафедры; или случалось, что короли или князья вручали архиепископскую должность своим собственным незаконным сыновьям.

Но самое широкое распространение постыдное зло симонии находило в X и XI вв. среди итальянских архипастырей; эти последние превратились в каких-то торгашей церковными местами. Зло это появилось в Италии уже давно. Еще в последней четверти VIII в. некоторые письма Карла Великого и папы Адриана I (которые они писали друг другу) свидетельствуют, что в Тусции и Равенне начала распространяться симония. В X и XI вв. симония, можно

сказать, процветала. Для X в. имеем, между прочим, следующее свидетельство (Герберта): «Везде в церквах видим священных лиц, лишенных всякого достоинства и совершенно необразованных, купивших свои места за деньги. Если вы вежливо спросите их, кто поставил их пастырями, они охотно ответят вам и скажут: епископом меня весьма недавно сделал архиепископ и получил от меня за это сто сольди (золотых); а если бы я не дал ему денег, то я и теперь не получил бы епископского сана. Впрочем, я не в убытке (прибавлял отвечающий). Я поставляю, в свою очередь, священников и беру с них золото; я посвящаю в диаконы и получаю за это много серебра; я получаю деньги и от прочих должностей, а также с аббатств и церквей». В XI в. положение дела было не лучше. Папа Лев IX и его преемники на многих соборах выражали сильное негодование против симонии архиереев, но безуспешно.

Замечательно, что в рассматриваемое время даже самое избрание в папы не всегда было делом безмездным. Народная толпа в Риме стала играть большую роль в папских выборах, и чтобы задобрить ее, приходилось кандидатам на папский престол тратить немало денег. Из многих примеров приведем немногие. Папа Бенедикт IX, по выражению современника, избран был больше ради его богатства, чем ради его святости. Папа (точнее, антипапа) Сильвестр III, прежде епископ Сабинский, далеко не с пустыми руками пробрался к папскому престолу. При почти насильственном восшествии на этот же престол Бенедикта X, по достоверным свидетельствам, важное значение имела раздача денег – кому следует.

Что касается архиерейской симонии, этого главнейшего вида зла, то она утвердилась в изучаемую эпоху почти повсеместно в Италии. Исторические известия указывают, что архипастыри всех важнейших итальянских кафедр были беззастенчивыми симонистами. Начнем с Рима. Многие папы данного времени запятнали себя невероятной симонией. Это, впрочем, и понятно. Между папами в X и XI вв. встречаем самых жалких лиц. Встречаем пап, поставленных не только по воле дворянской партии, но и по воле знаменитых гетер того

времени; видим пап, помышлявших только о мирском и суетном и нисколько – о духовных предметах; пап, которые носили папскую тиару в продолжение нескольких месяцев и даже нескольких недель. Такие недостойные и, так сказать, временные папы, разумеется, больше всего заботились о том, чтобы нажить денег путем раздачи церковных должностей. Следы таких беззаконий ясны и непререкаемы. Кардинал – диакон Бенедикт, впоследствии папа Бенедикт V, а с ним вместе и пресвитеры, и диаконы на одном торжественном соборе заявляли императору Оттону I, что папа Иоанн XII только за деньги посвящал епископов. Так было в X в. Позднее тоже встречались случаи в подобном роде. Рудольф Грабер жаловался, что симония обладает римским престолом. 1 мая 1045 г. произошло даже нечто совершенно неслыханное: один папа продал свой апостольский престол другому папе – Бенедикт IX в этой необыкновенной сделке был продавцом, а Иоанн, латеранский архипресвитер (получивший в папстве имя Григория VI) явился покупателем. Папская симония не прекращается и позднее. Петр Дамиани, епископ Остийский, говорил в свое время, что в Риме владычествует Симон.

Римским епископам по части симонии подражали и архипастыри других итальянских городов. Некоторые архипастыри далеко оставляли за собой и римских пап в рассматриваемом отношении. Так, о Милане с еще большей определенностью, чем о Риме, можно говорить, что симония здесь была постоянным обычаем и правилом. Все духовенство Милана так или иначе было повинно в симонии: едва ли пять человек на тысячу можно было находить таких, которые оставались свободны от укоренившегося зла. При одном случае миланцы, отправив посольство к флорентийцам, жаловались этим последним, что у них (миланцев) уже много лет никто не приступал к таинству покаяния, потому что они не хотят иметь общения с симонистами, а истинных пастырей у них нет. В Милане существовала такса, которой точно определялось, сколько нужно было платить за поступление в ту или другую церковную должность. За должность иподиакона платилось 12 золотых монет, за должность диакона – 18, а за пресвитерскую

– 24. Самые церкви в Милане иногда просто продавались. Так, церковь Марии Девы (Sancta Maria Secreta) раз была продана одному аббату за двенадцать фунтов серебра. Окрестности Милана тоже наполнены были лицами, повинными в симонии. Наряду с Миланом, как гнездо того же зла должна быть поставлена Лукка. Есть основание утверждать, что здесь симония простиралась на все церковные должности. О размерах зла в Лукке дает знать папа Александр II (в XI в.), который сам прежде был Луккским епископом. Этот папа вступил в решительную борьбу с симонией названного города и издал несколько самых строгих булл. В одной из этих булл Александр писал: «Церковь и ее имущество стали предметом купли в таком же роде, в каком и всякий другой товар предлагается торговцами в продажу». Но как ни сильна была борьба Александра с луккской симонией, зло осталось неискорененным. Но не в одних вышеуказанных городах гнездились симонисты. Их было много в Италии, и в особенности – в Ломбардии. Однажды папа Григорий VII писал своим приверженцам: «Вы знаете, сколь явно ломбардские епископы защищают и питают ересь Симона». Не приводя многочисленных примеров, приведем лишь один: родители знаменитого впоследствии вождя ордена бичующихся – Доминика Лориката, при посвящении его в пресвитеры, вынуждены были дать подарок епископу. – Сохранились известия, что и в Тоскане симония находила себе открытый прием. Говоря об архиерейской симонии как деле, распространенном в Италии, мы должны, однако же, заметить, что и в тех местах, где это зло особенно укоренилось, временами появлялись епископы, чуждые указанной «ереси». Но, разумеется, такие лица представляли исключение. Дамиани с особенной похвалой отзываясь о двух епископах своего времени, как врагах симонии: архиепископе Гебгарде Равеннском и Иакове, епископе Физольском.

Особый вид симонии представляла незаконная передача священными лицами своих мест и сопряженных с этими последними выгод своим близким или дальним родственникам. Это явление справедливо именуют «непотической симонией».

Итальянское духовенство рассматриваемого времени больше всего помышляло об интересах мирских, и очень мало о духовных, а потому оно и на свои церковные должности и на самые церкви смотрело как на предмет, который можно передавать родне наравне с деньгами и прочим имуществом. Передача совершалась в пользу сына, брата, племянника, двоюродного брата. Хотя церковные правила строго запрещали передачу священных должностей одними лицами другим, родственникам, но правила не соблюдались. Примеры передачи церковных должностей от дяди племяннику встречались очень часто. Даже сами папы иногда содействовали такому беззаконию. Папа Григорий V дал обещание Альфану, архиепископу Беневентскому, что наследником его кафедры будет не кто другой, а его племянник, тоже Альфан. В монастырях происходило то же самое. Аббатиса одного луккского монастыря, Теудератау почувствовав ослабление своих сил, сочла нужным сделать преемницей своей власти племянницу Гриму, а местный епископ охотно исполняет волю престарелой игуменьи. Аббат Андреевского монастыря в Равенне, в середине XI в., без всякого затруднения передает свой начальнический посох «возлюбленному племяннику». Ниже мы разъясним, что итальянское духовенство X и XI вв., не исключая епископов, иногда не чуждались законного брака; а еще чаще встречалось, что духовные лица имели незаконных сыновей. Вследствие этого не будет удивительным, если мы скажем, что епископы и прочие духовные лица нередко делали наследниками своих церковных должностей законных или незаконных сыновей. История указывает, например, следующие случаи в подобном роде. Альберих, епископ Марзерландский, передает свою кафедру в качестве наследства родному сыну. Пресвитер Иоанн передает церковь св. Георгия в Лукке, на правах наследства, своему сыну Филипранду. Член аретинского духовного капитула, Петр, отдает свое звание сыну Мартину. Передача церквей духовными лицами своим родственникам основывалась очень часто на следующем правиле: в то время священник, выстроивший церковь и украсивший ее, имел право по смерти отдавать ее или близкому родственнику, или кому-

либо из членов его фамилии. Вследствие этого в некоторых местах, особенно в Тоскане, некоторые церкви сделались предметом наследственной передачи, причем наследник становился священником наследуемой им церкви.

Развитие симонии влекло за собой многие печальные последствия. Кто приобретал свою должность путем купли, тот редко имел сознание святости Церкви, не заботился ни о полученной им должности, ни о церковных имуществе; такое духовное лицо, нимало не стесняясь, пятнало свое звание разными пороками, а церковное имущество пускалось на все четыре стороны. Растрата церковного имущества в подобном случае происходила и оттого, что святокупец во что бы то ни стало старался вернуть себе те деньги, которые он потратил на покупку своей должности. Если святокупцем был епископ, то он возмещал свои издержки продажей различных духовных мест, находившихся в его распоряжении; другие святокупцы продавали или закладывали церковные имущества – опять с целью вернуть израсходованные деньги. Папа Александр II рисует живую картину церковного разграбления святокупцами, когда этот папа обличает рассматриваемое зло. «В своей алчности они, – говорит папа, – не щадят и святых алтарей; о нет! они, как воры и святотатцы, налагают свои нечестивые руки и на них. Десятины и прочие благочестивые приношения, принадлежащие по правилу бедным и святым церквам, они разграбляют, подобно разбойникам». Таинства и священные обряды сделались предметом продажи. Если прихожанин не хотел платить священнику то, чего последний требовал от первого, в этом случае новорожденный оставался некрещеным, мертвец лежал непогребенным, и т. д. К таким-то последствиям приводило святокупство. Видон Феррарский, современник событий, в некотором смысле был прав, говоря, что симония служит источником всякого зла, прокрадывающегося в Церковь. Господство симонии вообще служит патологическим симптомом, указывающим, что жизнь Церкви X и XI вв. была далека от своего идеала.

Многие из недостатков, вкравшихся в духовное сословие, находятся в большей или меньшей причинной связи с

развитием симонии, и поэтому эти недостатки могут быть рассмотрены тотчас же после обозрения фактов симонии. Весьма часто итальянское духовенство данной эпохи делало то, чего делать оно не должно было, и не делало того, что следовало ему делать. Другими словами: если посмотрим, насколько духовенство сохраняло в своей жизни предписания, касающиеся духовных лиц именно как служителей алтаря, то увидим, что эти последние мало значения придавали канонам. Духовенство в большинстве случаев исполняло свои обязанности и свое служение небрежно и невнимательно. Архипастыри, обязанные заботиться о том, чтобы лица, поставляемые на служение Церкви, вполне соответствовали своему назначению, мало пеклись о выполнении этого долга. Нередки случаи, когда на священные должности поставлялись мальчики, чуть не младенцы. Таких лиц встречаем даже среди пап: известно, что Бенедикт IX (в XI в.) был коронован тройственной папской тиарой, когда ему было всего только десять лет! Папа Иоанн XII, в свою очередь, посвящал в епископы тоже десятилетних ребят. Ратер, епископ Веронский, обвинял Мартина, епископа Феррарского, в том, что этот последний вообще не стеснялся посвящать малолетних. Преемник этого самого Ратера, обличителя разных недостатков, епископ Милон, сделался архипастырем, имея лишь восемнадцать лет отроду. Еще больше встречалось подобного рода беспорядков при посвящении лиц в другие церковные должности. Уже задолго до X в. появилось обыкновение посвящать малолетних в пресвитерскую должность. Так, в VIII в. епископ Луккский Передей сделал священником мальчика Атриперта, причем приставил к нему двух духовных лиц в качестве опекунов. На сильное распространение сейчас указанного беспорядка указывает та энергичность, с какой иногда велась борьба против него в X и XI вв. «Лица, которые не знают еще простейших правил жизни, – взывает Аттон Верчельский, – возводятся в достоинство учителей; те, кто не имеют никакого понятия о том, что такое душа, объявляются судьями душ человеческих. Прежде епископы претерпевали оскорбления и удары от язычников, а теперь эти мальчики

выносят то же самое, учась языческим (?) правилам». (По всей вероятности, Аттон здесь имеет в виду школьные наказания, выпадающие на долю священных лиц, сделавшихся таковыми в отроческом возрасте.) Тот же Аттон рисует веселую картину, представляющую то, как происходило «испытание» мальчика, имевшего быть посвященным в церковную должность. Окружающие испытываемого забавлялись тем, что мальчик без всякого понимания лепетал какие-нибудь две главы (из Евангелия?), произнося слова с таким страхом, как будто бы над ним висела розга учителя. Для устранения вышеупомянутых беспорядков собор в Мельфи, при папе Урбане II (в середине XI в.) постановил, чтобы моложе 14–15 лет никого не ставили в иподиаконы, раньше 24–25 лет – в диаконы и раньше 30 лет – в пресвитеры. Другой собор, проходивший в Равенне (при Герберте), исчисляет те недостатки и пороки, которых не следует быть у лиц, посвящаемых в церковные должности. Сюда отнесены: порочный образ жизни, незрелый возраст, необразованность, содеянное преступление, бесчестное занятие, корыстолюбие и нецеломудрие; запрещено было ставить на священные должности двубрачных, неофитов, лиц крепостного состояния и вообще мирян. Конечно, такой список не имел бы особенного значения, если бы действительность не подтверждала самым плачевным образом того, что священные лица изучаемого времени нередко имели те или другие из недостатков или пороков, исчисленных Равеннским собором. Например, запрещено было поставлять в священные должности прямо из мирян (очевидно, требовалось, чтобы кандидат на такие должности сначала проходил низшие церковные служения), но на практике этого правила не соблюдалось. В числе пап изучаемой эпохи встречаем таких, которые не удовлетворяли этому требованию. Бенедикт VIII до избрания в папы был мирянином, папы Иоанн XX и Лев VIII называются в документах неофитами; на знаменитом Реймском соборе (в 991 г.) относительно папы Иоанна XII встречаем указание, что он погряз в пороках; тот же собор о Бонифации говорит, что он был «ужасным зверем, превосходящим своей дикостью всех прочих

людей». Прокрались в духовное сословие и другие непорядки, несообразные с пастырским званием. В некоторых епископских округах число священников было ниже потребного: один священник управлял двумя или тремя церквами. Мотивом служило желание иметь побольше доходов. В других местах, в особенности в капитулах, число духовных лиц было безмерно велико, так что часть из них проводила время в праздности. Нужно сказать, что в капитулах каноники получали хорошие доходы. Беспорядки и на этом не кончались. Случалось, что вопреки правилам «белый священник» получал в управление монастырь, причем управляющее лицо не принимало на себя монашеского чина. Или же какой-нибудь клирик, в противность канонам, приобретал право поставлять в духовные должности и лишать таковых. Часто являлось даже основательное сомнение в том, имело ли известное духовное лицо надлежащее посвящение. Значит, в числе духовных лиц попадались самозванцы. Многие стремились к епископскому званию с таким же расположением, как будто бы дело шло о мирской должности. Так какой-нибудь дворянин шел в школу учиться с целью приобрести право на занятие епископского места, но при этом он руководился не желанием служить Богу, а честолюбием. И он действительно становился епископом, невзирая на свое недостоинство и безо всякого искуса.

В числе важных недостатков, характерных для духовенства X и XI вв., нужно указать на холодность, индифферентизм этих лиц к тем святыням, при которых проходило их служение. Это были не пастыри, а наемники. Поразительно встречать факты, что некоторые священники совершенно забывали о том, что такое храм, каково его назначение. Кардинал Гумберт (XI в.) не может без содрогания вспоминать о том, как много в его время было церквей и монастырей в развалинах; дело доходило до того, что многие церкви совсем запустели и в них нашли себе жилище опасные звери и нечистые птицы, пол в них зарос травой. При другом случае тот же писатель уверяет, что он сам видел, что некоторые церкви превращены в поля и засеивались хлебом, а иные из храмов были обращены в хлев. В самом деле, даже в Риме монастырь св. ап. Павла и знаменитая

церковь св. Петра находились в таком небрежении, что сюда свободно заходил скот, а женщины занимались хозяйственными делами в рефектории (свидетельство папы Григория VII). В Фарфасском монастыре аббат Губерт жил с блудницами и собаками; монахи сами повреждали стены своих обителей, чтобы лишить настоятелей возможности наблюдать за соблюдением монашеских обетов живущими в обители. В Верхней Италии стало общим правилом, которым дозволялось помещать плоды жатвы в церквях; это было позволено бедным людям в видах защиты их полевых произведений от грабежа со стороны разбойников. Но и этого мало. В некоторых местах церкви сделались базарным местом; на святом месте и ели, и спали; здесь можно было слышать всю болтовню, споры, остроумные словца. Лица духовные или их приспешники были первыми зачинщиками подобных безобразий. Вот, например, что происходило в Ареццо в церкви св. Доната: когда по праздничным дням каноники приходили в церковь для сбора приношений от молящихся, или когда те же каноники для той же цели посылали сюда своих слуг, то возникали между сборщиками «споры, пустая болтовня, при этом даже они старались что-либо утаить один от другого или же просто украсть»; при дележе приношений хлеб или свеча разрывались на четыре части. Один фарфасский аббат, родом англичанин, так мало уважал святость алтаря, что если монахи в случае его гнева прибегали к алтарю, как месту неприкосновенному (пользуясь так называемым правом убежища), то их начальник, не обращая ни на что внимания, выгонял их отсюда. Мало того. История этого времени повествует нам о таких «Тартюфах из духовенства», которые под видом благочестия удалялись в храм и которые ночью оскверняли святилище, назначая здесь любовное свидание с женщинами.

Богослужebные действия и священные сосуды для некоторых из духовных лиц перестали быть предметом великого уважения. Был такой случай: архиепископ Миланский Гвидон прибыл в храм для совершения литургии, но подведомые ему духовные лица, желая причинить обиду архипастырю, удалились из храма, оставив его здесь одного, побросав на

землю Св. Дары, предназначавшиеся для Евхаристии; и когда они выходили из храма, то позволяли себе какие-то шутовские ужимки. Иногда сами епископы при чтении Евангелия за богослужением позволяли себе смех. Одно духовное лицо осмелилось так выразиться о Св. Евангелии: «У нас читается и то, что написано на овечьей шкуре». Папа Иоанн XII посвящал диаконов в стойле; если совершал литургию, то не всегда приобщался при этом. Духовные лица позволяли себе самое непристойное обращение со священными сосудами и одеждами. Священные сосуды они брали для своего стола и пользовались ими как обыкновенными кружками; священные одежды давали во временное пользование женщинам, золотые и серебряные церковные украшения они давали тем же женщинам для их убранства. Небрежность священнослужителей в отношении к священным сосудам достигала крайних пределов: можно было встречать евхаристические чаши, покрытые ржавчиной, запачканные воздухи и пелены, растерзанные ризы. Но и этим дело не ограничивалось. Духовенство без всякого страха уворовывало из церквей все, что имело какую-нибудь ценность: ризы и кресты, чаши и венцы, печати и книги, не исключая и свечей. Папа Иоанн XII просто-напросто дарил золотые кресты и чаши, принадлежавшие храму св. ап. Петра, своей фаворитке, вдове рыцаря Райнера. Епископ Альберих, при одном случае боясь гнева строгого императора Оттона III, посвятил свою фаворитку в монахини, с тем, чтобы впоследствии, когда минует гроза, опять снять с нее иноческий чин. Духовные лица были проникнуты таким малым уважением к святости храма, что считали позволённым делом производить здесь кулачную расправу с лицами, чем-нибудь им неприятными. Веронский диакон приказал однажды своему слуге, чтобы он при входе в храм, на его собственных глазах, надавал оплеух пресвитеру, принадлежащему к капитулу. Другие духовные лица позволяли себе бранить в лицо собственных епископов.

Богослужение отправлялось кое-как, с достойным всякого порицания пренебрежением. Псалмы за богослужением не пелись и не читались, а просто кое-как бормотались; да и такое бормотание считалось делом обременительным. Месса или

совсем не совершалась, или же совершалась чрезвычайно поспешно. Священнослужители главным образом заботились о том, чтобы как можно больше забрать в церкви на свою долю и хлеба, и вина; и они забирали этих припасов столько, что, по выражению одного документа, припасов хватило бы и для королевского стола. В храмах не стало слышно проповеди: епископы и пресвитеры почти не заботились о просвещении пасомых.

Епископы рассматриваемой эпохи почти совсем забывали о своих архипастырских обязанностях. Они любили заниматься политикой и совершенно погрязали в житейских попечениях. По выражению Ратера Веронского, епископы тех времен хотели лучше оказываться звероловами (охотниками), чем учителями, охотнее являлись дерзкими, чем кроткими, хитрыми, чем простыми; они желали, чтобы их считали за Маккавеев, а не за епископов. Те из епископов, которые не помышляли о денежной наживе, на взгляд своих собратий, представлялись людьми бесполезными. Очень много отступлений от существенных предписаний, касающихся духовного звания, встречаем в духовенстве, принадлежащем к каноникам. Чем больше существовало правил, предписаний и ограничений, положенных относительно каноников, тем менее жизнь этих лиц сообразовалась с утвержденными нормами. Каноникат по своей идее должен был выделять известное число лиц, приписанных к этому учреждению, – выделять из ряда прочих как образцы благочестия. Но на самом деле в большую часть эпохи X и XI вв. ничего такого не видим. Каноники должны были жить жизнью, близкой к монашеской жизни, должны были помещаться в одном доме, обедать и спать вместе, не иметь никакой собственности, все время отдавать богослужению и делам христианской любви. Но этот идеал не осуществляли каноники X и XI вв. Так, в большей части итальянских капитулов каноники имели частную собственность. Но это не единственная черта, свидетельствующая об упадке канониката. Об общежитии каноников в большинстве случаев и речи не было. Каноники жили не в общежитии, а в городе или поместьях, как и другие свободные люди. Духовными своими обязанностями они

совершенно пренебрегали, за них все делали или их викарий, или другие духовные лица. Часто они жили не одни, а с женщиной – женой или же блудницей – и с детьми, и грабили, что можно было грабить. Рассказ о деятельности епископа Варина (1003–1020 гг.) свидетельствует, каких трудов стоило заставить каноников отказаться хотя бы от незаконного сожития с женщиной.

Подобно каноникам, и монашество X и XI вв. представляло больше всего отступлений от иноческих, утвержденных Церковью, правил. У монахов рассматриваемого времени оставалась лишь одежда, отличающая их от прочих людей, а дух иноческий почти исчез. Все стороны монашеской жизни одинаково извращаются. Труднее всего было для итальянских монахов соблюдать умеренность в пище и питье и воздержании языка. Посты не соблюдались, а если некоторые монахи и довольствовались рыбой и вином, то однако же употребляли их в таком количестве, которое являлось полным нарушением устава. Монахи нередко позволяли себе устраивать роскошные пиршества, на которых неумолчно слышались мирские разговоры, непристойные шутки, рассказывались пикантные истории. Некоторые из монахов не любили сидеть дома, а бродяжничали. Таких бродячих монахов в насмешку называли «немыми собаками, разучившимися лаять». В теории монашеский чин считался великим делом. Принятие монашества называли вторым крещением; рассуждали так: кто принял монашество, тот должен на всю жизнь неизменно оставаться в этом звании. Но на практике нередко случалось, что монахи без стеснения покидали монашеский чин. В XI в. встречаем следующие примеры: один римский монах, получивший воспитание в монастыре и давший обет умереть в монастыре, – преспокойно его покидает, когда ему прискучила иноческая жизнь; Дамиани свидетельствует, что бегство из монастырей в мир достигло больших размеров; некоторые монахи слагали свой сан для того, чтобы сделаться епископами (что тогда считалось несовместимым): так поступил епископ Торбиболийский. Некоторые монастыри только по имени были монастырями: подвижники в них жили так же, как живут миряне.

В одном небольшом монастыре (Maguzani) настоятель жил один, без братии; вместо монахов с ним жила женщина и родственники. Все они питались за счет обители. Вообще настоятели монастырей своим поведением подавали своим подчиненным соблазнительный пример. Многие аббаты, по замечанию Ратера Веронского, хотели быть только господами над монахами, а сами монахами быть не желали. У того же Ратера находим следующие замечательные слова: «В этот железный век кто может управлять монастырем, не причиняя себе опасности? Или, точнее сказать: кто в одно и то же время может быть и аббатом, и монахом?» Много было таких аббатов, которые омирщились подобно своим епископам и небрежно смотрели за монахами и монастырем. Беральд, фарфасский аббат (в конце XI в.), сам одевался в роскошнейшие одежды, а монахов оставлял ходить в жалких рубищах. Тодин, аббат Монте-Кассино (в начале XI в.), так мало заботился о монахах, что даже в самые торжественные праздники не выдавал им вина, необходимого для совершения Евхаристии. Если он хотел кого-либо из монахов исключить из числа братии, то он просто распоряжался, чтобы таковому не давали есть, и приказывал вытолкнуть его на улицу. Трансмунд, с детства воспитывавшийся в знаменитом монастыре Монте-Кассино, славившемся прекрасными дарованиями и образованностью своих насельников, сделавшись аббатом Богородицкого монастыря в Тремити, позволял себе следующие удивительные вещи: виновным перед ним монахам он вырывал глаза, а одному из них урезал язык. Само собой понятно, что при существовании таких жестоких начальников монахи не могли оставаться спокойными. Возникали бунты монахов против своих аббатов. Подчиненные не питали доверия к своим начальникам. Каждый, даже неважный поступок аббата монахи, по недоверию, старались истолковывать не в его пользу. Когда на исходе XI в. один аббат, по имени Иероним, слишком усердно стал списывать различные книги, то монахи, не доверяя его любви к книгам, были уверены в том, что со всеми этими книгами Иероним когда-нибудь убежит от них, чтобы добыть себе место епископа. Между собой монахи жили тоже не как

следует. Современник Рамуальда, простой и смиренный монах Валерий, считался в своем монастыре за сумасшедшего, и одни из его собратий били его по щекам, а другие выливали на его голову грязную воду или помои, насмехались над ним и бранили его. – При таких условиях монашеской жизни нет ничего удивительного в том, что в течение X и XI вв. немало итальянских монастырей находилось в полнейшем запустении.

Оканчивая первую главу статьи, мы должны сказать, что в рассматриваемую эпоху, без сомнения, лишь немногие епископы и аббаты и немногие церкви и монастыри могли похвалиться точным и неизменным соблюдением даже главнейших канонических предписаний.

Гл. II. Умственное состояние духовенства и суеверия. – Требования, какие тогда предъявлялись по отношению к образованию духовенства. – Выполнялись ли они? – Недостаточная образованность духовенства. – Примеры невежества среди пастырей, не исключая епископов. – Малое количество книг в монастырских церквях. – В каких классах духовенства особенно укоренилась невежество? – Заботы высшего духовенства об улучшении дела. – Школы, в которых училось духовенство. Изучение наук, составлявших *trivium* и *quadrivium*. Как понимались тогда и как изучались науки, входившие в состав *trivium*'а? Многие ли изучали науки *quadrivium*'а? – Церковные библиотеки; характерные черты, сюда относящиеся. – Суеверия: вера в колдунов и волшебников. Обвинения в колдовстве более просвещенных пастырей со стороны менее образованных пастырей и народа. Образчик колдовства с амурными целями. Книги некромантические. Суеверное почитание реликвий и вытекающие отсюда странные явления. Гл. III. Нравственная жизнь духовенства. – Отсутствие честности и правдолюбия, неуважение личности другого, посягательства на жизнь ближнего и смертоубийства. Жестокость самих пап. Суд мертвых. – Нарушение духовенством правил о безбрачии и внебрачные сожития с женщинами. – Примеры, доказывающие то и другое. – Многочисленность священников, проводивших брачную жизнь. – Женатые епископы, обычные титулы

архиерейских супругов. – Были ли браки духовенства вполне законными, т. е. заключались ли они с соблюдением необходимых условий? – Защитники брачной жизни духовенства. – Безнравственность неженатого духовенства. – Взгляды тогдашнего общества на законы целомудрия. – Картина нравственной распущенности духовенства и монашества по отношению к седьмой заповеди. – «Книга Гоморрская» Петра Дамиани и ее содержание. – Степень порочности духовенства. – Непотизм, расхищение церковных имуществ, святотатство как следствия брачного и внебрачного сожития духовенства с женщиной. – Борьба соборов и пап против брака священнослужителей и ее успех. Гл. IV. Бытовая сторона духовенства. – Изредка встречавшееся стремление не носить духовной одежды. – Класс высшего духовенства: роскошь в платье, великолепие митр и жезлов; употребление духов; жилище – изысканность в украшениях. – Слуги. – Веселые беседы за обедом, тост «за здоровье дьявола» (отдельный случай). – Как путешествовали высшие духовные особы? – Пристрастие ко всякого рода помпе. – Роскошь и изысканность в пище. – Целонощные пиры. – «Хватило бы на трех медведей». – Сатиры, изобличающие злоупотребление спиртными напитками со стороны пап и кардиналов. – Развлечения и игры. – Как реакция – появление показной и лицемерной нищеты.

II. Умственное состояние духовенства и суеверия

Некоторая степень образованности, конечно, была необходимым условием вступления в состав иерархических лиц. Человек, принимавший на себя хотя бы низшую степень в клире, должен был уметь читать и писать, в особенности читать. Притом, он не мог обойтись без знания латинского языка, на котором читалась Библия, отправлялось богослужение, произносилась проповедь и была написана вся церковная литература того времени в Италии. Само собой предполагается, что лица духовные не могли обходиться без некоторого рода начитанности по части Св. Писания, церковной истории и житий св. угодников. Они в особенности должны были знать сущность церковного учения и все главное, что относилось к практическому богослужению. Подобные требования выражались в рассматриваемое время и теми писателями, которые раскрывали то, в чем состоит идеал пастыря. Бонитон требовал, чтобы духовные лица неопустительно занимались чтением Св. Писания Ветхого и Нового Заветов. А Аттон Верчельский перечисляет ряд книг научного содержания, с которыми священник должен был иметь близкое знакомство.

Но возникает вопрос: удовлетворяло ли итальянское духовенство X и XI вв. таким требованиям? Нет сомнения, что было общим правилом, по которому готовящийся в священники обязан был посещать школу. Хождение в школу было отличительным признаком человека, имеющего сделаться духовным лицом. Некто Петр, аббат Монте-Капрарио, пожелав посвятить себя еще с молодости духовному званию, выражает свое призвание в том, что вопреки воле родителей стал ходить в школу учиться. Говорим: учение в школе было условием поступления в духовное звание. Но из этого еще не следует, что лицо, готовившееся поступить в клир, всегда изучало все то, что преподавалось в школе. Требования, которые предъявлялись Бонитоном и Аттоном по отношению к образованию духовенства, считались очень высокими. Во многих местах требования эти были много скромнее. В Умбрии, по обычаю

этой страны, от посвящаемых в духовный сан ничего больше не требовали, кроме умения читать и петь. Да и этому требованию не всегда удовлетворяли кандидаты на духовные должности. Петр Дамиани утверждал, что многие священники едва умели читать по складам, и ввиду такого положения дела написал сочинение под заглавием «Против невежества духовенства». Во всяком случае, без умения читать духовным лицом сделаться было невозможно. Иное дело – умение писать. Но и это умение писать не составляло редкости. В этом удостоверяют многочисленные документы, писанные или, по крайней мере, подписанные духовными лицами; видно, что большинство священных лиц писать умело. Нельзя того же утверждать о монашеском сословии рассматриваемого времени. Об этом можно догадываться на том основании, что писатели данного времени иногда хвалят того или другого монаха за умение писать; ясный знак, что не всех монахов можно было хвалить за то же самое. Указанный факт достаточно объясняется тем, что в X и XI вв. итальянское монашество значительно падает: в монахи стали поступать лишь лица низшего сословия, лишенного образованности.

Из предыдущего уже открывается, что немалая часть итальянского духовенства обладала чрезвычайно ничтожным образованием. Но можно привести еще более определенные факты, которые раскроют, как далеко иногда протиралось невежество духовенства. Бонитон утверждал, что иногда нельзя было избрать папу из числа лиц римского духовенства, потому что эти последние были очень необразованны. И действительно, современник папы Григория VII, кардинал Аттон в Риме, сознавался, что его каноники не имели образования. Он объяснял это тем, что духовенство было очень бедно, чтобы учиться вне Рима, а сам Рим не был богат учителями, избегавшими жить в столь нездоровом климате. Одновременно с Аттоном один римский собор выразительно требовал, чтобы поступающие в духовное сословие предварительно проходили школьную науку и были знакомы с церковными правилами. Даже глава прежде столь славившегося образованием миланского духовенства, архиепископ Гвидон (XI в.), по

согласному свидетельству его друзей и недругов, имел ничтожное духовное образование. Вообще в епископском звании в изучаемое время наука оставалась на низшей степени развития, как это отчасти можно видеть из того, что папа Марин осыпал горчайшими упреками епископа Капуанского за его невежество по части канонов и недостаток необходимого образования. Подобным явлениям, конечно, не станем удивляться, когда мы уже знаем, что в епископы иногда были посвящаемы мальчики, сидевшие на школьной скамье, и что из клириков возводились в архиереи лица безо всякого предварительного испытания в науке и церковной образованности. В среде монашества также можно было встречать лиц весьма малообразованных. В первой половине XI в. аббат Бон в Пизанском монастыре св. Михаила нашел только одну книгу – Служебник. Монах Теобальд вынужден был собственноручно списать (начало XI в.) несколько книг для монастыря Искупителя и таким образом создать хоть маленькую библиотечку. Даже знаменитый монастырь Монте-Кассино был очень беден книгами. И это – не исключения.

Некоторые из вышеприведенных фактов ясно указывают на безграмотность, имевшую место в среде духовенства. Но и грамотные между духовенством часто не стояли на высоте своего пастырского призвания – в интеллектуальном отношении. Иные из духовных лиц хотя и умели читать, но не разумели читаемого. Епископы Ратер и Дамиани единогласно свидетельствуют – один о X в., а другой об XI в., – что духовенство не понимало читаемого. О Бенедикте X, папе, рассказывают, что он не умел с толком прочесть проповедь, не говоря уже о том, чтобы правильно объяснить псалом, хотя этого и можно было бы ожидать от бывшего епископа Веллетрийского. Очень интересные факты сообщает Ратер относительно умственного развития низшего веронского духовенства, – того самого веронского духовенства, которое в прежние века отличалось научной образованностью и славилось особенно хорошим пониманием пророков, псалмов, а также церковным пением. Ратер, ознакомляясь с умственным состоянием веронского духовенства, узнал, что большая часть

священников не знала Апостольского символа, и он издал приказание: кто хочет оставаться или сделаться священником в его епархии, тот должен уметь наизусть прочесть три Символа – Апостольский, Афанасиев (Афанасия Великого) и употреблявшийся в то время за богослужением. Тот же Ратер удостоверяет, что некоторые духовные лица не знали значения самого воскресного дня (*dies Dominicus*); они почему-то полагали, что воспоминание о воскресении Господа совершается только раз в месяц (!). А что касается проповеди, то те же лица о ней и помышления не имели.

Отсюда, однако же, не следует делать общего вывода, что все итальянское духовенство X и XI вв. было погружено в невежество. Есть факты и противоположного рода. Известно, что при некоторых епископских кафедрах и в монастырях существовали школы или временно, или же постоянно – в X и XI вв., – школы, в которых будущее духовенство училось и наукам, и искусствам. Между разными городами с особенным отличием могут быть упомянуты Турин и Милан, как места, где духовное просвещение не замирало. Вообще можно утверждать, что в изучаемые века встречались и крайне невежественные пастыри, и значительно образованные. Невежество и просвещение шли рука об руку. Большинство известий о необразованности пастырей должно быть относимо к следующим трем классам духовенства: к сельскому духовенству и духовенству маленьких городов, далее – к монашеству, и, наконец, к пастырям, вышедшим из простого сословия, и вообще к низшему духовенству. – Невежественность значительной части итальянского духовенства находит себе достаточное объяснение в следующем. Школы находились не везде, а предпринимать путешествие с научной целью редко кому было по средствам. Да и не было особенных побуждений серьезно учиться. Экзамен, положенный для тех, кто хотел занять духовное место, существовал больше на бумаге, а не на деле. Всегда или почти всегда можно было купить себе духовную должность. Церковь, конечно, не смотрела равнодушно на подобное положение вещей. Как папы, так и светская власть заботились о

просвещении будущих клириков. Епископы также не оставляли попечений по этой части. Так, в Моденской епархии существовало правило, что священник при поступлении в сельский приход давал обязательство, что будет держать там школу. Известный епископ Ратер поступал подобным же образом. Тем более заботливости в этом отношении показывали папы. Папа Евгений II требовал, чтобы священники вместе с тем были и учителями. «Малообразованный епископ, – приказывал папа, – должен приходить к своему митрополиту, а прочие клирики до иподиакона включительно – к своему епископу, чтобы они могли брать уроки». Правда, эти предписания не выполнялись, но все же они показывают заботливость пап о просвещении всех иерархических лиц. Папа Лев IV возобновил распоряжение Евгения II. К сожалению, двое названных пап жили несколько ранее той эпохи, которая изучается нами, но все же их деятельность могла отражаться по крайней мере на X в.

Средства к образованию духовенства давали те же школы, в которых учились и миряне. Школ сугубо для клириков не было. Это были общеизвестные средневековые школы, курс которых распадался на *trivium* и *quadrivium*. Под *trivium* понимались грамматика, диалектика и риторика, а под *quadrivium* – астрономия, геометрия, арифметика и музыка. Скажем несколько слов о характере преподавания наук в этих школах, чтобы иметь понятие о просвещении духовных лиц, прошедших эту школу. Если кто хотел слыть образованным человеком, тот в рассматриваемую эпоху изучал грамматику, диалектику и риторику; что же касается наук, входящих в круг *quadrivium*'а, то изучение их встречалось очень редко.

Итальянское образование, как и естественно, оставалось в связях с тем образованием, которое когда-то давалось еще римлянам. Римлянин прежнего времени жил не столько дома, сколько на форуме; здесь он показывал свои познания, здесь же он делал из них различное практическое применение. Поэтому от него в особенности требовалось умение говорить красиво и увлекательно. Средневековые учителя итальянских школ не могли отрешиться от устарелых традиций. Они все еще

продолжали учить учеников так, как будто они готовились к деятельности на форуме. Искусство речи эти учителя ставили главной целью; риторику они называли прекрасным светильником рода человеческого; все еще толковали о Цицероне как достойном удивления образце. Учителя мало заботились о содержании речи; форма вытеснила содержание и стала сама себе целью. Мы слышим только о похвалах, расточаемых то ловким и искусным заключениям, то изящному стилю, то цветам красноречия и т. д. Если хотели выразить почтение образованному человеку, то его называли ритором. Истина, которую должен преследовать оратор, ни во что не ставилась; отверзался свободный доступ для лжи и выдумок. Отношение трех наук *trivium*'а одной к другой было лишь такое: грамматика научала понимать язык, диалектика учила логическому построению выражений, а риторика была настоящим искусством речи. Грамматика, как действительная наука, сама по себе имела мало цены. Главная цель грамматических упражнений состояла в ознакомлении с латинским языком. Что касается собственно духовенства, то оно большей частью не шло дальше изучения этого праотца итальянского языка, а о других языках мало заботилось. Немецкий язык весьма редко кто знал из числа духовных лиц: знание его было случайностью. По-французски, кажется, в духовенстве никто не знал. С еврейским языком пастыри того времени были совершенно незнакомы. Ансельм Бизанценский еврейские слова и буквы употреблял в качестве магических формул. Разве только один Дамиани кое-что смыслил в еврейской грамоте. С греческим языком дело было лучше. Византия долго пользовалась господством над большей или меньшей частью Италии, вследствие чего было соприкосновение между итальянцами и греками, а это вело к тому, что по-гречески понимали многие из итальянцев. Житие св. Нила первоначально было написано по-гречески, некоторые из документов составлены были тоже на греческом языке. В особенности заметно значение греческого языка в духовенстве XI в. Сведения духовенства в классической литературе, особенно латинской, были довольно значительны. Именами и

фактами из классической мифологии и истории духовные ораторы пользовались единственно в видах украшения речи. Истории, как науки, не существовало: ею пользовались с риторическими целями или для того, чтобы при ее помощи доказать то или другое положение. Во времена Дамиани, кажется, встречались даже такие люди, которые отвергали пользу истории и находили знание прошедшего совершенно лишним. Царила риторика, и перед ней все преклонялись. Самая диалектика была только служанкой риторики, а с диалектикой связывалось все то, что тогда называлось философией.

Что касается наук или искусств, составлявших собой *quadrivium*, то их редко изучали миряне, а еще реже лица духовные. Правда, некоторые духовные лица знали, например, астрономию, но их знание ограничивалось тем, что они умели составлять гороскоп. Науками математическими духовные лица занимались лишь настолько, насколько это было нужно для астрономических целей, или точнее – астрологических. Относительно изучения последнего из свободных искусств – музыки, нужно сказать, что хотя в Италии не прекращалось существование певческих школ, но в X и XI вв. они далеко не были в цветущем состоянии.

Считаем не излишним сказать несколько слов о библиотеках, которые были в распоряжении духовенства и монашества. Ввиду того, что получение образования обходилось в то время дорого – сколько-нибудь серьезное образование требовало целой тысячи и более солидов, – библиотеки должны были служить средством к восполнению пробелов по части просвещения духовных лиц. Церкви и монастыри сделались естественными местами, где составлялись библиотеки, ибо ни одна церковь и ни один монастырь не могли обойтись без книг, по крайней мере богослужебных. Более ревностные аббаты очень заботились о том, чтобы устраивать библиотечки при церквях и монастырях. У некоторых духовных лиц подобная заботливость переходила в страсть. Так, биограф Бенедикта Хиузасского говорит об этом последнем, что ни один князь и ни один рыцарь не восхищался

так великолепным оружием и красивыми лошадьми, как Бенедикт – множеством книг. Эту склонность Бенедикта разделял и хиузасский библиотекарь, Геральд, который предпринимал путешествия с вышеназванным лицом ради обогащения их монастыря новыми книжными сокровищами. Одним из самых ревностных собирателей книг был аббат Иероним Помпозасский; он без всякого разбора собирал в устрояемую им библиотеку всякие книги, какие только ему попадались. Тем не менее он составил такую замечательную библиотеку, какой не было даже в Риме – к великому прискорбию монахов его монастыря, которые роптали на своего настоятеля, находя, что он тратит деньги на пустяки. Богатство книгами, конечно, в разных монастырях было различное. В монастыре Боббио было 666 книг (понятно, рукописных), а менее значительные монастыри и церкви довольствовались двумя-тремя десятками книг или даже меньшим количеством. При некоторых библиотеках были специальные библиотекари. Что касается переписчиков, то хорошие из них ценились высоко и были ревностно отыскиваемы. Некоторые духовные лица очень старались о том, чтобы иметь каллиграфический почерк. А имея его, ревностно переписывали книги. Так, веронский архидиакон Пацифик собственноручно переписал более 200 книг. Столь же ревностно копировал книги св. Нил: если у него истощались чернила, то он писал на деревянных досках, покрытых воском. Но не многие писцы обладали искусством переписывать красиво и правильно. Рукописи по большей части изготовлялись некрасиво и небрежно. В Помпозе необыкновенная поспешность собирателя (Иеронима) была причиной, что многие книги оказались написанными плохо; слышались жалобы, что некоторые книги, списанные монахом Генрихом, невозможно было читать. Многие копиисты относились к делу очень несерьезно, и потому епископ Дамиани и Бенедикт Хиузасский принимали на себя труды пересмотра библиотечных книг, ради их исправления.

Книги в те времена были дороги; так, аббат Бон купил одну книгу (*Liber bibliothecae novus*) за десять фунтов (серебра), а очень роскошный служебник (*Missal*) даже за сто солидов.

Стоимость книги очень повышалась, как и теперь, от различных рисунков, миниатюр и орнаментов, которыми украшались иногда книги. В те времена нередко можно было встречать книги в замечательно-роскошных переплетах, вследствие чего они становились дороги. Большинство лиц, любящих книги, ревностно заботились о том, чтобы библиотечные книги не портились от небрежности читателей. Так, Дамиани для Фонтен-Авелланской библиотеки ввел правило, чтобы они не пачкали книг дымом и не прожигали их огнем. Бон же издал предписание, чтобы очень драгоценный Служебник всегда хранился в особом ящике.

Говоря о состоянии духовенства в умственном отношении и о средствах его образования, считаем уместным здесь же сделать замечания о том, что было несообразного с представлением о духовном лице, как наиболее образованном человеке, в ряду пастырей того времени, – о суевериях. Люди очень просвещенные между духовенством в темные Средние века, на взгляд менее просвещенных людей эпохи, представлялись колдунами и волшебниками. Известный Герберт, человек очень ученый, отлично сведущий в математике и естественных науках, казался современникам какой-то полной таинственности загадкой; кардинал Бенон считал его магом, который будто бы приносил жертвы демонам и которого эти последние вводили будто бы в обман. О Герберте ходили слухи, что будто бы демон предрек ему, что он умрет во время совершения мессы в Иерусалиме, а так как Герберт, сделавшись папой, умер неестественной смертью – он был убит в Риме, прямо в церкви, – то мнимое предсказание о Иерусалиме понимали в смысле Рима, этого святого города западного христианства. Ученики и последователи Герберта, по взгляду вышеупомянутого Бенона, являлись чуть ли не исчадием ада. Архиепископа Амальфийского Лоренца (XI в.) Бенон обвинял в волшебстве и называл его *princeps maleficorum*; он утверждал о Лоренце, что он был сведущ в черной магии и что он по крику птиц узнавал, что произойдет сегодня, завтра или послезавтра на севере, востоке, юге и западе. Таким же человеком рисовался для Бенона и друг

Лоренца – Феофилакт (впоследствии папа Бенедикт IX). Этот папа, по уверению Бенона, при помощи каких-то необыкновенных книг, умел овладевать сердцами женщин и так их привязывать к себе, что они, не помня себя, способны были бежать за ним через горы и леса. Знаменитый папа Григорий VII, воспитанник Бенедикта и ученик одного из учеников этого папы, казался Бенону слугой злых демонов. Бенон утверждал, что Медея была его богиней-покровительницей. Когда однажды Григорий VII в течение трех дней не выходил из своих комнат, то в народе разнеслась молва, что он был занят в это время принесением жертв демонам. Это известие находится тоже у Бенона. Тот же Бенон приписывает Григорию VII способность волшебным образом вытряхивать искры из рукавов. Или вот еще рассказ Бенона о том же папе. Однажды он прибыл в какой-то город и заметил, что с ним нет некромантической книги, без которой он почти никуда не выходил. Он послал за книгой двоих молодых людей, строго запретив им раскрывать ее. Но когда они, послушавшись Григория, разогнули книгу, то вдруг явилось великое множество ангелов сатаны, и они стали спрашивать юношей, зачем они их вызвали. Если бы юноши на это ничего не сказали, то демоны напали бы на них. Поэтому юноши приказали демонам ниспровергнуть какие-то стены, и это приказание было в точности исполнено.

Естественное дело, что подобного же рода магическое искусство приписывалось и другим лицам. В IX в. твердо верили, что есть колдуны, которые могут возбуждать непреодолимую любовь или ненависть. Король Гугон при помощи подобного рода волшебников старался привлечь к себе любовь своей супруги Берты. Было верование, что некоторые люди обладают способностью переменять погоду, и крестьяне очень заботились о том, чтобы задобрить таких колдунов. Ансельм Бизанценский своего врага Ротиланда объявил волшебником, содействовавшим любовным шашням. Он рассказывал о Ротиланде следующее: однажды ночью он захватил с собой мальчика, вывел его в поле, зарыл его по грудь в яму и затем окружил его валом из камней и небольшим рвом. Нос и глаза мальчику он в течение ночи отравлял каким-

то куревом. И наконец произнес над ним такие волшебные слова: «Как мальчик связан здесь, так пусть и девица привяжется ко мне своей любовью; и как мальчик окружен стеной и рвом, так и она да объемлется страстью ко мне; и как дым беспокоит глаза мальчика, так пусть и ее беспокоит разлука со мной». Само собой понятно, что и о Ротиланде рассказывалось, что будто он не расставался с некромантической книгой, и что когда однажды у него украли эту книгу, то будто бы он пришел в величайшее отчаяние. И вот к какому способу он прибегнул, чтобы возвратить потерю: он выкопал какого-то мертвеца, при содействии дьявольской силы вдохнул в него жизнь и заставил его каким-то образом принести пропавшую книгу. Против опасных чар в те времена прибегали к защите разных амулетов и заговорных формул; существовали и книги, по которым можно было узнать, каким способом лучше всего защитить себя от опасных чар. Всевозможные суеверия в X и XI вв. были принадлежностью не только простолюдинов, но даже высшего и вкусившего науки духовенства. К суеверным людям должны быть причислены епископы Ансельм Бизанценский, Бензон, Дамиани, кардинал Бенон и пр.

К разряду суеверных действий, свидетельствующих о недостаточном просвещении духовных лиц изучаемого времени, следует причислять и следующие. В Средние века особенно сильно было развито почитание всевозможных реликвий; но это почитание не всегда утверждалось на здравых началах, так как было почти общее убеждение, что для приобретения почитаемой святыни все средства считались позволенными. Так, самое воровство реликвий признавалось тогда не только «благочестивым» обманом, но и выставлялось как дело славное. Епископ Авдакс Остийский (в X в.) украл мощи св. Далмация из монастыря, посвященного имени сего последнего, в Педоне. Патриарх Аквилейский Поппон, когда был завоеван и разграблен г. Градо, без малейшего колебания присвоил себе священные реликвии. Когда король Оттон III потребовал от беневентинцев выдачи мощей апостола Варфоломея, то не желая расстаться с такой великой святыней, а с другой стороны – избегая гнева Оттона, те послали ему (под видом мощей

Варфоломея) останки епископа Павлина Ноланского. Иногда дело заходило и еще дальше. Собратья знаменитого Доминика Лориката поспешно зарыли его тело в самой келии, где он скончался, из боязни, чтобы соседние монахи не похитили тела. Сходно с этим поступили однажды и жители городка, где умер св. Анастасий: монахам, которые требовали выдачи мощей св. Анастасия, они грозили топорами. Жители Равенны похитили у немцев тело папы Виктора II, которое те поместили было в епископском городе Эйхштедте. Ромуальда никак не хотели выпускать из Франции, и охотнее соглашались убить святого человека, чем уступить его другим: в чувстве благоговения (по словам Дамиани), некоторые почитатели св. Ромуальда желали, по крайней мере, владеть его телом, если уж нельзя было обладать живым подвижником. Во времена Каролингов было много людей, которые веровали, что у них есть письма, упавшие прямо с неба. В позднейшее время появилось много и других обманщиков, которые ни во что ставили обман, рассчитанный на простодушие народа. Так, один обманщик около 1000 г. выкопал кости недавно умерших людей и выдавал их за священные реликвии. Впрочем, развитие суеверий не оставалось иногда без обличений со стороны более понимающих дело людей, таков, например, был Вильгельм, биограф св. Нила.

III. Нравственная жизнь духовенства

Если невысока была жизнь итальянского духовенства X и XI вв. в умственном отношении, то еще ниже была жизнь этого же духовенства в нравственном отношении. Даже более проницательные современники, приглядываясь к нравственному облику духовенства, называли его не иначе, как испорченным и недостойным всякого сожаления. Разумеется, встречались и счастливые исключения в среде пастырей, но это были именно исключения.

Одним из главных нравственных недостатков итальянского духовенства было отсутствие стремления к честному и правдивому образу действия: ради денег пастыри готовы были решиться на самый нечестный поступок. В этом случае не представляли собой исключения и папы. Когда возник процесс между Гугоном Фарфасским и аббатом Григорием, настоятелем монастыря свв. Космы и Дамиана, то папа Григорий V за деньги принял сторону этого последнего. У папы Иоанна XIII веронские каноники за деньги купили благоприятную для них папскую буллу. Папам следовали и прочие епископы. Так, лангобардские епископы за денежный подарок, полученный ими от женатых священников, взялись молчать об определениях собора 1059 г., направлявшихся против брака священнослужителей. Немало священников снискивало себе средства к жизни ростовщичеством, хотя правилами запрещалось священникам брать и самые малые проценты. Вообще в духовных лицах не было утверждено уважение к чужой собственности.

Вместе с неуважением чужой собственности в пастырях не было развито и чувство почтения к личности другого человека. Оскорбление личности почти ни во что не ставилось. Писатели тех времен записали много случаев, когда один пресвитер оскорблял другого действием; священники осмеливались даже поднимать руку на собственного своего епископа; аббаты самым жестоким образом наказывали вверенных их управлению монахов; аббаты решались на смертоубийство своего собрата – тоже аббата, с целью лишить его возможности вредить их

своекорыстным интересам. Гильдебранд (?) и Кампон отравили фарфасского аббата Ратфреда, хотя он был благодетелем их обоих, – отравили с целью захватить его монастырь в свои руки. Кампон и его сотоварищи ночью с ножами в руках сделали нападение на монахов строгого направления, присланных в Фарфасский монастырь Одоном Ключийским, и хотели их умертвить. При другом случае монахи и аббаты, недовольные Ромуальдом за ту строгую дисциплину, какую он хотел утвердить в монастырях, покушались выбросить его за окно.

Грубость нравов, жестокость отношений составляли самое обычное явление среди даже самого высшего итальянского духовенства. Так, папа Иоанн XIII своего духовного отца ослепил, а кардинала, иподиакона Иоанна, убил посредством оскотления. Бонифаций, сын Ферруция, бросил в тюрьму папу Иоанна XIV, где тот оставался в продолжение четырех месяцев, испытывая голод, вследствие которого он и умер. Или же Иоанн Калабрийский, антипапа времен Григория V, выколол глаза и отрезал язык и нос этому папе, и затем приказал сорвать с него папские одежды, посадить на осла задом наперед и в таком виде возить по Риму. О самом Гильдебранде римские летописи повествуют, что в правление папы Николая II он приказал привести в церковь Спасителя уже отставленного папу Бенедикта X, сорвать с него первосвященнические одежды и вложить в его ладони рукописание, в котором исчислялись все мнимые преступления этого папы. Бенедикта заставляли прочесть вслух эту грамоту, и хотя он сначала отказывался сделать так, но потом вынужден был уступить силе и прочесть вышеуказанный позорный документ в присутствии народа и в особенности в присутствии своей матери, которая громко вопила и рвала на себе волосы. Дальнейший рассказ хотя, быть может, и не достоверен, но во всяком случае он хорошо характеризует дух времени, который посягал на оскорбления даже мертвых тел, принадлежавших тем или другим лицам. По вышеуказанному рассказу, папа Стефан VI следующим образом поступил с телом умершего папы Формоза. Он велел извлечь этот труп из могилы и поместить на патриаршем троне. Затем явился адвокат, который должен был спросить умершее тело:

«Так как ты прежде был епископом Порты, то как ты осмелился, движимый исключительно честолюбием, занять апостольский престол?» Другой адвокат должен был от лица умершего дать определенный ответ. И когда ответ этот был дан, то папа Формоз объявляется лишенным кафедры, с трупа срываются папские одежды, ему отрубают пальцы и, наконец, изуродованный труп бросают в Тибр.

Рассматриваемые нами X и XI вв. обильны разнообразными фактами относительно отношений пастырей к женскому полу. В этом случае нравственный характер духовенства обрисовывается в весьма непривлекательном виде. Известно, что безбрачие западного духовенства вводилось вопреки правилам и примерам пастырской жизни более древнего времени. Несмотря на то что в изучаемую нами эпоху безбрачие вошло в круг необходимых требований, предъявляемых к западному духовному лицу, практика далеко не соответствовала этим идеальным требованиям. Сожитие духовного лица с женщиной в форме брака или же в виде преступной связи было явлением вовсе не чрезвычайным. Многочисленные известия и факты, относящиеся к X и XI вв., удостоверяют, что так именно и было в эту эпоху. Епископы Аттон и Ратер в X в. ратовали против увлечения женщиной (*mulierositas*) со стороны духовенства и громко жаловались на широкое распространение этого явления. Ратер сознается при этом, что если бы женатых священников лишать сана, то в клире остались бы одни дети (т. е. малолетние церковные прислужники). По другому известию, иметь возлюбленную, отличающуюся красотой, было предметом гордости для духовных лиц того времени. Сами епископы не оставались позади прочего духовенства. Что папа Григорий VI жил целомудренно со дней юности, за это римляне считали его не только заслуживающим похвалу, но и признавали его человеком ангельской жизни. Когда епископ Ансельм Бизанценский старался уличить одного из своих врагов (духовного сана) в том, что он знается со сводней и ведет распутную жизнь, то этот последний отвечал тем, что указал, как сам Ансельм назначает постыдные свидания даже среди постов и многое другое. Или

другой пример, в ином роде, но одинакового характера: король Оттон III дал епископский округ художнику Иоанну в одном из верхнеитальянских графств, но местный граф соглашался на это лишь под условием, что назначаемый в епископы возьмет замуж его собственную дочь.

Главными местами в Италии, в которых происходили сейчас подмеченные факты, были Эмилия и Лигурия, т. е. Ломбардия. В самом деле, сожитие духовных лиц женщиной здесь было сильно распространено. В Турине и Милане во времена Ратера это сделалось чуть не правилом. Но напрасно было бы думать, что в других областях Италии дела шли иначе. Так, в Лукке места каноников большей частью заняты были женатыми лицами. Регимбальд, епископ Фризольский, подвергался церковным наказаниям за свое непристойное поведение. В самом Риме сожитие священника с женщиной было общим явлением. Монахи Фарфасского монастыря в X в. сначала сожительствовали с лицами женского пола тайно, а потом – вполне открыто. Подобное поведение, по-видимому, стало принадлежностью всех классов духовенства. Не говоря уже о священниках, то же самое встречаем среди монахов, лиц епископского сана; сами папы не составляли исключения. Папа Иоанн XII так прославился своими любовными похождениями, что честные женщины опасались даже посещать церковь св. ап. Петра. Духовенство тех времен прибегало к разным мерам, чтобы ему не было никакого стеснения в указанном отношении. Так, оно искало и находило себе поддержку в лицах, облеченных светской властью, подкупая этих лиц деньгами. Иногда оно, духовенство, в защите своих интересов доходило до непозволительной крайности. Так, духовенство, подведомое епископу Брешианскому, когда этот последний решился объявить определения папы Николая II против брачной жизни пастырей, – избило его до полусмерти. Случалось, что священники ни во что ставили церковные определения против брака священнослужителей, объявляя их просто глупыми.

Можно указать и другие факты, свидетельствующие о распространенности того явления, о котором у нас идет теперь речь. Ратер говорит не только о священниках единократных, но

и двубрачных, троебрачных и четверобрачных. Он же относительно миланских священников замечает, что они до глубокой старости жили с женщинами. Возраст вообще не препятствовал духовному лицу вступить в брак. Гергардт, член одного капитула, женился на другой жене, после того как у него умерла первая жена, – невзирая на свой препочтенный возраст. Лица женского пола, жившие с клириками, в источниках именуются неопределенно и неодинаково: то они именуются здесь «женщинами», «бабами», то «супругами» и «женами».

Читатель, конечно, обратил внимание на то, что говоря о сожитии итальянских священников с женщинами, мы не отделяли тех фактов, где говорится о брачном сожитии священников, от тех фактов, где говорится о незаконных и преступных связях духовных лиц с женщинами. Но это не простая случайность. Источники часто не дают ясного понятия, о чем именно в них идет речь – о первом или втором виде сожительства. Дело, конечно, просто объясняется тем, что с точки зрения итальянского канонического права всякое сожитие клирика с женщиной, не исключая и сожития брачного, есть беззаконие. А потому в большинстве случаев документы точно не обозначают, ведется ли в них речь о священниках брачных или прелюбодеях.

Интересно определить: если священники жили брачной жизнью, то был ли их брак совершаем с соблюдением всех форм, или же это был брак какой-либо особенный, отличный от обыкновенного? Можно утверждать, что браки духовных лиц совершались с соблюдением всех формальностей и представляли собой церковные браки в полном смысле этого слова. Это лучше всего можно уяснить примерами, заимствованными из истории Германии и Франции тех же веков и составляющими, конечно, аналогию с итальянскими явлениями в том же роде. Так, о епископе Лозаннском Бурхарде (XI в.) говорилось, что он имел законную жену. К супругам епископов прилагались такие титулы, которые ясно показывали, что они были совершенно законными женами. Так, Анзопейя, супруга Пасхалиса, епископа Шурского (Chur), именовалась «госпожой епископом и архипастыршей Шурской». А жена

Зигфрида, епископа Леманского (X в.), называлась «епискописсой». О Поппоне, епископе Тулском, сохранилось также известие, что он с соблюдением обычных церковных форм вступил в брак. По всей видимости, и в Италии происходило то же самое, т. е. брак духовенства был действительным, законным браком. Вот несколько примеров, хотя и не таких ярких, как вышеприведенные. Бонитон рассказывает следующее о папе Бенедикте IX: когда этот папа пожелал будто бы взять себе в жены одну девицу, то отец девицы соглашался на это, но под условием, что Бенедикт откажется от папства. Римский летописец изучаемых нами времен о самих монахах рассказывает, что они женились, не переставая быть монахами. В одно очень тяжелое время в истории Фарфасского монастыря, по словам летописца, сюда возвратились некоторые монахи и «начали здесь открыто жить со своими – не скажу: конкубинами, – а с женами, ибо они вступили с ними в законный брак». Из приведенных фактов видно, какой характер носил на себе брак итальянского духовенства X и XI вв. По-видимому, и юридические отношения, в какие поставлял священнический брак итальянских духовных лиц к их женам и потомству, со своей стороны доказывают, что этот брак был формально правильным.

Кстати сказать, что в рассматриваемую эпоху появились горячие защитники брака для духовенства; они раскрывали мысль, что подобный брак не только не есть какая-либо вина, но что это – законное дело. Мнение это имело, впрочем, разного рода оттенки. Капелланы Готфрида, герцога Тусцийского, пользование для духовенства брачными удовольствиями объявляли делом безусловно позволительным. Миланский священник Андреас считал незаконным деянием вступление в брак духовного лица по принятии им священного сана, но не почитал нужным делать никаких возражений против брачного человека, вступающего в священнический класс. Была целая партия в духовенстве, которая смотрела на себя как на охранительницу старинных традиций и которая вообще защищала брак священников. Представители этой партии указывали на изречение, что в начале Бог сотворил мужа и

жену, очевидно потому, что они один для другого необходимы, и при этом прибавлялось: а кого Бог сочетал, тех человек да не разлучает. Но главным образом защитники священнослужительского брака ссылались на следующие рассуждения: конечно, говорили они, целомудрие есть великое дело, но не каждому дана Богом одинаковая сила для его соблюдения. И к этому еще присовокупляли: природу никто не может изменить, да и вынужденное служение – Богу неужгодно.

Для более точного понимания нравственности духовенства изучаемой эпохи следует сделать такое замечание: так как можно утверждать, что значительная, может быть, большая часть итальянского духовенства X и XI вв. жила в законном браке, то обыкновенный упрек, адресуемый средневековому духовенству, что оно было безнравственно, должен быть много ослаблен.

Но это еще не значит, чтобы духовенство X и XI вв. в самом деле проводило жизнь, сообразную с требованиями законов целомудрия. Плотские грехи, несомненно, находили себе доступ в сословие пастырей, хотя и не в такой мере, как обыкновенно принято думать. Впрочем, с определенностью нельзя сказать, как велика была порочность духовенства, когда дело идет о плотских грехах итальянских пастырей данных веков. Одной из причин такой неопределенности служит неопределенность в показаниях источников, о чем мы уже имели случай заметить выше. В самом деле, если в источнике мы встречаем известие, что такой-то или такой-то епископ отставлен за нецеломудрие, или если в них же говорится, что священники, положим, Чезенаской епархии, тратили церковные доходы на женщин, то мы еще не можем с решительностью утверждать, о чем здесь речь: о правильном браке, не одобряемом, однако же, Латинской церковью, или о внебрачных отношениях. – Но и при всей неопределенности показаний источников остается несомненным историческим фактом, что неженатые священнослужители не особенно заботились о сохранении целомудрия. Это отчасти зависело от среды, в которой вращались итальянские пастыри. Миряне в Италии тех времен держались очень снисходительных взглядов относительно того,

что позволительно или непозволительно во взаимных отношениях двух полов. Например, в IX в. очень многие, особенно между крестьянами, женили своих малолетних сыновей на взрослых девицах, причем, однако же, фактическими правами брака пользовался не малолетний сын, а его отец, т. е. было развито так называемое снохачество. В X в., как известно, весьма двусмысленной славой пользовались в Риме разные Феодоры и Марозии, женщины, принадлежавшие к аристократическим фамилиям, но в действительности бывшие камелиями. Эти Феодоры и Марозии делались любовницами многих сильных по своему государственному значению личностей и тем не менее оставались очень влиятельными особами в Риме и других округах, причем в зависимости от них находился и папский престол. Современник названных особ, король Гугон, стоявший в близких связях с ними, ни мало не стесняясь, позволяет себе такой поступок: он лишает чести невесту собственного сына. Вообще он был окружен целым гаремом женщин. Сплошь и рядом миряне XI в., имея жен, не отказывались содержать еще и конкубин. Кровосмесительные браки встречались очень часто.

При таких условиях нельзя находить ничего удивительного в том, что немало священнослужителей не особенно заботились о сохранении целомудрия. Петр Дамиани, например, говорит о епископах – Дионисии Пьяченцском и Григории Верчельском (оба XI в.), что они умели лучше судить о женской красоте, чем показывать внимательность к папским выборам. Ратер говорит о подведомых ему клириках, что они обретались в самых близких отношениях с горничными. Самое поведение пап не возвышалось над общим уровнем нравственности. Папы Сергий III и Иоанн XI (оба X в.) были прелюбодеи: папа Иоанн был сыном Сергия III и Марозии и сам состоял в любовных связях с так называемой Феодорой-младшей. Папа Иоанн XII (X в.) обесчестил вдову собственного рыцаря Райнера, следом – Стефанию, любовницу его отца, вдову Анну и ее племянницу; вообще на него падают обвинения в кровосмесительстве, прелюбодеянии и изнасиловании. О епископе Фризольском Регимбальде известно, что он был окружен целой толпой

женщин. Епископ Марзиканский Альберих, хотя и довольствовался лишь одной конкубиной, но зато он позволил себе следующий удивительный поступок: когда к его городу, где он проживал, приближался король Оттон III, от которого Альберих мог ожидать себе наказания, то названный епископ посвятил свою конкубину в монахини, но это не помешало ему снова потом вступить с ней в связь. Во Флоренции более видные духовные особы разгульно жили с певицами, тратя на них церковные имущества капитула. Случалось, что один священник был любовником дочери другого священника. В епархии Аттона Верчельского камелии, хотя сначала и приходили к священникам шутки ради, но потом они уже открыто стали жить с теми из священников, которые были побогаче, и занимались у них ведением хозяйства. Один священник, по имени Аспул, ночным временем похищает монахиню Гумпергу из одного луккского монастыря, сажает ее на коня и увозит. В X в. в Капуе одного молодого священника застали на одной постели с сестрой диакониссы. Подобное встречалось и в XI в. Не лучше было и в монашеском сословии. Аббат монастыря св. Проспера (zu Reggio) жил с конкубиной. Аббат Губерт (X в.) постоянно жил в монастыре, окруженный падшими женщинами и собаками. Даже в самых строгих монастырях, вроде Сильвестрова монастыря в Урбино, встречались монахи, находившиеся в половом сношении с женщинами. И это не были какие-нибудь временные преткновения. В этом удостоверяет нас, с одной стороны, клятва, произнесенная уже престарелым епископом Фицокльским (XI в.) перед архиепископом Равеннским, которой указанный епископ подтверждал, что он впредь не будет прикасаться ни к одной из женщин, с другой стороны – документы, излагающие клятвенные обещания священника Андреаса перед епископом Моденским Варином. Дамиани, обличая безнравственную жизнь известной части современного ему духовенства, говорил, что всем известны места любовных свиданий, имена конкубин, тещи и тестя и все родство такого рода священников. Слова Дамиани нам уже не будут казаться преувеличением, если мы узнаем, что священники и епископы,

по современным сказаниям, вступали в прелюбодейную связь с женами пасомых и обещивали чужих невест, если, например, встречался даже такой случай: во времена папы Александра II падуанский священник Альбицо находился в кровосмесительной связи со своей матерью. Самые церкви становились убежищем, где священниками совершались постыдные грехи. Бонитон говорит о нечестивых объятиях, имевших место в самых капеллах.

И все это еще не самая крайняя степень распущенности духовенства. Это сословие в X и XI вв. прославилось к тому же противоестественными пороками. Дамиани издал сочинение под заглавием «Книга Гоморрская», в котором автор с полной ясностью рассказал о тайных плотских грехах духовенства, удовлетворении их страстей противоестественным способом; обличитель требовал, чтобы все духовные лица, виновные в подобных грехах, были удалены от должностей, причем он замечал, что духовники, у которых исповедуются священники, охотно снимают с этих последних столь тяжкий грех, и таким образом преступники избегают канонических наказаний.

Папа Лев IX читал сочинение Дамиани, и в знак согласия с этой книгой издал буллу, которой, с одной стороны, одобрял автора в его намерениях, с другой – подтверждал истинность показаний, здесь заключающихся. Но это не единственное свидетельство относительно распространенности гоморрских грехов среди духовенства. Лица духовные, подчиненные епископу Ратеру, были того мнения, что всякий из числа их собратий, если не сожительствовал с женщиной, то предавался противоестественному греху; а сам Ратер глубоко скорбел о том, что сословие назореев дошло до такого развращения, что каждый из них повинен или в том, или в другом из тягчайших пороков. Из отдельных лиц, как человек, погрязавший в гоморрском грехе, может быть, например, назван Ульрих, епископ Падуанский (XI в.), который всецело отдавался любви к мальчикам. О многих миланских священниках известно, что хотя по внешности они являлись последователями целомудрия, но зато втайне они предавались рассматриваемому греху. Есть основание думать, что в те времена на указанный порок

духовенства смотрели снисходительнее, чем как следовало бы. Так, Ратер величину плотских грехов духовенства определяет степенью общественного соблазна, отсюда происходящего, и суд над тайными грехами духовенства предоставляет единственно Богу. Сам Дамиани говорит, что если священник тайными путями удовлетворяет своим страстям, то это еще дело терпимое. О других формах разврата современники говорили более чем снисходительно. Так, тот же Дамиани сильно скорбел о том, что Кадал (Cadalus?) был избран в папы, но его, Дамиани, возмущало лишь то, что плотские грехи нового папы известны не в одной Парме, а решительно везде. После сказанного открывается возможность утверждать, что «Книга Гоморрская» ведет речь не об отдельных случайных явлениях, но вскрывает застарелый и широкораспространенный порок. Но делая такой вывод, нужно в то же время помнить, что большинство священников и клириков жило в законном браке, и что, следовательно, разгульную и распутную жизнь вела меньшая часть духовенства, причем таких порочных в одном месте могло быть больше, а в другом не так много.

Скажем несколько слов о тех следствиях, которые вытекали из вышеуказанных фактов, что часть духовенства жила в законном браке, а часть – довольствовалась незаконными связями с женщинами. Одним из следствий разбираемого явления был nepотизм. Во многих местах сделалось почти обыкновением, что священники, умирая, передавали свои должности родным сыновьям, так что целая генерация клириков держалась одного и того же места. Так было в Вероне, Аретцо, Физоле. В последнем из названных городов одна церковь постоянно находилась в ведении семейства епископа Регимбальда. Замечательно своей наивностью распоряжение указанного епископа относительно этой церкви: Регимбальд передает ее своему племяннику Тегриму и его потомству, если эти потомки будут принимать священство; причем завещатель прибавляет: так должно быть до скончания века, а если же род его прекратится, то Регимбальд готов приписать это собственным своим грехам. Кроме nepотизма, разбираемые факты вводили Церковь в большие материальные убытки. Хотя

изредка, но случалось, что пасомые, принадлежавшие к известному приходу, недовольные тем, что их священник ведет женатую жизнь, переставали платить Церкви десятину и другие сборы. Церковь, конечно, в таких случаях оскудевала доходами. Но главным образом материальный ущерб Церкви происходил от того, что священники, живущие семейной жизнью (законной или незаконной), без всякого стеснения тратили церковные деньги на свои личные многочисленные потребности. В Лукке, в Чезене каноники однажды потратили все состояние, принадлежащее капитулу, на горничных. Конкубины и жены не довольствовались тем, чтобы их прилично содержали: они желали, чтобы их роскошно одевали и осыпали подарками. Для всего этого деньги заимствовались от Церкви. Один писатель-современник выражался так: «Если любовницы разодеты, то значит Церкви обкрадены, а бедные остались ни с чем». Папа Иоанн XII раздаривал своей любовнице, вдове рыцаря Райнера, многочисленные города, а также золотые кресты и чаши из храма св. ап. Петра. Монахи Фарфасского монастыря из золотых и серебряных окладов и церковных одежд делали украшения для своих возлюбленных. Кроме того, нередко нужно было удовлетворить законную или незаконную тещу, тестя и родню. А содержание детей чего стоило! И на все это тратилась церковная казна. Случалось и то, что какое-либо духовное лицо захватывало в свое владение часть церковных имуществ, а потом передавало их сыну, на правах наследства, хотя бы он был мирянином. Выдача дочерей замуж тоже требовала денег, которые заимствовались из церковных сумм. Основательно говаривал епископ Аттон: «Чтобы удовлетворить всем семейным потребностям, духовные лица должны быть корыстолюбивы, способны к ростовщичеству и воровству, завистливы и склонны к обману».

Ввиду многочисленных печальных последствий, происходивших от сожития итальянских священников с женщинами, Церковь вступала в борьбу со злоупотреблениями. Так, в апреле 967 г., в Равенне в присутствии императора и папы Иоанна XIII происходил собор, на котором были составлены определения против семейной жизни духовных лиц

на Западе. Определения этого собора были приняты, по императорскому распоряжению, в кодекс общегосударственных законов. Но борьба не скоро увенчалась успехом. Дела пошли иначе, когда папский престол стали занимать лица, принадлежавшие к так называемой «партии реформы». Таким прежде всего был папа Лев IX (в XI в.). При нем составилось несколько соборов против сожития пастырей с женщинами, причем непослушные священники были лишаемы своих мест; в Риме преследование коснулось и самих конкубин: они насильственно были помещены в Латеране – с обязательством исполнять обязанности служанок. При папе Александре II победа явно стала клониться на сторону реформы. Григорий VII и Урбан II dokonчили дело, энергично начатое их предшественниками.

IV. Бытовая сторона духовенства

Не менее других проявлений и бытовая сторона отпечатлевает на себе дух известного времени. Из вышеизложенного мы узнали, что епископы заражены были симонией, что они же и прочие члены клира сожительствовали с женщинами; но это знание состояния духовенства будет неполно, если мы не постараемся собрать сведения о том, как одевались и чем питались духовные лица, какое у них было жилище, как они держали себя, какие у них были наклонности и занятия. Итак, познакомимся с так называемой бытовой стороной итальянского пастырства.

Высшее духовенство в Италии в X и XI вв. представляло собой богатых, знатных и гордых особ, и почти не хотело считать себя слугами духовным нуждам народа. Об этом свидетельствует вообще весь их образ жизни. Если бы у членов высшего духовенства не имелось тонзуры и бритой бороды – обычные признаки духовного сословия на Западе, – то и нельзя было бы признать их за священников; некоторые из рассматриваемых нами лиц желали отделаться и от одежды, усвоенной духовенством, и без церемонии носили одежду мирскую. Последнее явление было, впрочем, исключением. Появилось что-то вроде соперничества между духовными лицами из-за одеяния, причем один хотел превзойти другого роскошью и великолепием. Нижняя одежда делалась из тонкого сукна и облагалась полосами из такой материи, которая считалась лучшей между всеми наилучшими. Если поверх ее надевалась другая одежда, то она делалась из тончайшей ткани или с таким широким разрезом спереди, что и при ней (верхней одежде) можно было видеть и восхищаться мастерством портного, сшившего нижнюю одежду. Нижняя одежда достигала до пят, она застегивалась не иначе, как золотыми пуговицами, обшивка и петли сделаны были тоже из золота, вместо обыкновенной священнической шляпы знатные духовные особы носили венгерские шапки, подбитые мехом; для защиты от солнечных лучей употребляли соломенные шляпы, сделанные

по саксонскому образцу. Все иностранное было в большой моде среди духовенства. Из числа мехов пользовались особенным спросом более дорогие и редкие – горноста́й, куница, лисица. Архиерейская митра изготовлялась из золота и испещрялась драгоценными камнями, кольца (которые архиереи носили в знак воображаемого обручения с Церковью) искрились чрезвычайно крупными жемчугами, архиерейские жезлы, благодаря изобилию дорогих украшений, очень походили на царские скипетры. Башмаки носились с узкими носами, чтобы нога в них не могла поскользнуться. И подобно тому как светские дамы того времени капали себе на зубы благовонными эссенциями (разумеется, для того, чтобы приятно пахло изо рта), то так же пользовались парфюмерией и духовные особы. Таков был внешний облик более знатного духовного лица X и XI вв. Единогласные свидетельства более достоверных современников не оставляют сомнения в том, что картина эта соответствует действительности. Еще в IX в. папа Евгений II вооружался против ненужной роскоши, допускавшей в платье священнослужителей; а Урбан II (в XI в.) определенно запрещал клирикам пользоваться роскошными одеждами. Даже монахи изучаемой эпохи не оставались равнодушны к прелести роскошного платья. Одежде соответствовало жилище высшего духовенства. Строили горделивые замки и дворцы и разукрашивали их решительно всем, чем возможно. Стены и двери украшались дорогими «панно»; столы, стулья, лавки, подножные скамейки были обиты великолепными коврами. Кровать отличалась такой пышностью, которая превосходила алтари самых великих святых и даже апостолов: она (кровать) была расцвечена золотом, подушки делались из тончайшей материи, везде был дорогой шелк. В целом постель блистала таким разнообразием красок, что сама королевская пурпуровая краска должна была казаться скромной по своей монотонности, в сравнении с изящной пестротой епископского ложа. Великолепны были и столовые принадлежности. Бокалы, чаши, кубки изготовлялись из драгоценных металлов, прекрасного рисунка, замечательно большого объема. Толпа слуг окружала знатную духовную особу. «Одни из них, – по замечанию

Дамиани, – почтительно стояли на глазах у своего властелина, пристально смотрели на него, точно сами они были телескопами, выражая ежеминутную готовность исполнить его веления; другие из них постоянно чирикали вокруг него, точно ласточки». За столом слышались веселые разговоры. Здесь речь велась не о святых, не о религии и не о Боге, но о мирских предметах; и пили вино за здоровье друг друга. Говорят, что папа Иоанн XII за одним обедом так разошелся, что в виде шутки провозгласил тост за здоровье дьявола. Когда они выходили из дому, то шли, изображая из себя каких-то франтов и едва-едва касаясь земли. При этом случае, по выражению Бонитона, «они больше смахивали на женихов, чем походили на священников Божиих». Другие, отправляясь из дому, ехали в карете или же садились на верховую лошадь, убранную золотой сбруей и серебряными насечками. Украшение лошади было настолько тяжеловесно, что оно было под силу только могучему коню. Таких, т. е. отличных, лошадей люди, принадлежавшие к высшему духовенству, имели помногу, потому что ездить на одном и том же коне считалось не соответствующим достоинству указанных лиц. Многие аббаты были так преданы лошадиному спорту, что чуть не жили в конюшнях. Бон, аббат Свято-Михайловского монастыря в Пизе, считался человеком скупым и ограниченным только потому, что он употреблял для езды одну и ту же лошадь, как это делали более бедные аббаты и даже простые монахи. Многие из лиц высшего духовного сословия любили окружать себя военными атрибутами, их свита состояла из военных вооруженных людей, при появлении их раздавались воинственные клики. Что же касается тех из духовных сановников, которые не изменяли своему пастырскому характеру, таковые довольствовались изысканными знаками почести, им воздаваемыми: за столом они всегда занимали первое место, если они отправлялись в церковь, то здесь все относились к ним с особенным почтением, и т. д.

В таких-то чертах рисуется бытовая сторона высшего духовенства. Что же касается низшего духовенства, то оно хотя и тянулось за высшим, т. е. брало кое в чем с него пример, но

это подражание было не чем другим, как неловкой пародией. Высшее духовенство вело себя очень развязно. Например, у самого архиепископа Равеннского вассалы Карла Великого Гельменгод и Гунфрид однажды за завтраком наслушались таких непристойностей, что тогдашний папа постыдился даже повторить их в письме к Карлу. Низшие клирики и в этом случае брали пример со своих духовных начальников и обращались в настоящих шутов: они употребляли нецензурные выражения за столом, затягивали песни, позволяли себе мужицкие ругательства, перебранки и даже насилия – и при том, где же? – в самих святых храмах.

Судя по тому, что нами сказано о бытовой стороне жизни духовенства, нетрудно догадаться, какими склонностями отличались и какие удовольствия предпочитали духовные лица того времени. Выше всего ставилось удовольствие в сладость покусать. С давних времен слышится одно и то же обвинение на западных епископов, а именно то, что у них были царские пиршества. В X и XI вв. итальянские епископы тоже оставались крайними любителями изысканного стола. Пиршества, задаваемые высшим духовенством, были грандиозны по размерам и чрезвычайно богаты по издержкам. Каждый заботился о том, чтобы за его столом появлялись самые дорогие и самые редкие блюда. Рыба, отличавшаяся тонким вкусом, играла одно из видных мест в меню епископского стола. Вино подавалось в смешении с медом, любимыми блюдами были те, которые оказывались приправленными разными пряностями, а эти пряности выписывались непременно из чужих стран. Подобные пиршества совершались очень часто и отличались роскошью и изобилием. В завоеванном Хиузасском монастыре епископ Туринский Куниберт со свитой однажды пропировал целую ночь; другой епископ в начале Великого поста устроил великолепное пиршество, которое ничем не отличалось от свадебного пира. На подобные пиршества чаще всего тратились пастырями деньги, приносимые благочестивыми верующими на потребности Церкви. Наклонность к хорошему столу иногда переходила в отвратительное обжорство. О Туринском епископе Вительме (XI

в.) рассказывается, что он имел обыкновение кушать четыре раза ночью и столько же раз днем, так что, по выражению повествователя, он в течение суток съедал столько, сколько хватило бы на трех медведей. Многоедение, конечно, требовало значительного употребления напитков. Сами монахини в те времена не отказывались от спиртных напитков. В это время появилась одна сатира, направленная против папы Урбана II. В ней изображено было, как Урбан старался вином затушить огонь, раздиравший его внутренности вследствие переполнения желудка соленой рыбой и тому подобными яствами; по словам сатиры, будто бы четыре кардинала держали перед папой огромную чашу, которую он опустошал, выпивая из нее за спасение всего мира, за искупление душ, за выздоровление больных и т. д. Подобного рода сатирические описания можно было встречать и по отношению к кардиналам. Духовные лица тогда безо всякого стеснения заходили в питейные дома и здесь бражничали, к великому соблазну верующих. Они же позволяли себе во время брачных обедов и других пиршеств прибегать к таким остротам, смысл которых был далеко не приличен; мало того, они посещали публичные зрелища. Празднование христианских праздников сопровождалось у них музыкой, песнями и плясками. О таких духовных лицах Ратер иронически говорил: «Они любят больше актеров, чем священников; больше весельчаков, чем клириков; больше пьяниц, чем философов; больше комедиантов, чем монахов». Многие из особ духовного звания со страстью отдавались разным играм, доставлявшим развлечение. Они любили забавляться игрой в кубари, кости и пр. Счастливые или несчастливые кости очень сильно интересовали их. А папа Иоанн XII во время игры в кости призывал себе на помощь Юпитера и Венеру. Рассматриваемые лица также очень любили шахматы и шашки. Некоторые из них почему-то были уверены, что эти – как называли их – «королевские игры» представляют собой вполне позволительное дело. В литературе того времени встречаем следующий анекдот, свидетельствующий о страсти некоторых священников к игре в шахматы. Один епископ стал укорять какого-то священника за игру в шахматы, угрожая

последнему жестоким наказанием; священник же, притворяясь невинным, начал лицемерно выражать ужас, слыша это обвинение, причем у него как бы случайно вырвались первые слова первого псалма. Епископ, что само собой вышло, продолжил чтение того же псалма. Но когда этот последний в чтении дошел до слов «в законе Его поучится день и ночь», священник, ни с того, ни с сего провозгласил: «Верно, святой владыко, а остаток пусть будет уходить на игру в шахматы». Одним из давних и сильных увлечений западного духовенства была охота; и весьма нередко можно было встретить епископа на рослом коне, окруженного собаками и мчащегося по лесам и полям, среди криков свиты – за какой-нибудь убегающей из глаз добычей...

В виде реакции к тем бытовым особенностям, которые мы сейчас описали, к концу изучаемого периода появились некоторые духовные лица, которые нищету и грязь считали своим идеалом. Возникло своего рода кокетство лишениями. Подобного рода священники и монахи носили нищенскую одежду, повязывали голову каким-то платками, глаза имели потупленными, на ногах у них были чудовищные сапоги. Этим протестантам в духовенстве очень нравилось, что они были предметом городских толков, что на них указывали пальцами, как на диких зверей. Но общество, а в особенности духовенство, презрительно относилось к таким ханжам и святошам. Бонитон говаривал: «Грязное одеяние ведет к суетной славе». А папа Урбан II определенно запретил духовным лицам появляться в публичных местах в разодранном платье.

Из церковной истории известно, что и духовенство Греческой церкви X и XI вв. не сияло добродетелями и нравственными достоинствами. Если бы кто взялся описать нравственное и умственное состояние этого духовенства за указанный период, то картина получилась бы малопривлекательная. Но все же греческое духовенство X и XI вв., как и других веков до XVI столетия, никогда не доходило до тех безобразий и крайностей, которые характеризуют латинское духовенство за эпоху, нами излагаемую. Греческий дух, а

главное, более чистое понимание христианства, далеко держали пастырей Греческой церкви от той нравственной беспорядочности и умственной тьмы, среди которых жило современное итальянское, а пожалуй, и все западное духовенство.

Ватиканский папский «Вселенский» собор 1870 г.⁸⁹

Булла, созывавшая собор. Заявление журнала «Civiltà cattolica». Приглашение на собор Церквей восточных и протестантских. Равнодушие светских правительств к собору. Отношение к созыванию собора ультрамонтан и либеральных католиков. Приготовление к собору со стороны Римской курии. – Открытие собора: зал для заседаний, – церемония открытия в этом зале и вне его. Духовно-светский концерт в честь открытия. Стеснение свободы соборных совещаний папой. Первые каноны о вере. Вопрос о папской непогрешимости: двоякая оппозиция в отношении к догмату, дальнейшие стеснения свободы рассуждений на соборе, бурные речи либеральных католиков на соборе, число голосов «pro» и «contra» догмата, формулирование догмата. Печальное торжество провозглашения папской непогрешимости и закрытие собора.

Ватиканский папский собор 1870 г. есть ближайшая причина столь замечательного современного движения в католичестве, известного с именем старокатолического движения. Хотя указанный собор состоялся в 1870 г., приготовления к нему делались, однако же, замного ранее. Булла, возвещавшая созывание собора, появилась 29 июня 1868 г.; это был год 1800-летнего юбилея мученической памяти апостола Петра. Содержание буллы было довольно обще. Вот оно: «Вселенский собор, – говорилось в ней, – должен с полной заботливостью исследовать и решить, что благопотребно в эти смутные времена для славы Бога, для целости веры, для торжества богослужения, для вечного спасения человека, для дисциплины монастырского и немонастырского духовенства, для христианского воспитания юношества, для общего мира и единения всех». Эта общая программа собора впоследствии была разъяснена точнее; определено, что именно должно было быть в особенности главным предметом соборных деяний. Папский официальный журнал «Civiltà cattolica» в феврале 1869

г., как главные предметы собора, называет: вопрос о папской непогрешимости и объявление силлабуса. Весьма замечательно, что названный журнал заметил, что есть основание надеяться, что вопрос о папской непогрешимости окончится без споров и принят будет с одушевлением и восторгом; журнал при этом замечал, что и все вообще лучшие соборы были кратковременны. Значит, по замечанию Пресансэ, папская курия наперед так устроила дело, что собор должен был непременно сделать то, что желательно было папской власти. Как акт приготовления к собору, является приглашение на него от лица папы Церквей восточных и протестантских. Папское послание в таком роде отправлено было к патриархам Антиохийскому, Иерусалимскому и Константинопольскому, но приглашение не имело успеха, потому что папа требовал, чтобы эти патриархи сами лично явились в Рим для заседаний и подчинились папе. Российская церковь также не захотела принять участия в папском соборе. Не менее решительно и протестантские Церкви отклонили от себя честь заседания в Ватикане: папское послание, приглашавшее протестантов на собор, было написано в таком духе, в каком грешники призываются к покаянию.

Светские власти тех государств, где есть больше или меньше католиков, хотя в политическом отношении и были заинтересованы исходом собора, однако же, остались весьма равнодушны к его заседаниям. Только Англия, Пруссия и Американские Соединенные Штаты с самого начала собора прислали сюда своих представителей. Пруссия не сочла излишним подарить при этом случае папе великолепный ковер для залы, где должны были происходить соборные заседания. Что касается американцев, то, по замечанию Пресансэ, они присланы были на собор для простого развлечения и отдохновения здесь, чем во имя каких-нибудь серьезных потребностей. Иначе отнеслись к собору Австрия, Испания, Италия, Франция и Россия; несмотря на то, что во всех этих государствах, за исключением России, большинство народонаселения принадлежит католицизму, они однако не

имели представителей на соборе, по крайней мере, при его открытии.

Если светские власти остались равнодушными к собору, то тем одушевленнее было отношение к этому факту католических обществ в различных странах мира. Католики весьма заметно делятся на две партии: на ультрамонтан, жарких приверженцев папства, и на католиков либеральных, критических друзей папства. Та и другая партии, тотчас по объявлении собора, не замедлили высказать себя, как они относятся к делу. Католики восточные и католики южных стран Америки приняли объявление собора с восторгом. Католическая Церковь Великобритании была решительно на стороне папских желаний. Во главе ультрамонтан этой страны был архиепископ Маининский; он один из первых выступил с решительным голосом в пользу папской непогрешимости. Бельгия также в большинстве своих католиков стала на стороне папства. Неменьшую ревность высказала в данном случае и Франция. Ультрамонтанский журнал «Универс» с пафосом восклицал: «О Св. Дева! Папа объявил твое безгрешное зачатие, сделай и Ты, чтобы папа сделался безгрешным». Это значит, замечает Пресансэ: услуга за услугу. – Либеральные католики, со своей стороны, не остались безмолвными зрителями происходившего. Они также выступили с заявлением своих желаний во всех странах, не исключая Англии и Бельгии. Но смелее всего выступил либеральный католицизм в Германии. Эта истинная страна науки не могла спокойно сносить папских затей. В июле 1869 г. на столбцах «Кельнской газеты» («Kölnischezeitung») появляется так называемый манифест немецких католиков. Этот документ заявлял, что наступило время отказаться от всего, что бы могло напоминать средневековую теократию, что Церковь должна стать в нормальное положение к культуре и науке, не громя их проклятиями, должно быть дано мирянам участие в церковных делах, не исключая и самого собора, и пр. Затем «Аугсбургская всеобщая газета» («Augsb. Allgemein. zeitung») помещает ряд писем, направленных против папства, которые были изданы потом отдельно с названием «Папа и собор». Сочинение это есть страшный обвинительный акт, когда-

либо появлявшийся против папской курии; оно излагает историю папства и дает решительное доказательство папской узурпации и обманов. В то же время появляется сочинение известного вождя старокатоличества, Деллингера, знаменитого историка и богослова. Оно носило такое заглавие: «Соображения для епископов собора по вопросу о папской непогрешимости». В этом сочинении дышит дух христианской свободы, попираемый папством. Кроме этих сочинений появились и другие в том же роде. В особенности достойно упоминания сделанное в Фульде двадцатью немецкими епископами заявление. Это заявление гласило: «Вселенский собор не может формулировать новых догматов, если они не содержатся в Св. Писании и апостольском Предании. Вселенский собор не должен составлять таких правил, которые бы вооружались на науку; собор не может отнимать свободу у совещающихся членов». И другие страны, населенные католиками, не молчали, так, в особенности, Венгрия свободно высказывалась по поводу собора.

Рим, со своей стороны, не остался бездейственным перед открытием собора. Сам папа живо принимал к сердцу интересы собора. Пресансэ так характеризует папу в его отношении к собору: «Добрый до слабости, когда дело не касается веры, он, однако же, по религиозным мотивам может делаться непримиримым. В такое время, как наше, католическая Церковь не могла иметь более опасного папу. Ревностный и строгий монах, он, однако же, далеко не богослов и историю Церкви знает поверхностно. Он прямо идет к цели, когда она поставлена, не удерживаясь ничем. Этим объясняется его постоянное и страстное вмешательство во время приготовлений и течения собора». Более замечательные распоряжения папы в видах приготовления к собору состояли в следующем. Вскоре по объявлении буллы, возвещавшей созвание собора, папа отправил ко всем епископам послание, в котором он сообщал свои взгляды на вопросы, имеющие быть рассмотренными на соборе. Этот циркуляр по своему содержанию можно назвать жалким. Он касается: средств прекращения гражданских браков и светских школ (?), опасности принятия еретической прислуги в

дома благочестивых католиков, осквернения кладбищ, когда они назначаются не для одних католиков. И подобная вещь адресована к епископам всего мира! Главной заботой папы перед открытием собора было организацию надлежащих декретов от имени папы к собору. Эти конгрегации разделили между собой работу таким образом, что они должны были наперед составить формулы относительно всех пунктов веры, морали и церковной дисциплины. В составе их находились римские прелаты и богословы из различных стран; председательствовали на них кардиналы. Папа надеялся, что благодаря этим конгрегациям сократится продолжительность самого собора в том смысле, что собору останется только утвердить все, что будет предложено конгрегациями.

Торжественное открытие собора последовало в 1869 г., 8 декабря. День этот был выбран неслучайно. Это был день, в который за несколько лет перед тем был провозглашен папой догмат безгрешного зачатия Пресв. Девы (чтобы глубже понять смысл открытия собора именно в этот день, нужно припомнить вышеприведенное нами восклицание французского журнала «Универс»). Собор собрался в Ватиканском дворце, в базилике св. Петра. Более 700 епископов собрались на собор из всех стран мира. Американские Соединенные Штаты, Южная Америка, Азия, Китай, Япония, так же как и все государства Европы, имели на соборе своих представителей. Епископы пользовались в Риме истинно блестящим гостеприимством, хотя и не даром, так как каждый из них вложил в папскую казну дары своих Церквей. – С раннего утра бесчисленная толпа наполнила великолепную базилику Петра, настолько многочисленная, что, может быть, еще никогда подобного множества не заключало в себе ни одно здание на свете. К сожалению, лишь только слабый, тусклый свет падал из купола на это собрание. Часть базилики была назначена для соборных заседаний отцов. Места для отцов расположены были, постепенно возвышаясь. На полукруге абсиса устроено было возвышенное место с шестью ступенями, на верху которого возвышался папский трон. В центре этого отделения был устроен алтарь для торжественной мессы. Замечательную

особенность залы составляло то, что бронзовая статуя ап. Петра – предмет чествования католиков – на этот раз была драпирована мантией, и ее голова была украшена короной. В зале заседаний находилась картина, изображающая Иерусалимский апостольский собор, председательское место на котором, по фантазии живописца и, конечно, по желанию папской курии, приписано было Пресв. Деве, вопреки молчанию об этом Св. Писания. Кафедры для ораторов устроены были очень невысокие; это, по замечанию Пресансэ, потому, что такие кафедры были бесполезной мебелью на соборе, где всячески старались стеснить свободу слова.

С 8,5 часов началась церемония открытия собора. Около 9 часов открыли ворота базилики для процессии, которой и началась церемония. Во время процессии была пета песнь, по древнему напеву, «Veni Creator». Капитулы базилик и церквей Рима открывали шествие. За ними следовали представители всех религиозных орденов. Потом шествовали 700 епископов и архиепископов в белом одеянии. Кардиналы заключали шествие и непосредственно предшествовали святейшему отцу, который до порога базилики был несен на *sedia gestatoria*. Перед входом папа сошел с своего седалища. Окруженный прелатами, вошедшими в базилику, он поклонился гробу св. Петра. Он произнес молитву, и его дрожащий голос был слышан по всей зале. Затем он поднялся на папский трон и сел. Его примеру последовали и отцы собора. Началась месса. Во время ее совершения все епископы по порядку подходили к папе и повергались перед ним в знак своего подчинения. По совершении мессы, всему собору и всем присутствующим папа преподал троекратное благословение и даровал полное отпущение грехов. Затем была прочитана булла, созывающая собор, произнесена проповедь, петы дневные псалмы. После чего папа произнес молитву, в которой он призывал Божию помощь и Божию благодать на действия собора, на которую отцы отвечали: «Аминь». Затем следовала церемония возложения Евангелия на возвышенный и великолепный аналой в форме трона. Из только что возложенного таким образом Евангелия прочитана была данная глава, после чего следовала

лития в честь святых. Каждая строфа пелась сначала хористами Сикстинской капеллы, потом отцами собора и, наконец, всей массой присутствующих. Потом следовала речь папы, и вся церемония заканчивалась следующими словами папы к собору: «Угодно ли вам в честь всесвятейшей, нераздельной Троицы – Отца, и Сына, и Св. Духа, – для возрастания и возвышения веры и христианской религии, для искоренения ересей, для реформирования духовенства и христианского народа, для умирения и уничтожения врагов христианского имени – решить и объявить Вселенский Ватиканский собор начинающимся и начатым?» Отцы отвечали: «Placet». То же «placet» было ответом со стороны собора и на другой предложенный папой вопрос: угодно ли сделать отцам другое заседание в какой-либо из следующих дней. Затем еще раз раздалось пение «Veni Creator», за которым следовало «Te Deum», исполненное всей массой собрания.

Вскоре по открытии собора, 14 декабря 1869 г., папа, к удовольствию собравшихся отцев, в честь собора дал великолепный духовно-светский концерт. Это было в церкви Св. Апостолов, в присутствии большого числа епископов и кардиналов. Песни прославляли то папу, то Пресв. Деву. Первая часть оратории, в которой верующий католический народ представлялся молящимся Богу о даровании Церкви главы после смерти предыдущего папы, положена была на мотивы из оперы Беллини «Пуритане». Затем следовала радостная песнь римского народа по случаю избрания Пия IX; вокальные мотивы для этой песни были заимствованы из опер «Роберт-дьявол» и «Сафо». Торжественная песнь в честь безгрешного зачатия Пресв. Девы была заимствована из оперы Верди «Навуходоносор». На манер арии из того же «Навуходоносора» была исполнена песнь в честь силлабуса. Музыка из оперы «Роберт-дьявол» аккомпанировала льстивому гимну, прославлявшему Пия. Оратория заключалась выражением и заглавием послушания папе от лица всего христианства. Россини имел честь предложить для этого музыку из своих опер «Вильгельм Телль» и «Осада Коринфа».

Дорого, впрочем, обошлись соборным отцам эти и подобные удовольствия, доставляемые святейшим отцем своим сановным гостям. С самого же открытия собора со стороны папской курии начались стеснения в отношении к диспутам на заседаниях, вследствие чего собор являлся лишь пустым именем, прикрывавшим собой волю папы. Может быть, не без намерения собор заседал в базилике, которая так дурно устроена в акустическом отношении, что речи ораторов были плохо слышны остальным присутствующим. Притом папа приказал раздать всем епископам программу, определявшую занятия собора. Эта программа возбудила было живой протест, но тщетно. Но этим сюрпризы для отцев собора со стороны папы не окончились. Папа сам непосредственно назначил комиссию для докладов, которая состояла из страстных приверженцев ультрамонтанизма. И, однако же, без ее соизволения, которое было в то же время и соизволением самого папы, нельзя было, внести ни одного предложения на собор. Правда, назначение других пяти комиссий было предоставлено самим членам собора, но это мало помогло делу. Две из них были вовсе неважны: одна должна была исследовать причины отцев, не явившихся на собор, другая же имела судить распри членов собора. Относительно последней комиссии Пресансэ саркастически замечает: подобная комиссия нужна была разве для собора Тридентского, где два епископа в разгаре диспута вцепились друг другу в бороды. Остальные комиссии были комиссиями по делам веры, миссий и церковной дисциплины. Списки членов этих комиссий составлены были наперед, и либеральные католики заботливо были устранены. Да и кроме того, комиссии не имели никакого значения. Они не имели своим назначением свободно обрабатывать вопросы, предлагавшиеся собору: это было делом римских конгрегаций. Декреты или схемы и предлагались собору со стороны этих последних, и только в случае решительного разделения мнений выступали на сцену комиссии. Председательствовали на соборе кардиналы, облеченные на сей раз диктаторской властью, которые со своей стороны делали все, чтобы положить самые тесные границы диспутированию. И другими мерами

ультрамонтантская партия отнимала свободу действия у противной партии. Едва открылся собор, как явилось решение конгрегации индекса против заявлений оппонентов и чтения подобных сочинений. Сильнейшим нападком на свободу собора была булла, прибитая за несколько дней до открытия собора к городским стенам. Эта булла грозила великим отлучением всем, кто осмелится не признавать учения силлабуса и решится противиться хоть самому незначительному папскому бревну. Таким образом, роль собора должна была быть только страдательной: члены должны были делать только то, что прикажет папа.

Первые каноны собора были объявлены 24 апреля 1870 г. Они касались вопросов веры, или, лучше сказать, тех средств, при помощи которых может быть охраняема вера. Первоначальная редакция этих канонов или правил, как они составлены были одной из римских конгрегаций, дышала непримиримой ненавистью к науке и иным вероисповеданиям. Каноны высказывали решительное презрение к человеческому знанию, протестантизм в них назван нечестивой язвой, источником всякого заблуждения. Великая борьба возгорелась на соборе относительно этих вопросов. Епископы Штросмайер и Гайнольд из Венгрии и Кроации вооружились против подобного неуважения к науке и протестантству. Их протесту нужно приписать то, что каноны о вере претерпели некоторые изменения, при которых они высказываются мягче относительно спорных пунктов. Собор хотя и высказывается против протестантизма, но в более кротком тоне. Относительно веры и знания установлены довольно общие нормы, не важные сами по себе; против новейшей философии собор произнес анафему. Весьма замечательно, что в этих канонах Церковь определена как «католическо-апостольско-римская», на что уже Пресансэ замечает, что последним эпитетом уничтожаются первые.

Душу соборных совещаний составлял вопрос о папской непогрешимости. Он был главным предметом собора; потому что как скоро решен он, так с этим решалось уже и все остальное волей папы. Но как ни важен этот предмет соборных заседаний, Пресансэ мало сообщает о нем сведений,

насколько, по крайней мере, дело касается самого собора. – Вопрос о папской непогрешимости встретил немалое противодействие как в некоторых членах собора, так и в некоторых католиках вне собора. Прежде всего, некоторые католические епископы хотя и не спорили против идеи папской непогрешимости, однако же, объявление догмата считали неблагоприятным и опасным. Сюда относится епископ Орлеанский. Он старался выставить на вид, как опасно такое объявление папской власти, как такое объявление может препятствовать соединению с католичеством схизматических Церквей Востока и Запада, как этим можно вооружить против папства светскую власть, которая поймет дело в том смысле, что папа требует подчинения государственной власти его авторитету. В том же роде протестовали против догмата и некоторые немецкие епископы. Но еще замечательнее была полемика против вопроса по его существу. Если одни из здравомыслящих католиков только находили объявление догмата неблагоприятным, то другие восставали против самой идеи папской непогрешимости. К оппонентам против этой идеи принадлежали многие католики. Между ними прежде всего следует упомянуть аббата Марэ (Maret) с его книгой «О Вселенском соборе». В ней он с замечательным знанием истории доказывает, что догмата папской непогрешимости не знали семь Вселенских соборов в древности. Свидетели этому и VI Вселенский Константинопольский собор, осуждавший папу Гонория за монофелитскую ересь, и VII Вселенский Никейский собор, который относительно послания папы Адриана говорит: «Мы одобряем его учение после того, как мы сами с великой заботливостью исследовали оное в Писании. Мы согласны с посланием и утверждаем его». Также и вышеупомянутый нами Деллингер с силой, основанной на глубоком изучении церковной истории, возражал против идеи папской непогрешимости. «Где была папская непогрешимость, – говорил он, – когда Киприан римским определениям по вопросу о крещении еретиков противопоставлял Африканские соборы? Где была она, когда Никейский собор утверждал свои важнейшие вероопределения, не дожидаясь папской санкции, или где была она, когда папа и

его легаты блистали своим отсутствием на II Вселенском соборе? Где была она, когда папа Сириций должен был просить извинения по поводу одного своего решения некоторого спорного догматического вопроса?» Никогда не была так сильна борьба Церкви с ересями, как в первые века христианства; и если бы существовала идея папской непогрешимости в это время, то в ней стали бы искать опоры в борьбе с ересями, однако же, этого и следа нет. Другой немецкий профессор, д-р Михэлис, поборник идей Деллингера, соборное предложение папской непогрешимости называл делом «хитрости, страсти и лжи, обязанным своим происхождением иезуитской партии, восстающей на истинную Церковь», называл ее «несчастьем для религии и человечества». И английский богослов, патер Ньюман писал тогда против догмата о папской непогрешимости: «Благодаря доверенным органам Римской курии, имя Вселенского собора не возбуждает ничего более, кроме страха и ужаса. Доныне Вселенские соборы созывались для того, чтобы отвратить какую-нибудь опасность, а теперешний собор сам готовится величайшую опасность».

Но обратимся к тому, как дело обсуждения вопроса о папской непогрешимости шло на самом соборе. При том неблагоприятном впечатлении, какое произвел этот вопрос в католичестве, папа всеми мерами старался привести его скорее к концу и, конечно, в благоприятном для себя смысле. Папа говорил одному кардиналу: «Я верю в непогрешимость. Как папа, я ничего не могу требовать от собора, пусть Дух Святый просветит его». Но это были одни пустые слова, в сущности папа не бездействовал. Когда некоторые умеренные, но либеральные члены собора требовали свободы дебатов относительно вышесказанного вопроса, папа поспешил отвечать на это своим бревэ, которым вместо того лишь подгонял собор скорее приводить дело к концу. Бревэ говорило: «Его святость, в своей апостольской заботливости, положил издать некоторые правила относительно диспутов на соборе, чтобы таким образом достигнуть ускорения в исследовании, испытании и обсуждении предложенных вопросов». Этого мало. Все знаки папского благорасположения оказывались только приверженцам

папской непогрешимости, между тем как к епископам оппозиции он открыто заявлял свое неудовольствие. Папа не считал излишним прибегать в некоторых случаях и к застрашиванию, как показывает это обстоятельство с одним Вавилонским епископом, которого папа вынудил отказаться от той свободы, какую епископ привык показывать на Востоке. Если можно верить римской хронике, то два других восточных (по месту) епископа, устрасаемые жребием своего собрата, говорили: «Если мы откроем рот, то мы погибли». Папские бревна с щедростью сыпались направо и налево, в похвалу папских приверженцев и в порицание либеральных католиков. Самые папские речи, с которыми он обращался в это время к прелатам и духовенству, были средством действовать в видах известной тенденции. С льстивостью папа однажды говорил прелатам: «Я хочу быть свободен как ветер; я не хочу вмешиваться в дела мира сего: итак, молитесь, нудьте Дух Святой вашими молитвами, да просветит Он отцев».

Как папа ни старался стеснить свободу диспутов, однако же, либеральные члены собора не молчали. Замечательнейшие ораторы оппозиции говорили энергически. Кардинал Шварценберг не боялся указать на память Иоанна Гуса, угрожая схизмой в Венгрии. Аббат Марэ выступил с такой сильной речью на кафедре, что раболепное большинство собора прервало ее, не имея спокойствия духа, чтобы выслушать. Французский епископ Дюпанлу явил себя, по отзыву Пресансэ, Боссюэтом нашего времени. Ревностный противник папы епископ Штросмайер еще раз восходит на амвон, с которого его только что насильственно заставили было сойти. При всем том оппозиционная партия скоро должна была понять, что все речи и диспуты не более, как пустой парад, что большинство наперед решило провозгласить догмат непогрешимости. Оппозиция догмату состояла из 140 епископов, отличавшихся, по отзыву Пресансэ, ученостью, красноречием и умом; притом они были представителями первейших диоцезов католической Церкви. За догмат же было 580 голосов; они принадлежали: 50 кардиналам, 100 апостольским викариям, 50 генералам орденов и аббатам с митрами, более чем 100 епископам так

называемой пропаганды, 270 итальянским епископам, из коих 143 принадлежали к папской области. Понятно, что большинство это состояло, так сказать, из домашних друзей папы и, естественно, действовало как один человек. Последнее общее заседание собора было 13 июля, на нем была читана в последний раз схема догмата о непогрешимости. Вот в каком виде она была изложена: «Пребывая верными Преданию, идущему от начала христианской веры, – для славы Бога Спасителя нашего, для возвышения католической религии и для спасения христианских народов, с согласия святого собора, учим мы и определяем, как открытый от самого Бога догмат, что римский первосвященник, если говорит *ex cathedra*, т. е. если он, неся должность пастыря и учителя всех христиан, сообразно с его апостольским авторитетом, определяет назначенное для хранения всей Церковью учение веры и нравственности, то, при содействии божественной помощи, обещанной ему во св. Петре, он обладает непогрешимостью, через которую, по воле Божественного Искупителя, Его Церковь наставляется в вере и нравственности, и что посему определения римского первосвященника сами по себе не подлежат исправлению (*ex sese irreformabiles*)». К этому определению приложено было проклятие на противящихся догмату.

До 18 июля, когда происходило торжественное обнародование догмата, диспутов более не было. Но каково же было удивление меньшинства, когда формула была самовольно изменена! В первой редакции догмата читалось: «определения римского первосвященника сами по себе не подлежат исправлению», а в объявленной теперь прибавлены были слова: «не подлежат исправлению и с согласия Церкви (*ex consensu ecclesiae*)», – факт, превосходящий всякое вероятие! – Самая церемония объявления догмата, по Пресансэ, лишена была своего достоинства. Но мы предоставим в этом случае говорить самому Пресансэ с его наблюдательностью и изобразительностью слова. «Число отцев очень убыло; их было только 543. Замечательнейшие представители меньшинства уехали. День был дождливый; в такой великий момент нельзя было дожидаться ни единого солнечного луча, который бы осиял

чело непогрешимого. Когда наступило время окончательного собрания голосов, оказались отсутствующими 22 французских епископа, и между ними архиепископ Парижский, 10 венгерских епископов и 9 немецких. Один итальянский епископ имел смелость в самых галереях церкви св. Петра провозгласить “pop placet”. Его примеру последовал еще и другой епископ. Тьма в базилике была так сильна, что потребовалась свеча для папы, чтобы он мог прочитать свою собственную апофеозу. Площадь перед церковью св. Петра была почти пуста. Только несколько монахов кричали: “Evviva”, и только немногие монахини, повергаясь ниц, зывали: “Padre mio”».

Собор закрылся. Но не окончилась оппозиция собору, она продолжается и теперь в форме «старокатоличества». Пресансэ удивляется, почему католическая оппозиция папе, при всей очевидной нелепости догмата, довольно сильная во время собора, ознаменовалась по окончании его таким сравнительно незначительным явлением, как старокатоличество. Что это – равнодушие к вере, или беззаветная преданность папству?...

Сведения и отзывы о современном состоянии христианского Востока¹⁰. (Библиографические заметки)

Ни для кого не секрет, что мы очень мало знаем греческий христианский Восток, т. е. его церковную жизнь. Одной из причин нашего малого знакомства с указанным предметом служит то, что у нас нет никаких посторонних руководителей, которые бы разъясняли нам, на что именно в христианском Востоке нужно обращать особенное внимание, и как судить о том, что подлежит нашему вниманию. Другими словами: мы очень мало знаем Восток потому, что о нем мы не имеем таких прекрасных и содержательных книг, какие существуют относительно католического и протестантского Запада и какие написаны западными христианскими писателями. Сами восточные христиане, т. е. главным образом греки, очень немного сообщают сведений о состоянии христианской Церкви на Востоке, а если они иногда и сообщают такие сведения, то их нелегко собирать – по различным причинам. На Западе же почти совсем не интересуются тем, что творится в среде восточных христиан. Запад давным-давно пришел к тому заключению, что Восточная Греческая церковь есть труп, а труп, как таковой, должен быть предметом интереса больше всего для могильщиков... Ввиду такого положения дела, нам, русским, если мы желаем иметь обстоятельное, основательное и серьезное знакомство с христианским Востоком, не остается ничего делать, как, по возможности, самим приняться за самостоятельное изучение жизни и быта греко-восточных христиан. Теперь уже стало очень ясно, что помощи в этом случае откуда-нибудь со стороны мы, пожалуй, очень долго не дождемся. Подобное самостоятельное изучение указанного предмета может быть плодотворным только тогда, когда изучающие примут на себя нелегкий труд самолично и должным образом ознакомиться с таинственным христианским Востоком. И нужно сказать, что это самоличное изучение рассматриваемого предмета уже началось. Нашлись люди, у

которых появилось желание или была потребность приняться за дело. Таких людей немного, но все же они есть. Своими наблюдениями и сведениями они имели случаи и поводы поделиться с интересующейся вопросом публикой. Стали появляться сочинения и статьи, посвященные христианскому Востоку.

Разумеется, мы не берем на себя сложной задачи обзирать все или даже многие из числа подобных русских произведений. Для выполнения такой задачи потребовалось бы много времени. Мы намерены ограничиться очень немногим, а именно, несколькими такими произведениями, какие появились на свет в самое последнее время – в 1891 и 1892 гг. Это немногое, что будет подлежать нашему вниманию, по нашему мнению, очень интересно, а интересно оно потому, что и самоличное, и следовательно, по-видимому, самонадежное изучение Востока нам почему-то не совсем удается. Наши наблюдатели и очевидцы так разошлись в результатах и отзывах о явлениях, бывших предметом их наблюдения, что можно подумать, что они изучали не одно и то же, а что-то совсем разное. Для наших наблюдателей как будто не существует известного логического закона противоречия, воспрещающего в одно и то же время и утверждать, и отрицать что-либо о каком-либо определенном предмете. По-видимому, мы приписываем нашим наблюдателям что-то совсем невероятное, но мы надеемся, что ниже читатель на фактах уверится, что мы едва ли преувеличиваем, когда говорим то, что говорим сейчас. Что наши наблюдатели слишком далеко расходятся в сообщении своих наблюдений и в своих выводах из наблюдаемого – это их дело; и укорять их за это мы не считаем себя вправе. Но представьте себе положение человека, который желал бы воспользоваться подобными наблюдениями для собственного научения? Почитаем одного автора, выходит как будто то-то и то-то; познакомимся с другим автором – выходит совсем другое! Как тут быть? Конечно, дело было бы очень немудреное, если бы подобные разномыслящие авторы опирались на определенных письменных источниках; в таком случае оставалось бы проверить их показания и мнения на

основании источников и отдать предпочтение тому из авторов, кто ближе стоит к источникам и основательнее их комментирует. Но чем и как станете проверять противоречивые показания таких авторов, которые опираются на свои личные наблюдения, на свой личный опыт, на изучение предметов своими глазами на месте их существования? Разве поехать и собственными глазами убедиться в том, о чем даются столь несогласные показания авторами-очевидцами?

Но от рассуждений перейдем к фактам, т. е. к ознакомлению с такими произведениями, которые в самом деле способны возбуждать те мысли, которые мы только что выразили. Перед нами две серии произведений: одна касается общих вопросов в церковном быте и нравах Греческой церкви, а другая касается одной из видных греческих патриархий в разных отношениях. Приступая к делу, мы однако же считаем своим долгом наперед оговориться, что мы, ознакомляя читателя с фактами, не примем на себя задачи улаживать противоречия и критически разбирать авторов, о которых у нас будет речь. Эту заботу предоставим будущему времени. Для нас важно отметить лишь то явление, что как легко дается нам изучение христианского Запада, благодаря опытным руководителям, так нелегко дается нам изучение Востока без привычного для нас руководства опытных людей.

Глава I

В 1891 г. появилось сочинение профессора Киевской Духовной академии А. А. Дмитриевского под заглавием «Современное богослужение на Православном Востоке» (Вып. I. Киев). Сочинение имеет многие серьезные научные достоинства. Но мы не намерены разбирать его; не намерены мы и излагать его содержание. Мы имеем в виду отметить лишь некоторые страницы в нем, именно те, которые вызвали спор со стороны другого автора. Дмитриевский пишет свою книгу в качестве лица, собственными глазами изучавшего положение современного христианского Востока. Это придает его книге авторитетность. Но и лицо, вступившее в спор с ним, выдает себя за человека, самолично знакомого с Востоком. Два человека изучают Восток в одно и то же время, но, однако же, приходят к различным результатам в таких вопросах, спор о которых является делом неожиданным.

Посмотрим, что именно говорят оба эти автора по некоторым вопросам, в которых они не сходятся между собой и, по-видимому, не желают сойтись, каждый отстаивая свое мнение и свои результаты.

Рассуждая об особенностях греко-восточного богослужения нашего времени, г-н Дмитриевский не молчит о том, что он ставит высоко заботливость предстоятелей Церкви об удовлетворении тех потребностей христиан, которые вытекают из условий практической жизни и исторических обстоятельств. Вообще он богослужебные порядки Греческой церкви считает образцом для других Православных Церквей. Автор, например, пишет: «Богослужебная практика Византийской церкви продолжала идти (по сравнению с Русской) в своем развитии дальше, успела выработать новые богослужебные особенности, некоторые новые чины, целые службы в честь святых, празднуемых и в Русской церкви, и даже создала новый типикон для приходских церквей, отделив эти последние от монастырей, имеющих свои уставы, свои порядки, предоставив этим последним пользоваться своими типиконами, выработанными

условиями самих обителей и историческими причинами, воздействовавшими и на мирную отшельническую жизнь подвижников св. Афонской горы и других мест. Поэтому в настоящее время внимательный наблюдатель, интересующийся состоянием богослужения на Востоке, может видеть одни обычаи и порядки в киновиях, штатных монастырях, скитах и келиях св. горы Афонской, и другие в приходских церквях Константинополя, Афин, Солуня и других городов. Для тех и других обычаев и порядков в области богослужения есть важные и вполне уважительные причины и основания, оправдываемые и уставами, содержащими этими церквами и монастырями, и условиями данного места и времени. Такая разность богослужебной практики на Востоке никого не удивляет, никого не соблазняет, а напротив, всем кажется естественной и вполне понятной, потому что, как выражается нынешний болгарский типикон, “во иных бо обстоятельствах имут совершати молитву сущии в мире и отраде и благосостоянии, во иных сущии в весех и градах, и во иных сущии в пустынях и в путешествиях и в войне, во иных во священных обителях живуции, а во иных иже в отшельничестве и молчальничестве ангельски подвизающиеся”. Лучшие представители строгих афонских обителей, – добавляет автор, – как нам приходилось не раз говорить с ними, оправдывают даже те сокращения и отступления в нынешней богослужебной практике, которые мы нередко видели в Константинополе, и которые не оправдываются ныне действующим церковным уставом» (С. 3–4. Ср.: С. 65–66).

К числу особенностей, отличающих Греческую церковь от нашей, принадлежит, как известно, то, что у греков духовниками считаются не все священники, а только избранные между ними. Автор обозреваемой книги очень сочувственно относится к этому явлению. Он между прочим говорит: «Нигде не требуется от пастыря столь обширных знаний человеческой природы, человеческого сердца, духовной опытности и богословско-канонических познаний, как при совершении таинства покаяния, для которого (совершения) недостаточно иметь право исповедывать кающихся и читать над ними в требнике

положенные при исповеди молитвы. Поэтому-то вот современная Греческая церковь право исповеди усваивает не всем пастырям, а только известным определенным, во всех отношениях опытным и обладающим обширными познаниями, духовным лицам. В Греческой церкви не всякий пастырь духовник, а лишь особо для сего назначенный священник и имеющий у себя грамоту от епископа на право исповеди. Поэтому-то с весьма давних пор в Греческой церкви появлялись попытки создать для духовников особенные руководства, в которых не только определялись бы качества духовника, правила относительно наложения епитимий на кающихся и совершения чина исповеди, но и самый способ исповеди приходящих к нему лиц разного положения в обществе, в духовной и гражданской иерархии и притом разных по возрасту и полу» (С. 82–83).

Эти две стороны восточного богослужения, ярко отмеченные проф. Дмитриевским, встретили себе решительные возражения в лице другого наблюдателя восточной христианской жизни. В чем состоят эти возражения, об этом скажем после. Но самые сильные и пылкие возражения со стороны того же второго наблюдателя встретили сведения и заключения киевского профессора по очень любопытному вопросу – о монашестве всех греческих иерархов. В своей книге «Современное богослужение» г-н Дмитриевский пишет: «Голова патриарха, митрополитов, епископов, архимандритов, священников и даже диаконов (на Востоке) покрыта черной камилавкой, которая... в общем имеет вид камилавки, употребляемой у нас в России католическими священниками. Никто из высших восточных иерархов не носит ни белых, ни черных клобуков, но все употребляют эту камилавку. Очевидно, это делается потому, что восточные иерархи, – заявляет автор, – монашества не принимают и по своему рукоположению остаются в костюме простого священника, от которого они ничем не отличаются во время небогослужбное» (С. 145). Так как это положение автора встретило себе возражения (о них ниже), то г-н Дмитриевский тотчас же дал дальнейшие, более подробные объяснения интересного вопроса. Чтобы разъяснить

точнее вопрос – монахи или не монахи греческие архиереи, автор счел нужным коснуться следующих вопросов: как и из кого создается ныне на Востоке духовенство вообще и высшая духовная иерархия в частности? Рассуждения автора в этом случае сводятся к следующему:

«Духовного сословия в широком смысле этого слова, как понимаем его мы, русские, на Православном Востоке – нет. Все степени церковной иерархии доступны каждому без различия звания и общественного положения. До позднейшего времени не было на Востоке и специальных школ, вроде, например, нынешней богословской Халкинской школы в Константинополе и Ризарьевской семинарии в Афинах, в которых специально готовились бы молодые люди к прохождению служения на высших и низших степенях священства. Контингент воспитанников этих школ составляют большей частью дети светских лиц, материально обеспеченных, воспитанники и родственники епархиальных архиереев, послушники, или докимы, состоятельных игуменов, епитропов и тому подобных, влиятельных в афонских монастырях лиц, которые делают определенный ежегодный взнос за своих питомцев в школу. Такой состав учащихся в богословских школах на Востоке ни в каком случае не дает нам права говорить, что в них обучаются монашествующие лица. Докимы, или послушники, и так называемые рясофоры из числа учеников не суть монахи, тем более таковым именем не могут называться питомцы школы, явившиеся прямо из мира, хотя те и другие, по уставу школ, в костюме и образе жизни ничем не отличаются друг от друга. Костюм воспитанников однообразный и состоит из подрясника или полукафтаны и короткой полуряски. На голове они носят невысокую камилавку, под которую подбирают свои длинные волосы. Режим школы, внешний порядок жизни воспитанников богословских школ построен на началах общежительного монастырского устройства, хотя большинство воспитанников вышло не из монастырей и к монашеству себя не предназначает. А результаты такого воспитания получаются следующие. Часть воспитанников, и можно сказать – большая, сейчас же по окончании курса богословской науки снимает с

себя ряски и камилавки, стрижет волосы и поступает в Афинский университет на все факультеты, кроме богословского... Воспитанники монастырей возвращаются в свои обители и занимают в них должности дидаскалов и т. п. Только небольшая часть из учеников этих школ избирает для себя духовную карьеру. Воспитанники этих школ, с успехом окончившие курс, получают право носить почетное титуло «διδάκτωρ τῆς θεολογίας» – доктор теологии; но в действительности этим правом пользуются лишь те, которые или при выходе из школы, или после окончания курса рукоположились в диакона или священника. Вот поэтому-то в жизни этих школ ежегодно наблюдается такое явление, что некоторые из питомцев их выпускного курса, не принимая предварительно монашества, рукополагаются в диакона или в течение учебного года, или, что чаще бывает, перед самым окончанием выпускных экзаменов. Эти-то диаконы – “доктора богословия” – и составляют главный контингент образованного современного духовенства. Они обыкновенно... исполняют роль грамматиков или секретарей, протосинкеллов и других должностных лиц при Константинопольском патриархе и таким образом готовят себя к служению в высших степенях иерархии: епископа, архиепископа, митрополита и даже патриарха, причем и при этом новом производстве не ведется никакой речи о необходимости пострижения в монашество. Правда, что указанные кандидаты в высшую иерархию получают предварительное звание архимандрита за ревностное прохождение возлагаемых на них обязанностей, но это ни более ни менее, как почетное титуло, вовне выражаемое правом ношения за богослужением палицы и наметки на камилавке» (Дмитриевский // Труды Киевской Духовной академии. 1891. Т. III. С. 136–141). Отсюда видно, что автор не считает греческую высшую иерархию принадлежащей к монашескому званию.

Вышеприведенные сведения и суждения проф. Дмитриевского вызвали опровержение со стороны другого автора, к сожалению, скрывшего свое имя и выдающего себя за непосредственного личного наблюдателя церковной жизни Востока нашего времени¹¹. Этот аноним прежде всего, вопреки

сообщениям г-на Дмитриевского, не находит ничего или очень мало отрадного в богослужебной стороне теперешней Греческой церкви. Он находит, что богослужебная практика Востока не может представлять ничего поучительного для нас. В подтверждение своего воззрения аноним приводит следующие доказательства, служащие не в похвалу греческих церковных обычаев и практики. «В отверстые царские двери входят во время богослужения и миряне, даже с покрытой головой, потому что многие стоят в церкви в фесках и шляпах. Или, представьте, – говорит аноним, – архиерея, делающего отпуст после литургии со св. крестом, и в случае присутствия какой-нибудь знатной особы, возглашающего по отпусте, подняв крест в правой руке, к народу: “Такому-то Ζήτω” (соответствующее русскому “ура”), и вся церковь кричит: “Ζήτω”. – Перемены, производимые в типиконе Востока, нимало не улучшают (там) церковной практики, а скорее только умножают разнообразие оной, что на самом деле и бывает, и ведет к тому, что совершенно забываются прежние празднества. Например, праздник Покрова Богородицы, более других близкий Царьграду, в настоящее время вовсе не празднуется, исчез даже из их богослужебных книг. Чин поминовения усопших – наша панихида – у греков ограничивается только следующим: по Трисвятом, “со духи праведных”, – ектения, “со святыми упокой” и отпуст – что у нас называется лития» (Библиографическая заметка по поводу книги Дмитриевского «Современное богослужение на современном Востоке» // Христианское Чтение. 1891. Т. II. С. 142–144).

На все эти замечания анонимного автора проф. Дмитриевский дал объяснения путем печати. Чтобы не вдаваться в большие подробности – объяснений этих в их полноте повторять не станем. Остановим наше внимание лишь на споре, возникшем между двумя указанными писателями по поводу греческой панихиды. Г-н Дмитриевский решительно отрицает сообщение анонима, что будто на Востоке совсем не существует нашей теперешней большой панихиды. Вот что пишет он, опровергая анонима: «Панихиды не только практикуются в современном богослужении Православного

Востока, но и отправляются здесь с большей торжественностью и полнотой, чем у нас в России. Так, в начале панихиды бывает “киродосия”, или раздача свеч, не только священнослужителям, но и всему народу, находящемуся в церкви. 17-ая кафизма, седальны и канон с тропарями поются по-ряду без всяких опущений. Молитва “Боже духов” читается священником при всякой ектении вслух всего народа и предваряется возгласом диакона: “Господу помолимся”. В конце панихиды читается молитва над коливом, которое и благословляется при этом предстоятелем. Что же касается той панихиды, – говорит г-н Дмитриевский, – порядок которой излагает наш аноним, то она ничего общего с панихидой в собственном смысле не имеет, этим именем никогда не называется на Востоке, а имеет свое специальное название: “Τρυσάγιον”, так как начинается именно “Трисвятым”» (Дмитриевский. Недоумения по поводу недоумений // Труды Киевской Духовной академии. 1891. Т. III. С. 122–127). Аноним, однако же, не удовлетворился такими разъяснениями ученого исследователя, а крепко настаивает на том, что на Востоке панихид в собственном смысле не служат. «Даже по случаю смерти Константинопольского патриарха Дионисия († 1891), греки не служили панихид, а служили они παράκλησις – молебен Пресвятой Богородице. Когда же явился в патриархию архимандрит русского (в Константинополе) посольства (архимандрит этот не наш автор – заметим) со своим причтом отслужить панихиду по усопшем патриархе, то члены Синода называли ее Τρυσάγιον. А после того как русский архимандрит объяснил, как служитя панихида в Русской церкви, эти митрополиты сказали: да, такие панихиды служат у нас только на Афоне» (Ответ на недоумение по поводу недоумений // Христианское Чтение. 1892. Т. II. С. 214). Профессор Дмитриевский со своей стороны не думает уступать своему анониму по вопросу о панихиде: он считает себя слишком правым, чтобы поступиться в прежде выраженных им словах. Этот наблюдатель жизни Востока пишет: «Не в обиду будь сказано отцам-членам патриаршего синода в Константинополе, они сказали неправду (!) нашему о. архимандриту, потому что такие (т. е. большие) панихиды

совершаются у греков и в других местах, помимо Афона, например на Синае, в Иоанно-Богословском монастыре на о. Патмосе и даже в Иерусалиме у Св. Животворящего Гроба и на Голгофе» (Второе «Недоумение по поводу недоумений» // Труды Киевской Духовной академии. 1892. Сентябрь. С. 169). Как видим, наши самовидцы восточных дел никак не могут прийти к соглашению в сообщениях даже о такой простой вещи, как совершение панихиды у греков. Разумеется, мы ничуть не упрекаем их за это, а только отмечаем сам факт.

Аноним «Христианского Чтения» спорит и против суждений проф. Дмитриевского, выше изложенных нами, относительно особых духовников в Греческой церкви. Этот аноним пишет: «Относительно исповеди г-н Дмитриевский говорит: поскольку от пастыря Церкви нигде не требуется столько обширных знаний человеческой природы и богословско-канонических сведений, как при совершении этого таинства, то современная Греческая церковь право исповеди усваивает не всем пастырям, а только во всех отношениях опытным. Странным представляется это суждение, – замечает аноним, – ввиду действительной причины такой практики в Греческой церкви. Автор как будто не знает, или не хочет знать повода, послужившего к такому распоряжению. Да где пастыри, обладающими обширными познаниями? Видно, что эта часть современной практики Греческой церкви совсем не знакома (!) автору» (Христианское Чтение. 1891. Т. II. С. 146). Это замечание анонима повергло г-на Дмитриевского в недоумение, и последний потребовал от него, чтобы он объяснил, о каких скрытых причинах появления особых духовников на Востоке говорит аноним в этих словах. «Мы будем вполне благодарны нашему анониму, если он, как более знакомый с данным вопросом, сообщит нам печатно или письменно какие-либо важные и ценные в научном отношении разъяснения по вопросу относительно исповеди на Востоке. *Feci quod potui*, – скажем мы словами латинской поговорки, – *faciant meliora potentes* (Я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше (лат.) – Ред.)» (Труды Киевской Духовной академии. 1891. Т. III. С. 148). На это приглашение аноним печатно не отозвался (хотя и мог бы это сделать, потому что

еще раз в печати обменялся с г-ном Дмитриевским своими мыслями). Что же касается того, отвечал ли аноним тому же г-ну Дмитриевскому письменно, об этом, конечно, мы ничего не знаем. Впрочем, не можем не заметить: нам кажется странным требование со стороны г-на Дмитриевского получить хотя бы письменный ответ от анонима. Можно подумать, что речь идет о каком-то тайном деле, рассмотрение которого удобнее всего при закрытых дверях!

Всего более разошлись наши двое авторов по вопросу, наиболее интересному и важному, о монашестве греческих архиереев. Как мы указали выше, проф. Дмитриевский не считает греческих архиереев монахами. Совсем противоположное доказывает аноним. Этот последний пишет: «По словам г-на Дмитриевского, высшие восточные иерархи не состоят в монашестве и потому не носят клобуков. Такой новостью автор приводит в крайнее изумление. В Восточной церкви, – объявляет аноним, – не только все иерархи – монашествующие, но и в приходских церквях, особенно городских, настоятели по большей части архимандриты, а часто и другие священнослужители – монашествующие, так что белое духовенство только помогает монашествующему в больших городских церквях. Константинопольская церковь не только не возводит в высшие иерархические степени лиц немонашествующих, но даже совсем возбраняет архиерейство лицам, которые не были в совершенном девстве и безбрачии от юности (определение патриарха Анфима и его синода в 1846 г.). И как же можно сказать, что никто из высших восточных иерархов не носит ни белых, ни черных клобуков? Все иерархи, начиная с самого патриарха, в обыкновенное время, находясь вне храма, употребляют черную камилавку; но во время богослужения в храме и при молитвословиях вне храма, во время важных общественных собраний они надевают черный клобук. Разница лишь та, в греческих клобуках, что крепа их поменьше нашей и пр. Только белые клобуки не употребляются теперь» (Христианское Чтение. 1891. Т. II. С. 147). К этим рассуждениям аноним потом добавляет еще следующее: «Было не раз рассуждаемо с митрополитами – членами патриаршего

синода об этом предмете (т. е. по вопросу – монахи ли греческие архиереи? – А. Л.); они всегда утверждали, что все иерархи на Востоке – монашествующие, равно как и архимандриты, и вообще между мирским духовенством неженатых иереев или диаконов без принятия монашества (целибатов) так же мало, как и у нас, в России, – они составляют редкое исключение. Впрочем, трудно предположить, чтобы в русском обществе нашлось много таких, которые поверили бы, что митрополиты, архиепископы и епископы и самые патриархи на Востоке – не монашествующие, а миряне (?). Если бы г-н Дмитриевский написал не только двадцать страниц в подтверждение своего мнения, но двести и больше, и тогда бы он не был убедительнее» (Христианское Чтение. 1892. Т. II. С. 215–216). Проф. Дмитриевский не оставил без надлежащего разбора главных оснований, приводимых анонимом в пользу своих воззрений по вопросу. Так, он, т. е. г-н Дмитриевский, пишет: «Что касается определения 1846 г. патриарха Анфима и его синода, возбраняющего архиерейство лицам, которые не были в совершенном девстве и безбрачии от юности, на что указывает наш аноним, то мы не только не сказали ничего противного сему определению в нашей книге (“Современное богослужение”), но еще раз готовы подтвердить, что это правило на Востоке практикуется во всей своей строгости. Безбрачными в клире состоят не только епископы, митрополиты, патриархи и архимандриты, но даже приходские городские священники и диаконы» (Труды Киевской Духовной академии. 1891. С. 143). Затем г-н Дмитриевский сильно нападает на выражение анонима, что будто первый считает восточных архиереев не монашествующими, а «мирянами». Он говорит: «Трудно представить, замечает наш аноним, чтобы в русском обществе нашлось много таких, которые бы поверили, что восточные архиереи – миряне. Совершенно согласны с анонимом, – заявляет г-н Дмитриевский, – что таких лиц немного, скажем более – даже нет ни одного человека, который бы мог утверждать такой абсурд, что митрополиты, архиепископы, епископы и самые патриархи на Востоке – миряне». «Митрополиты, архиепископы, епископы и самые

патриархи на Востоке не монашествующие, – объясняет киевский профессор, – а только рясофоры...» (Труды Киевской Духовной академии. 1892. Т. III. С. 175). К сожалению, рассматриваемый автор ничего не говорит по поводу ссылки анонима на то, что сами члены Константинопольского синода заявляли ему, анониму, что будто все иерархи Востока суть монашествующие. Впрочем, нужно полагать, что г-н Дмитриевский считает такую ссылку не чем иным, как прямой фальшивкой...

Держась противоположного взгляда на вопрос – монашествующие или не монашествующие греческие архиереи, двое рассматриваемых авторов неодинаково судят и относительно образа жизни и поведения тех же архиереев. Проф. Дмитриевский, не признавая восточных иерархов за монашествующих лиц, оправдывает их, как в том, что они самолично венчают браки своих пасомых (разумеется, иногда), так и в том, что они в мясоеде, подобно всем мирянам, вкушают мясную пищу, хотя почтенный исследователь и соглашается с тем, что такой порядок дел соблазняет русских людей, непривычных к такому явлению. Напротив, аноним, считая греческих архиереев такими же монахами, какими считаются наши русские архиереи, весьма соблазняется тем, что греческие архиереи дерзают вкушать скоромное, и тем, что они венчают браки, вопреки церковному правилу: «Монах не должен благословлять браков». Аноним эти и другие подобные действия восточных иерархов рассматривает как нарушение с их стороны монашеских обетов. Что касается, в частности, до вкушения этими архиереями скоромного, то аноним утверждает, что будто бы они сами стесняются вкушать мясное в присутствии посторонних лиц. (Все эти известия можно находить в преждецитированных статьях, в разных их местах, у того и другого автора.)

Таким образом, мы видим, что проф. Дмитриевский и аноним до последней крайности расходятся во взглядах на такой предмет, относительно которого разногласия представляются совершенной неожиданностью, – о том, монашествующие или же нет теперешние восточные архиереи.

Несмотря на простоту и осязательность предмета наблюдения, оба наблюдателя, хорошо знакомые с делом по непосредственным впечатлениям и изучению, – расходятся один с другим в суждениях настолько, что как будто говорят о двух различных явлениях. Не удивительно ли это?

Мы перечислили и показали главнейшие противоречия, в которых выражаются результаты наблюдений над современным христианским Востоком двух авторов, хотя, быть может, и не в одинаковой степени, но все же близко и непосредственно знакомых с предметом, о котором они говорят. Примирять эти противоречия или даже разбираться в них мы своей задачей не поставляем. Для решения этой задачи нужны личные сношения с Востоком, которых мы не имеем. Со своей стороны считаем долгом сделать лишь несколько замечаний общего характера о предметах спора наших двух авторов.

Между проф. Дмитриевским и анонимом нельзя не замечать прежде всего того различия, что первый смотрит на предметы своего изучения очень толерантно, а второй крайне ригористично. А известно, что только толерантный исследователь может достигать наибольшей истинности в своих научных результатах. Толерантность заставляет относиться с уважением и вниманием ко всему непривычному, на первый взгляд странному, и сдерживать свои симпатии и антипатии. Ничего такого не находим у нашего анонима. Он явился на Восток, очевидно, с предвзятым взглядом, что у нас, русских, все хорошо; а потому надеялся встретить у греков лишь повторение того, к чему привык он на родине, наперед не признавая возможным, чтобы наше хорошее на родном нашем Востоке игнорировалось и заменялось чем-нибудь другим, совсем нам непривычным. Последовало, однако же, разочарование, оказалось, что на Востоке не все так, как у нас. Но вместо того чтобы понять и уяснить новые явления, найти для них надлежащие объяснения и скромно признать за ними права на существование подле привычных для анонима явлений, этот последний начал отвертываться и порицать то, к чему он не привык... Мало того: он не может понять, как это другие могут смотреть иначе на вещи, чем как смотрит он. Если

другие, подобно ему самому, не отвращаются от непривычных для них явлений, не порицают этих последних, он начинает чувствовать нерасположение к таким «недальновидным» людям, – и открыто выражать им укоризны. Так, по нашему мнению, появилось у анонима страстное желание перечить и спорить с проф. Дмитриевским, не желая почти ни в чем разделять его воззрений.

Между тем было бы совершенно несправедливо не ценить и не отдавать должной признательности многим из тех суждений, которые выражены г-ном Дмитриевским и в которых не встречается ничего такого, за что его стоило бы упрекать. Начнем с вопроса об изменениях в составе богослужения, допущенных Восточной церковью. На Востоке хорошо поняли, что обычный церковный устав, создавшийся в монастырях и для монастырей, как естественно, не может быть исполняем в большой строгости в приходских церквях. И это сознание привело к тому, что на Востоке выработался особый устав для приходских церквей, пригодный для приходских священников и мирян. Что тут худого? Между тем аноним не видит в таком действовании Восточной церкви ничего достойного внимания. Ему кажется, что наши порядки гораздо лучше. Едва ли. Мы уверены, что мысль о составлении отдельного устава для приходских храмов в большинстве представителей нашей Церкви встретила бы полное сочувствие, если бы не встречалось существенных препятствий. Наша Церковь имеет достаточные побуждения желать, чтобы был создан такой же особый устав для приходских церквей, какой выработан у греков: приходские храмы не могут выполнять и не выполняют существующего устава; так как он назначался в свое время для монастырей, то волей-неволей его приходится нарушать. Конечно, было бы гораздо целесообразнее, если бы приходские храмы имели свой устав, исполнение которого было бы незатруднительно. Греки, нимало не задумываясь, так и поступили. Но, к сожалению, поступить так же и у нас – недостает смелости. Как известно, у греков нет раскольников, а у нас они есть – и появились они вследствие некогда совершенного исправления книг. От этого возникает опасение,

что всякое серьезное видоизменение устава поведет к нежелательным явлениям – или появятся новые раскольники, или, по крайней мере, старые раскольники обнаружат еще большую непреклонность и упорство. Вообще, вопрос о составлении устава для приходских церквей, по образцу греков, – есть только вопрос времени. Нужда же в этом уставе такая же настойчивая, какая руководила и греками в подобном же случае. Следовательно, нет разумных оснований не сочувствовать грекам, если они создали особый типикон для приходских церквей, – да едва ли и право имеем мы поднимать голос против Греческой церкви, облеченной таким авторитетом, который поставляет ее неизмеримо выше нашей критики.

Столь же несправедливо было бы не одобрять греков и за то, что у них не все священники облечены правом совершать таинство покаяния. Что не каждый священник есть хороший духовник, это известно всем и каждому. Более опытный в духовной жизни священник всегда и у нас имеет больше духовных чад, чем другие, и многие миряне очень дорожат опытным духовником. Этой-то потребности и имеет целью удовлетворять особый институт духовников у греков, как резонно рассуждает проф. Дмитриевский. Если же противник сего последнего – аноним – восстает против этого института Греческой церкви, то его оппозиция, кажется, опирается единственно на том соображении, что-де у нас дело обходится и без особых духовников. По крайней мере, аноним прямо и решительно не объяснил, почему он не одобряет существование особых духовников у греков. Правда, он намекает, что у греков в числе священников мало достойных людей, и отсюда выводит заключение, что там нельзя безопасно поручать такое дело, как исповедь, каждому священнику; но такое заключение едва ли основательно. Особые духовники появились очень давно – еще во времена правления Грецией византийскими христианскими императорами, значит, в такую эпоху, когда духовенство и общество жило столь же нормальной жизнью, как и мы живем теперь в нашем отечестве.

Важнейшее же разногласие между профессором Дмитриевским и анонимом, как подробно указано выше, касается вопроса о монашестве греческих архиереев. Что сказать по поводу этого спора? Не принимая на себя обязанности присоединяться к какому-либо из двух вышеизложенных воззрений, мы, однако же, должны сказать, что мнение проф. Дмитриевского, как ни много спорит против него аноним, все же имеет за себя довольно ясные исторические примеры; один из таких примеров и приведем сейчас. Известный русский паломник Арсений Суханов, путешествовавший по Востоку в середине XVII в. и описавший результаты своих наблюдений в «Проскинитарии», рассказывает следующий случай, свидетелем которого он был в Св. Земле. «На Феодоровской неделе, – пишет он, – в четверг, избрание было в церкви царя Константина, митрополита Неофита в Вифлеем. А в пятницу диакон Исаия русин (заметим, что речь идет о русине, а не греке, следовательно, постороннее лицо поднимает дело, с которым мы сейчас познакомимся) ему, нареченному митрополиту, говорил у патриарха (Иерусалимского) в келье: хотят тебя поставить в митрополиты, а ты еще не пострижен в чернцы; как тебе будет иных постригать, а ты и сам не сподоблен того дара. Патриарх то услышал и спросил у них: что вы говорите? И они то сказали; и патриарх молвил: перестригу я и всех их, дай мне мало сроку. И в субботу поутру патриарх нареченного митрополита у царя Константина сам постриг в чернцы; а манатью имали у Исаии диакона. И постригшись, митрополит манатью ту, в коей постригся, сложил тотчас, и ходил без манаты, только лишь положили на него в постригании, а никто его не видал в манаты. А тот митрополит и в игуменах был в Яссах не пострижен (интересное замечание: игумен, не постриженный в монахи!). В неделю православную поставил его в митрополиты, а манаты святительской не дал же ему»¹². Весь этот рассказ дает понимать, что патриарх Иерусалимский поставлял в архиереи лиц, не имевших монашеского чина; если же при посвящении Неофита в митрополита, наперед постриг его в монахи, то ясно, что это сделано в угоду русину Исаии и,

вероятно, самому Арсению Суханову. Значит, не только теперь, как узнаем из сообщений г-на Дмитриевского, но и намного раньше монашество в Греции не было необходимым условием возведения известного лица в архиереи. По-видимому, Греческая церковь, теперь, как и давно уже, не стесняет себя выбором архиереев непременно из среды монахов: достойный человек, хоть и не монах, но равный по жизни с монахом, т. е., безусловно, целомудренный, возводился и возводится у греков в архиерея. Аноним, оппонент г-на Дмитриевского, сам того не замечая, впадает в две очень существенные ошибки: во-первых, защищая мысль, что греческие архиереи суть монахи и должны быть монахами, однако же решительно ничем не доказывает мысли, что каноническое право непременно требует, чтобы посвящаемый в архиереи был наперед сделан монахом: автор, кажется, обычай нашей Церкви возводит в каноническую общецерковную догму; во-вторых, аноним не обращает внимания на то, что если Греческая церковь и не требует монашеского пострига от кандидата на архиерейство (как утверждает г-н Дмитриевский), то, однако, она, пожалуй, более требовательна к кандидатам на архиереи, чем наша Церковь, потому что она требует от них «совершенного девства и безбрачия от юности», следовательно, она отстраняет от архиерейства всех вдовых священников, хотя бы они и сделались потом монахами. Если аноним находит, что Греческая церковь, буде она допускает лиц не монашествующих до архиерейства, отступает от нормы, считая при этом нормой наши порядки, то, в свою очередь, какой-нибудь греческий наблюдатель мог бы со своей точки зрения ставить в упрек нашей Церкви то, что она допускает до архиерейства вдовых священников, принявших монашество. Вообще, анониму следовало бы быть помягче в своих суждениях и признать, что задача представителей отдельных Церквей одного и того же православного исповедания состоит не в том, чтобы отыскивать и объявлять о слабостях, допускаемых той или другой поместной Церковью чужой национальности, а в том, чтобы находить в этих Церквях достойное подражания и прививать к своей родной Церкви. Если бы, например, и наша Русская

церковь, подобно Греческой, как скоро будет определенно доказано, что она не одних монашествующих делает архиереями, – стала бы поступать таким же образом; то разве это послужило бы ей во вред? Разве в таком случае не увеличился бы контингент лиц, из которых стали бы избирать достойнейших иерархов? Конечно, в этом случае пришлось бы по подобию Греческой церкви развить институт неженатых священников; но ведь и это не было бы нарушением какого-либо закона, а лишь отступлением от обычая, проникшего в нашу Церковь. – Вообще можно утверждать, что если отдельные поместные Православные Церкви должны поучаться одни у других, то едва ли когда Греческие патриаршие церкви станут чему-либо учиться у нас, русских. Естественнее предполагать обратный случай. В пользу такого явления можно сказать многое: Греческие церкви древнее нашей, отличаются бóльшей религиозной опытностью, и – что бы там ни говорили против греков – остается несомненным, что они всегда пребыли верными основным нормам Православия и тщательно хранят их. Между греческими архипастырями, правда, встречается много лиц слабо образованных, даже невысоких нравственных качеств; но основывать на этом какие-либо выводы, неблагоприятные для устройства и учреждения всей Греческой церкви, не следует. Улучшить нравственность известного класса лиц, поднять их умственное состояние не в пример легче и проще, чем возратить какой-либо христианский народ к религиозным нормам канонического характера, как скоро эти нормы здесь потеряли силу. За примерами ходить недалеко. Ни католиков, ни протестантов, ни англикан невозможно возратить на путь истины, а все потому, что у них забыты основные нормы древней церковности. Или разве одни слепые не задают себе в настоящее время вопроса: какими неисчислимыми бедами отразится на Болгарской церкви то обстоятельство, что она оторвалась от тесной связи с патриархом Константинопольским?

Глава II

Вторую половину нашей статьи мы посвятим обозрению тех многочисленных противоречий, которые встречаются у двух русских писателей, характеризующих с разных сторон состояние одного из самых важных греческих патриархатов – Иерусалимского.

Почти вслед одно за другим появились в печати два сочинения, в которых речь идет об одном и том же предмете – о современном состоянии Иерусалимского патриархата. Одно из этих сочинений принадлежит перу г-на М. Соловьева и озаглавлено: «Св. Земля и Православное Императорское Палестинское общество» (М., 1891). Автор сочинения пишет на основании личных и, по-видимому, некрatkовременных наблюдений над положением Иерусалимского патриархата. Он не видит ничего хорошего в положении этого патриархата; если верить ему, то выходит, что церковные дела здесь достигли крайнего запустения. Св. Земля, по рассуждению автора, ничего путного и в будущем не может ожидать от Иерусалимского патриарха и всех прочих иерархических лиц этой Церкви, как скоро управление ею останется в руках греков. Пессимизм – вот общий тон сочинения г-на М. Соловьева. Но прежде чем ознакомить читателя с книгой г-на Соловьева, следует сделать одну необходимую оговорку. Автор в заглавии своего сочинения к словам «Св. Земля» прибавляет и «Палестинское общество». Но последняя прибавка не свидетельствует о солидарности русского «Палестинского общества» в воззрениях с автором. Все печатные произведения, разрабатывающие палестинские вопросы в духе указанного общества, это последнее издает за свой счет, но книга г-на Соловьева издана автором; при том же сравнение отзывов и мнений автора с отзывами и мнениями «Сообщений Палестинского общества» (три тома) дает понимать, что Палестинское общество старательно оберегает себя от тех крайностей, которые характеризуют труд г-на Соловьева. – Другое сочинение, на которое в дальнейшей нашей речи мы хотим обратить внимание, озаглавлено так:

«Новые поборники Православия на Востоке и во Св. Земле» (Вып. 1. М., 1892). К сожалению, имя автора на книге не означено, и мы не рискуем сделать какие-либо догадки на этот счет, опасаясь впасть в ошибку. По тону и характеру она составляет противоположность книге г-на Соловьева. Автор выступает на защиту Иерусалимской иерархии, немало говорит в похвалу этой последней и вообще опровергает Соловьева (или, по крайней мере, заботится об этом) чуть не во всех пунктах. Мы не можем с точностью сказать, принадлежит ли анонимный автор к лицам, непосредственно изучавшим жизнь Церкви во Св. Земле, или он принадлежит к лицам, сильно интересующимся делами Востока. Вероятнее последнее; но это не мешает труду анонима иметь значение, потому что рассуждения автора обставлены аргументами и некоторыми ссылками на документы.

Насколько г-н Соловьев и аноним расходятся в суждениях один с другим при оценке одних и тех же фактов и явлений, об этом можно составлять себе понятие по следующим образцам.

Г-н Соловьев вообще в таких чертах рисует состояние Палестинской церкви: «Нечего и говорить о церковных делах: Иерусалимская церковь переживает период анархии. Потеря румынских доходов расстроила церковное хозяйство и усилила эксплуатацию русских паломников. Попытка Иерусалимского патриарха Кирилла (1845–1872) ограничить корыстолюбие Святогробской братии кончилась доносом и сменой патриарха – первой в истории Иерусалимской церкви. С тех пор, с 1872 г., сменили еще двух патриархов. Совращение православных приняло угрожающие размеры. Сельские церкви разрушались, приходское духовенство, оставленное без средств существования, покидало паству и храм, школы существовали только на бумаге. Высшее духовенство ссорилось из-за русских денег, монахи сманивали моложавых паломниц в геронтииссы, обдирали богомольцев, приобретали имения, строили гостиницы и лавки с верным доходом, и но краснея заявляли, что лучше всего было бы, если туземцы перейдут к латинянам и протестантам, а Святогробское братство с патриархом останется в Иерусалиме при своих доходах, на правах армян,

хранителем и служителем при св. местах» (С. 24–25). По такой программе пишет свою книгу г-н Соловьев. Программа же книги «Новые поборники Православия» заключается в том, чтобы положениям г-на Соловьева противопоставить свои, совсем не похожие на сейчас указанные.

Разница между двумя авторами коренная. Начать с характеристики Иерусалимских патриархов. Вот характеристика известного патриарха Никодима (1883–1890), сделанная М. Соловьевым. «Поместное значение Иерусалимской патриархии в глазах Святогробского братства составляет только помеху. Ослепление эллинизмом доходит до того, что 25–27 тыс. феллахов (палестинских арабов), этот остаток древнейшего христианства, единственное оправдание самой патриархии, внушает святогробцам чудовищное желание, чтобы туземцами поскорее завладели римляне и протестанты, оставляя братство на положении миссии вроде Армянской. Святогробское братство на самом деле и давно уже составляет эллинскую миссию, а не православное представительство страны. Член того же братства, патриарх Никодим, долго живший в России, достиг патриаршества при поддержке России, видел ясно невозможность обойтись без русской помощи, остался, однако, настолько закоренелым греком, что арабская местная Церковь для него не существовала, а русская помощь шла исключительно на “нужды патриархии”, т. е. на развитие греческих доходных учреждений. В его правление более 2000 душ были отторгнуты от Православия; почти все православные школы были закрыты; из 29 церквей только девять были в исправном виде; при них было 24 священника, получавших ежегодно по 90 руб. содержания; ни одна из церквей не была ни восстановлена, ни исправлена, и нищенское содержание духовенства не было улучшено, хотя на эти нужды шли из России специальные пожертвования, не достигавшие назначения. Зато в это время патриархия выстроила в Иерусалиме пассаж близ Яффских ворот, огромную гостиницу у Авраамьевского монастыря и пр. Святые места, обязательно посещаемые, были сданы в аренду» (С. 86–88). Совсем иных взглядов на Никодима держится анонимный автор.

«Замечательно, — говорит он, — что относительно отступничества 2000 туземцев, “поборники Православия” (т. е. г-н Соловьев) не обозначают того места, где оно произошло, хотя сами они приводят отчет латинского патриарха в Иерусалиме, из которого они узрели бы, что в патриаршество Никодима, в продолжение шести лет число латинян сократилось: в Хайфе на 50 душ, в Аине-Кариме на 100, в Джифне на 50 душ, в Рамалле на 40, в Бейт-Сауре на 20, в Рафидии на 70, в Таре на 60. Что Иерусалимская патриархия стоит на страже Православия, свидетельствуют Отчеты и Сообщения Палестинского общества. “За нас, — заявляет отчет Общества за 1886–1887 г., — не без успеха борющаяся с иноверием местная духовная власть”...» (С. 62–63). «Из книги “Сообщения Палестинского общества” видно, что в патриаршество блаж. Никодима (до 1887 г.) в Палестине построены и были возобновлены многие церкви. В 19 месяцев, например, выстроены 11 новых церквей, монастырь и церковь близ Мертвого моря и 5 монастырей и церквей были возобновлены. Общий расход простирался в это время до 18 000 наполеонов или 143 000 рублей» (С. 58). «Первые годы управления патриарха Никодима ознаменованы были открытием множества школ, о чем свидетельствует само Сообщение Общества; до патриарха Никодима, по этому сообщению, было 49 школ, а в октябре 1886 г. число их дошло до 150 школ и семи девичьих. Что в настоящее время патриархия не особенно богата школами, в этом не ее вина. Доходы Св. Гроба слишком сократились с образованием в России Палестинского общества, так что блаж. Никодим с большим огорчением и печалью должен был в 1888 г., по недостатку средств, закрыть богословскую школу в Крестном монастыре, которую он же открыл вновь в 1884 г.» (С. 63). «Г-н Соловьев несправедливо говорит, что иерархи Иерусалимской церкви духовно не заботятся о своей пастве; нет, они заботятся о ней более, нежели другие, ибо хорошо ее знают. Мало того, они ее балуют, содержат ее и уплачивают за нее государственные подати» (С. 45). В таком же роде действовал и Никодим.

М. Соловьев в самых мрачных чертах изображает так называемое Святотробское братство. О нем автор пишет следующее. В прежнее время Иерусалимской церковью управляли не сами патриархи, проживавшие в Константинополе, а «наместники, за которыми была учреждена целая система явного надзора и тайного шпионства. Около Святого Гроба из этих пришлых греков мало-помалу собралось многочисленное братство, захватившее в свои руки заведование святыми местами, доходы и управление Церковью в духе Фанара. Святотробское братство, составленное исключительно из греков, представляется учреждением чрезвычайно своеобразным. В него вошли, кроме должностных лиц патриаршего управления и соборного духовенства, все иерархи Иерусалимской церкви (С. 78–79). Святотробское братство не имеет устава, канонически учрежденного, не составляет монастырской общины и не входит в состав Иерусалимского синода: оно сплочено только единством греческого происхождения своих членов, прикосновенных к участию в пользовании доходами от св. мест, состоящих в их заведовании, и в силу сего в руках его сосредоточились все церковные дела Палестины (С. 80). Если православные туземцы арабского языка составляют живую, чудом сохраненную древнюю народную основу славной некогда Иерусалимской церкви, то Святотробское братство является паразитным существом на этом организме, которое желает прикрыться имевшим прежде законное местное значение греческим характером иерусалимского клира, ныне утратившим смысл. Опыт достаточно доказал, что патриарх-грек не может, не отрекаясь от греческой идеи, упразднить братство с его зловерными традициями и преобразовать свою церковную область на народных началах» (С. 92–93). Автор решительно выражает мысль, что братство это должно быть упразднено. – Анонимный автор книги «Новые поборники...» находит, что все подобные рассуждения г-на Соловьева лишены основательности. «Устав Святотробского братства, – говорит он, – настолько же каноничен, насколько канонично высшее русское церковное управление. Святотробское братство в полном

смысле составляет общину, члены которой и по переходе на служение к другой Церкви не разрывают связь со Св. Гробом. Что касается греческого происхождения членов братства, то оно состоит из греков не со вчерашнего дня и не с нынешнего века, а состоит с самого своего основания, когда греки приняли на себя перед всем православным миром охрану величайшей христианской святыни. Как ни сплочено Святогробское братство единством греческого происхождения, к чести его следует сказать, что оно во всякое время принимало в свою среду православных инородцев. В числе святогробцев были и русские, и сербы, и грузины, и болгары, да и сейчас есть сербы и болгары» (С. 46–47). Задачу Святогробского братства и вообще высшей иерархии в Палестине нельзя указывать в том, чтобы они заботились о духовных нуждах арабов – это не главное дело. Иерусалимская патриархия обязана своим учреждением тому, что в пределах ее совершилось вочеловечение и страдания Спасителя; учреждена она ради этой исключительной ценности ее области, которая, составляя самое ценное сокровище Православия, и вверена патриарху и находящемуся в его ведении клиру (Святогробскому братству), и ни за кем другим не признано право самостоятельно распоряжаться в св. местах» (С. 124–125).

Вопрос о значении местного палестинского христианского населения – арабов и об отношении греческой иерархии к ним в Палестине составляет один из тех пунктов, где разногласие двух рассматриваемых нами авторов достигает особенной яркости и энергии. Г-н Соловьев пишет: «После арабского завоевания (Палестины) Иерусалимский патриарх остался единственной христианской властью в Палестине, но отношение его к пастве существенно изменилось. Сплошное христианское население Палестины исчезло, сохранившись чудом в горсти православных (т. е. арабов или, точнее, обарабившихся греков), геройски остававшихся верными Христу среди жестоких притеснений и всеобщего отступничества, но эти немногие остатки приняли арабский язык. Иерусалимская церковь раскололась на две половины: высший клир из греческих островитян и их потомков, питавшийся от храма, и туземных

христиан, церковные нужды которых пребывали в забвении. Поистине изумительна стойкость этих туземных православных, не берегомых пастырями, угнетенных мусульманами и оставшихся верными вере отцов. Стали необходимы священники, принадлежащие к туземному племени, владеющие арабской речью и т. д.» (С. 72, 80). Но греческое духовенство Палестины не показывало никакой рачительности относительно христианского арабского населения, по утверждению г-на Соловьева. Когда русское Палестинское общество явилось в Св. Землю с желанием прийти на помощь православной патриархии, «оно нашло из 30 церквей только 9 в исправном виде; местные школы для туземцев существовали только номинально; больница была только в Иерусалиме. Содержание священников в селениях выдавалось неисправно и в нищенском размере. Умножались и росли только доходные заведения для паломников, выстроенные патриархией и святогробцами» (С. 147). Анонимный же автор книги «Новые поборники...» нисколько не разделяет ни оптимистических взглядов г-на Соловьева на палестинских арабов, ни пессимистических его взглядов на деятельность иерусалимской иерархии в этом случае. Самых арабов аноним рисует людьми жалкими, заслуживающими лишь презрения. «Об изумительной стойкости в Православии горсти мнимо-арабов лучше было бы не упоминать: твердые в вере не отказываются и от своей национальности (эллинства). Вот, между прочим, какой отзыв о стойкости мнимо-арабов дает патриарх Никодим. “Иноверная пропаганда поддерживается характером местного населения, которое легко идет на денежную приманку”. А вот другой отзыв, заимствованный из иностранных источников: “Характер арабов, для которых деньги – бог, показал мне путь, по которому я должен был действовать” (из отчета латинского патриарха). “Перемена религии у туземцев Палестины и Сирии вещь весьма обыкновенная и составляет результат корыстолюбия и любопытства. Какое исповедание больше платит, к тому больше и идут” (из греч. газеты “Неологос”). В. Н. Хитрово, секретарь Палестинского общества, так характеризует арабов: “Если ему выстроят дом, омебелируют, все это подарят, он все-

таки протянет руку и попросит бакшиш за то, что принял подарок. Араб спит с протянутыми двумя руками. Если бы у него их было десять, он бы все их протянул – был бы тем (по исповеданию), кто больше ему даст, и до тех пор, пока другой не даст больше» («Новые поборники...». С. 49–51). Что касается храмов у арабов, «то если они и пришли в плачевный будто бы вид, это уж никак не по вине патриархии, а в виду явной и недобросовестной беспечности самих туземцев, которые не хотят содержать ни священников, ни храма. А между тем на всем Православном Востоке, кто же, как не сама паства, содержит архиереев, духовенство, богадельни и больницы? На каком же основании для туземцев Палестины все эти учреждения должна содержать патриархия?» (С. 124). Аноним не находит также оснований возлагать попечения о школах для арабов на палестинскую иерархию. «В то время, – говорит он, – как “поборники Православия” осуждают патриархию в недостаточном устройстве школ в Палестине, Православное Палестинское общество в седьмом отчете признает, что для местного населения школы, как женские, так и мужские, не составляют сознательной потребности. Это, скорее, для них предметы роскоши или подражания. Чтобы школа действительно приносила пользу, безусловно, необходима здоровая народная литература, которая могла бы питать вышедшее из школы поколение. Такой литературы на арабском языке не существует; отсюда понятно, что раз выйдя из школы, ученик скоро забывает все то, чему он в ней учился. Ввиду такого положения, собственно, потребности в школе нет» (С. 67). Автор доказывает, что и сами арабы равнодушны к школе: даже богатые между ними не дадут денег ни для устройства школы, ни для ее поддержания, а детей своих они без всякого смущения отдают в какой-нибудь французский пансион в Бейруте или еще где-нибудь.

Наконец, укажем то, под каким углом зрения смотрят два разбираемых нами автора на отношения греческой иерархии к русским паломникам и русским деятелям в Палестине. Г-н Соловьев в отношениях греческой иерархии усматривает корыстолюбие, алчность, недоброжелательство и стремление

стать посреди дороги. Анонимный же автор утверждает, что греческая иерархия относится к русским или хорошо, или, по крайней мере, так, как позволяют политические обстоятельства. Например, г-н Соловьев упрекает греков за эксплуатацию русских паломников, за то, что греческая патриархия позволяет русским ходить по святым местам лишь под смотрением греческих духовных, а русских священников при этом устраняет, не давая им права руководить соотечественников; при таких обстоятельствах паломники обязываются выслушивать объяснения полуграмотного грека, еле говорящего по-русски. Цель такого распоряжения – обирательство русских в пользу греков (С. 144). Аноним отрицает заявления г-на Соловьева. Он пишет: «Ни в патриархии, ни в греческих монастырях Палестины никаких вымогательств греческие монахи русским паломникам не делают; а принимают их с полным дружелюбием, гостеприимством, и если русские, по свойственной им доброте, не остаются не признательными за ласку и разные угощения, то в этом автор совершенно напрасно винит греков». А о греческих монахах, сопровождающих паломников, аноним утверждает, что «по-русски они говорят не хуже самого автора», т. е. г-на Соловьева (С. 108–109). Г-н Соловьев винит греческих духовных в том, что они мешают русским строить храмы в Палестине для туземцев, что эти духовные поставляют в этом случае разные условия, стеснительные и придирчивые (С. 149). По поводу подобных обвинений аноним говорит: «Греческий клир разумно настаивает, чтобы всякое дело в этой стране, имеющее какое-либо отношение к Православию, производилось по предварительному соглашению с патриархией, которая одна ответственна за все перед властями Оттоманской империи» (С. 138). Или аноним пишет: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Русские, как православные, в Св. Земле должны подчиняться главе Иерусалимской церкви, патриарху, без ведома и воли которого даже русское духовенство в Палестине не может что-либо творить или действовать». И т. д., и т. п.

Но довольно примеров. Разбирать, кто прав – г-н Соловьев или аноним, мы не будем. Дело это неясное. Однако же, можно смело надеяться, что русское Палестинское общество,

издающее книги и повременные «Сообщения», с течением времени вполне разъяснит это дело. Уже и теперь из «Сообщений» Общества мы знаем так много о палестинских школах для арабов, что имеем возможность представлять себе мальчуганов-арабчат и девочек-арабок не только целыми группами, но и поодиночке, с их характерами, склонностями, шалостями, детскими добродетелями и пр. Значит, можно уповать, что со временем мы будем прекрасно знать и греческую иерархию в Палестине и ее деятельность, и нравы, и разные ее отношения. Это задача «Сообщений» Общества, которое, по-видимому, не хочет уклоняться от ее выполнения.

Несколько сведений из истории нравов греческого высшего духовенства в турецкий период¹³

Отзыв греческой Кормчей книги. – Пути, ведущие к архиерейству. – Общие условия, среди которых протекала жизнь архиереев: взаимные их отношения; крайнее средство; кровавый случай; оскорбления действием; происшествие особого рода. – Отношения архиереев к духовенству вообще: из дел палестинских, румелийских, критских, опять румелийских. – Отношения архиереев к пастве: похвальная близость их к пасомым; теневые явления: факты в последнем роде – константинопольские, болгарские, румелийские, иерусалимские. – Домашняя жизнь архиереев. – В погоне за материальными средствами. – Безместные греческие архиереи. – Титулярные греческие архиереи. – Одна аналогия.

В законодательной книге Греко-Восточной церкви настоящего времени, в так называемой «Кормчей» книге, встречаем совершенно неожиданно следующего рода сетование: «Читай и поскорби, брат, о пренебрежении таких и стольких правил. Симония ныне так укоренилась и действует, что как будто бы считается добродетелью, а не богомерзкой ересью. Конечно, придет в недоумение тот, – замечается здесь далее, – кто с точки зрения св. канонов обзрит церковные дела настоящего времени; он не найдет в них ни малейшего подобия делам прежних времен. Ныне все клирики противозаконно получают свою степень, противозаконно же живут и так и умирают. А мы остаемся в бесчувствии и еще постыднее беззаконничаем»¹⁴.

Действительно, получаются печальные виды, если рассматривать современное положение высшей иерархии «с точки зрения священных канонов», как делает греческая Кормчая. Но не лучшие виды открываются, конечно, и с точки зрения истории. Достойное осуждения с точки зрения церковных правил является непохвальным и с точки зрения церковного историка.

Одним из важнейших неблагоприятных условий, содействовавших появлению нравственной порчи в среде членов высшей иерархии Греко-Восточной церкви, было до последней степени неразборчивое замещение архиерейских кафедр. Московскому митрополиту Филарету в 60-х гг. приходилось однажды читать следующее сообщение по указанному поводу. «Несколько геронтов (а геронтами в то время назывались члены Константинопольского синода, облеченные особенными полномочиями по делам церковным), большей частью, чтобы не сказать – всегда, раздавали архиепископства (т. е. вообще архиерейские кафедры) своим любимцам и своим тварям (курсив в документе), так что архиерейские кафедры не были более наградой за добродетели и способности, а покупались часто ценой личных услуг и доставались в удел лицам, не всегда обладающим требуемыми качествами»¹⁵. Кто здесь именуется презрительным наименованием «твари», не указано; но нет сомнения, что им обозначаются в данном случае разные приспешники, льстецы, прихлебатели, вообще любимцы, которых возводили геронты в архиереи менее всего «за добродетели», а потому, нисколько не удивительно, если они оказывались потом «не обладавшими требуемыми качествами». Не за добродетели и не за способности, ясно обнаруженные, избирались те или другие лица в архиереи, а большей частью – взамен таковых качеств – за деньги, по подражанию еретику Симону, как говорится и греческой Кормчей. Один тонкий соглядатель восточных церковных дел писал (в 40-х гг. XIX в.): «Восточное духовенство пребывает во тьме невежества. Кто из духовных получил лучшее воспитание до греческого первого восстания (в 1821 г.), тот не имеет ходу в иерархии, потому что все епархиальные места, высшие и низшие, продаются тем, которые богаче других. А ученым нет возможности наживать богатства в школах». Тот же писатель, в частности об Иерусалимском патриархате, замечает: «Все денежные сборы таксилдаров (сборщиков) для Гроба Господня присылаются к патриарху Иерусалимскому. А кто больше соберет денег и из своей половины (очевидно, сборщик имел право на половину

собранных им денег) даст значительную сумму патриарху, тот и в епископа возводится»¹⁶. Из рассказа, который мы сейчас приведем и который находим все у того же вышеуказанного наблюдателя восточных дел, ясно открывается, что не школа науки отверзала двери к архиерейству, а гораздо вернее вела сюда школа раболепства и низкого ласкательства. «В Анатолии при одном архиерее жил молодой и бойкий диакон; нередко бивала его папучами (туфлями) герондисса владыки¹⁷ за его шалости и непослушание ее капризам. Диакон терпел и выговоры, и капризы, и побои от герондиссы, потому что боялся быть выгнанным из дома и потерять право на архиерейство. У нас такой порядок, – разъяснил нашему писателю один греческий иеродиакон, – кто из нас безропотно выносит нечистоты из спальни герондиссы владычной и стоит неподвижной статуей, когда она бьет по щекам своими туфлями или чем попало, тот и умен, и добр, и свят у нас, тот и в архиереи попадет, если, впрочем, сумеет и успеет нажать несколько тысяч пиастров».

Затем наш рассказчик снова возвращается к повествованию о вышеуказанном «бойком» диаконе и пишет: «Диакон терпел и не зевал: правдой и неправдой наживал, копил денежки. Но в сердце своем таил намерение уйти от владыки тайно при первом удобном случае и при первой удачной краже денег из шкатулки преосвященного. Случай такой и представился. Герондисса владыки занемогла опасной болезнью. Преосвященный, ухаживая за ней, однажды в хлопотах забыл под подушкой ключи. Дიაкону то и на руку. Мгновенно он отпер заветный сундук и похитил давно подмеченную шкатулку с турецкими червонцами – и давай Бог ноги! Убежал в Молдавию и оттуда спустя года два явился в Константинополь и за деньги купил себе здесь архиерейство»¹⁸. *Finis coronat opus!* Каков должен был выйти архиерей из низкого лакея и человека, запятнавшего себя уголовным преступлением, – кражей больших денег – представить себе нетрудно.

Случалось иногда и так, что известного монаха делали архиереем единственно потому именно, что он оказывался никуда не годным. Дальше идти было, кажется, уже некуда. В

40-х же гг. Селевкийскую митрополию в Антиохийском патриархате занимал архиерей Иаков, бедуин, пахнувший псиной, круглый невежда, серьезно вопрошавший одного русского, когда он узнал, что этот приехал из России, «умеет ли он говорить по-русски», и настолько равнодушный к своей пастве, что не ведал, сколько православных душ в его епархии, и что говорил, как о деле самом обыкновенном, о переходе некоторых его пасомых в турецкую религию. Спрашивается, каким образом такой человек мог сделаться митрополитом, и находим ответ в высшей степени изумительный: «Преосвященный был сначала игуменом монастыря пророка Илии и – дурным. Чтобы избавиться от него, сделали его архиереем»¹⁹.

Такие-то пути ведут иногда к архиерейской кафедре в Греко-Восточной церкви.

Из немалочисленных фактов (некоторые из них будут упомянуты несколько ниже) открывается, что греко-восточному высшему духовенству всегда жилось вообще недурно. Народ у него был почти до последнего времени в таком подчинении, на какое только мог рассчитывать смертный человек. Нельзя не сказать, впрочем, и того, что это духовенство как бы для вознаграждения народа за его повиновение держалось к нему очень близко и нисходило почти до товарищеских отношений. «Восточные архиереи, обзревая свои епархии (всегда, добавим, очень не обширные), в селах посещают каждый дом и каждую овцу кличут по имени, живя, таким образом, народом, с народом и для народа»²⁰. Близость греческого высшего духовенства (и, конечно, низшего) к народу, – от чего бы ни зависело это явление, – составляет одну из привлекательных сторон в его жизни. На турок архиереи особенно пожаловаться тоже не могут: они всегда относились с почтением к архиерейскому сану. Даже самые гордые паши, привыкшие вставать с места лишь при встрече с другими пашами, поднимаются с дивана и для архиерея, если последний сделает ему визит или придет по делам к турецкому сановнику²¹.

Довольный своей паствой (так было, по крайней мере, почти до последнего времени) и почитаемый своим мирским

начальством, греческий архиерей должен был бы жить благодушно и мирно. Но это не всегда случается. Не просвещение, темные пути, какими достигается архиерейское место, интриги, при помощи которых архиерею часто только и удается прочно восседать на занятом раз месте, вносят в быт и нравы высшего греческого духовенства много непривлекательного, таких черт, которые характеризуют дурно воспитанных людей и с шаткими убеждениями.

Греко-восточный архиерей никогда не мог быть уверен ни в том, что его положение прочно, ни в окружающих его лицах. Мотив, которым управлялась жизнь архиерея, – это деньги, которые нужны ему на всякий случай²² и нажить которых каждый из них старался как можно больше. Уже одно это составляет грустное явление в жизни греческих архиереев. К этому же присоединяется честолюбие, которое, как известно, тем назойливее, чем менее образован известный честолубец, деспотизм и т. д. Почти все взаимные отношения архиереев носят характер слишком непривлекательной борьбы за существование с ее грубыми атрибутами. Часто архиерей, по каким-либо причинам открывающий в своей епархии место викарного епископа, вместо ожидаемого себе помощника находил в лице последнего соперника, пускающего в ход все интриги для смещения своего принципала; и случается, что в конце концов летят с места, теряют свои кафедры и тот, и другой из них: и обманутый, и обманщик²³. Нередко возникало у того или другого епархиального архиерея стремление увеличить размеры своего архиерейского округа за счет соседнего (разумеется, из корыстных видов); начинались неприглядные: хлопоты, появлялось искательство перед магометанскими властями, в обход духовных инстанций. И все это при тогдашних порядках оканчивалось неожиданным образом: выигрывала больше всего турецкая власть, пользуясь случаем нагреть свои руки²⁴.

Разочарование греческих архиереев, если они почему-нибудь бывали не в состоянии добиться каких-либо честолубивых или корыстолубивых целей, выражалось иногда (хотя, конечно, и очень редко) в том, что архиерей сбрасывал

свое архиерейство – и делался мусульманином. Один из таких случаев произошел, например, в XVII в. В митрополиты о. Родоса был поставлен некто Мелетий, когда он был еще очень молод, так что, по выражению нашего источника, не имел еще и бороды. Этому Мелетию потом вошла в голову блажная мысль сделаться патриархом Константинопольским. Начал он добиваться этого сана в Константинополе, но обстоятельства ему не благоприятствовали. Турецкие власти, около которых увивался Мелетий, хлопоча о патриаршестве, обратили его честолюбивые взоры на другую сторону. Мелетий был очень красив, имел черную густую бороду, ясные очи и вообще был очень статен. Этот-то внешний его вид и расположил к нему турок. Турецкая власть посоветовала ему порвать связи с христианами, отурчиться, обещая в вознаграждение звание и должность паши. Легкомысленный Мелетий не думал бороться с прельщениями. И когда он побоялся принять на себя должность паши, так как знал, что паши редко умирают своей смертью, то ему предложили другую должность – какого-то килчибаши. И вот Мелетий после восьмилетнего митрополичьего служения сделался каким-то турецким килчибашой²⁵. Архиереи, как видим, случалось, не только ни во что не ставили свой сан, переменяя его на турецкие должности, не брезгуя при этом и мусульманской верой, и таким образом глумились над всем сонмом прочих архиереев, над синодом и патриархом; но некоторые из первопрестоятелей Греческой церкви отваживались на тайное и даже явное убийство своих собратий – архиереев. О патриархе Иерусалимском Паисии, столь известном в истории Русской церкви (по делу патриарха Никона), в свое время держалась крепкая молва, что он, по разным соображениям (между прочим – вследствие неладов с ним), принимал живое, хотя и не личное участие в убийстве тогдашнего Константинопольского патриарха Парфения II, – в каковом деле был замешан и бывший же Константинопольский патриарх Иоанникий II, предшественник убитого. История нашего времени не имеет оснований очищать Паисия от такого ужасного преступления²⁶. После этого никто не найдет ничего удивительного в том, что архиереи в распрях между собой

нередко доходили до кулачной расправы с врагами из своих же собратий. Что подобная кулачная расправа встречалась в отдаленные века, в этом едва ли кто усомнится, когда мы укажем, что даже в 60-х гг. XIX в. греческие архиереи дрались, как нетрезвые люди, и ни где-нибудь в кофейной, а публично, в торжественном церковно-народном собрании в Царьграде. Летописец отмечает: «Митрополит Дринопольский набросился на митрополита Амасийского и схватил его за платье на груди. Епископы наносили удары епископам. Крики привлекли посторонних». Когда приснопамятному митрополиту Филарету донесли об этом редкостном событии, он говорил: «Что думать об этом? Чего ожидать? Закроем ли глаза? Заградим ли слух? Но это бесполезно. Они постарались сделать невозможным, чтобы это печальное зрелище закрыто было завесой молчания»²⁷.

Таковы турецкие архиереи!

Описывая среду греческих архиереев, мы не можем не указать еще одного факта, очень характерного, возможного только в христианской Церкви в Турции. Вот это небывалое в летописях христианской Церкви происшествие. На одном из Ионических островов в Левкаде, в отсутствие и за болезнью местного архиерея несколько времени служил и рукополагал один епископ с близлежащего материка, выдававший себя за архиерея, изгнанного турками. Но перед смертью этот самый «святитель» сознался, что он магометанин²⁸. Таким образом, мы встречаем самозванца-епископа из чистейших мусульман! Происшествие это относится к концу XVIII или началу XIX в. И этот факт случился там, где существует Христова церковь и где имеется налицо патриарх, синод, многочисленный архиерейский сонм. Где же они были в это время? И за чем именно блюли? Свежо предание, но верится с трудом...

Если много ни с чем не сообразных вещей встречается в среде греческих архиереев, взятой самой по себе; если взаимные отношения архиереев позволяют желать очень и очень многого, то еще менее красивыми покажутся эти архиереи, как скоро мы захотим всмотреться на их отношения к подведомому им клиру.

Греческие архиереи в Палестине – кстати сказать, люди совершенно невежественные – держали себя надменно и неприступно в отношении к местным священникам-арабам, своим ставленникам. Просьбу архиерею бедный священник мог передать только через драгомана. Лично архиереи не принимали этих священников, боясь, как бы не уронить таким образом своего архиерейского достоинства. Если священник желал войти к архиерею и стучался в двери архиерейского жилья с обычными словами: «Молитвами св. отец...», то получал в ответ от архипастыря: «Ступай вон», «Прочь, подлец» и т. п.²⁹. Они смотрели на своих священников как на презренных рабов. – Случалось, что все отношения между архиереем и священниками исчерпывались тем, что эти последние платили, а тот получал. Архиерей брал деньги со священника, когда этот последний чем-нибудь разгневал своего владыку, хотя бы в действительности священник и не был виноват. Он же, архиерей, если находил удобным, кроме обычных обязанностей священника навязывал ему какие-либо посторонние заботы, например пропитывать каких-либо архиерейских родственников в деревне и т. д. Деньги и только деньги так высоко ценились архиереями в Турции, что они не прочь были извинить и простить какое угодно преступление священника по службе – лишь бы священноначальник так или иначе был вознагражден. Представим факт очень поучительного свойства. «Было и не было» – так начинается свой рассказ наш повествователь, т. е. он хочет сказать, что факт превосходит всякое вероятие и кажется небылицей. «У одного властного и зажиточного турка на о. Крит издохла любимая собака. Тогда он позвал себе местного священника и приказал ему похоронить ее по христианскому обряду. Волей-неволей священник исполнил его приказание. Узнал это местный архиерей и запретил ему священнослужение. Бедный, злополучный поп, припав к ногам вышеуказанного турка, целовал полу его платья, умолял его сходить ко владыке и испросить у этого прощение ему. Турок положил некую сумму денег на тарелочку, пошел к архиерею и, входя в его комнату, согнулся в дугу, а тарелочку держал на своей голове. Архиерей увидел деньги и смекнул, что

они предназначены ему. Когда же турок стал просить его о помиловании священника, он отвечал ему: “Я наказал попа не за то, что он отпел твою собаку, а за то, что он не пригласил меня на ее похороны”. Наказание было отменено»³⁰.

Архиерейское мздоимство и архиерейский гнев в случае, если подчиненное ему духовное лицо не платило того, что требовал от него владыка, иногда приводили к печальным последствиям. Вот рассказ в таком роде. «Один игумен, он же и сельский священник (что нередко бывает на Востоке), имел в своем пастырском управлении монастырь и несколько селений. Недовольный этим священником-игуменом, местный архиерей потребовал от него без всякой основательной причины ежегодной платы по 2000 пиастров. Игумен отказался. Тогда архиерей решил отомстить ему. И случай к тому представился очень скоро. Около монастыря этого игумена раз нашли мертвое тело. Турецкая полиция возвела на него обвинение в укрывательстве убийц. Архиерей мог легко очистить своего клирика от всяких подозрений, дав за него ручательство перед властями. Но архиерей по неудовольствию на него не хотел сделать этого. Игумен попал в тюрьму и 8 лет сидел здесь. Наконец, выведенный из всякого терпения, игумен решился принять мусульманскую веру. И вот собирается экстренный меджлис, на который явились свидетелями и некоторые архиереи. В присутствии всех ренегат снял с себя камилавку и бросил ее в лицо своему бывшему архиерею. Архиерей и глазом не моргнул. Что же дальше? Экс-священник, освободившись из тюрьмы, принял обрезание, переименовался Ибрагимом-эффенди, женился на своей родственнице, стал получать 500 пиастров ежемесячного жалованья и служить в губернской полиции чиновником». «Вот так нравы! – прибавляет повествователь, у которого мы нашли рассказ. – Но по правде сказать, – присовокупляет еще тот же повествователь, – ни одного тут нрава нет; тут одни деньги. Даже страсти нет, которой еще если не извиняется, то объясняется много. Тут какая-то, так сказать, травля зверей двуногих людьми четвероногими»³¹. – Подобного рода отношения архиереев к подчиненным им

священникам едва ли кто назовет нормальными, принимая во внимание сейчас изложенные факты.

Больше светлых сторон в быте архиереев, если рассмотреть их отношения к мирянам. По разным причинам архиерей не стоит так далеко от мирян, как, например, у нас. Архиерея знают его духовные дети, и он знает их. Как мы упоминали выше, едва ли это не лучшая черта из всего, что мы можем сказать хорошего о греческих архиереях. Но и эта лучшая сторона все же имеет свои затененные места, а пожалуй, и пятна. Архиереи очень немного заботятся о духовных нуждах своих пасомых. Они не особенно любят даже служить литургию, а иногда и совсем живут вдалеке от своей богохранимой паствы. Известно, что по установившемуся правилу Константинопольский патриарх совершает литургию не за деньги не больше трех раз в год: на Рождество, в Неделю Православия и на Пасху³². Я же, со своей стороны, слышал, что патриарх Дионисий, умерший в 1891 г., служил безвозмездно только раз в год – в день Пасхи³³. Для того чтобы оценить значение этой небрежности о пользе пасомых, нужно припомнить, что древнейшие архиереи служили каждый праздник в своей епископской церкви. – Еще оригинальнее поступали и теперь поступают такие греческие провинциальные архиереи, которым доходы с их епархий нравились, а сами епархии не нравились, так что они предпочитали жить в Царьграде. Вот как, например, поступил один из таких архиереев. В середине XIX в. один греческий архиерей в Болгарии очень скучал, живя в маленьком и глухом провинциальном городе, все стремился попасть на жительство в более приятную для него столицу. Наконец он обратил внимание на одного расторопного и неглупого болгарина-диакона и добился того, что этого последнего сделали викарным архиереем при его кафедре. Лишь только это случилось, епархиальный преосвященный уехал в Константинополь, а епархия начала интересоваться владыку лишь как поместье, дающее ему известные доходы. Управление епархиальным делом было возложено на викария-болгарина с тем, чтобы он ежегодно доставлял своему принципалу 2000

турецких лир, т. е. более 16000 рублей. Так продолжали идти дела около 10 лет³⁴.

В личных отношениях с пасомыми архиереи иногда не держались границ благоразумия, но заходили слишком далеко в выражении своего архипастырского гнева, — что иногда сопровождалось некоторыми невыгодами и для архиерейского кошелька. Раз был такой случай. Один греческий владыка, вмешавшийся в тяжбу разведенных мужа и жены, отказал невинно пострадавшей жене в определенной ей по закону пенсии от мужа. Эта женщина с горя помешалась. За нее заступился один из местных чорбаджей (старшина; конечно, он был христианин). Архиерей, не стерпев такого вмешательства, отлучил его от Церкви. Чорбаджи, несмотря на это, в первый же праздничный день пришел в церковь к обедне. Архиерей, увидев отлученного в храме, кинулся на него с жезлом, ударил и сломал жезл. Чорбаджи не замедлил отправиться в Константинополь с жалобой кому следует. Владыка, со своей стороны, тоже не дремал. Он нашел возможным возвести обвинение на чорбаджи — серьезные обвинения в несоблюдении общественных интересов. Дело разгорелось. Тушить его пришлось уже не одному чорбаджи, но и архиерею. Бедняк старшина сильно издержался, ездив в столицу и хлопоча там; но и владыка издержался, — да еще как издержался, — давая взятки кому следует...³⁵ Да и все они, т. е. архиереи, таковы, добавляет рассказчик, один хуже другого, все варились в том же караказане, т. е. черном котле янычар³⁶.

Если так обращались архиереи с почетными членами общины, облеченными властью старшинами, то, без сомнения, еще менее они церемонились с простыми мирянами, если наперед были уверены, что сами они останутся безнаказанны. Они не стеснялись ни местом, ни временем, допуская кулачную расправу в минуту гнева и раздражения. Наш Арсений Суханов в Палестине был свидетелем такого факта. Ни какой-нибудь невежественный захолаустный архиерей, а сам Иерусалимский патриарх однажды во время торжественной вечерни в церкви приказал диакону прибить христианина-араба — хлестать по

щекам и бить по голове, потом плетью ударять в лицо, «а неведомо за какую вину», – прибавляет очевидец³⁷.

Домашняя жизнь греческих архиереев протекала в довольстве и среди многих утех. Есть свидетельства, из которых, пожалуй, можно бы выводить заключение, что бедность и недостатки составляли в прежнее время печальный удел греческих архиереев; но эти свидетельства стоят одиноко и не имеют того значения, какое им можно приписывать с первого взгляда. Так, Арсений Суханов очень изумлен бедностью патриаршего подворья по сравнению с католическими монастырями в Константинополе. Он с заметным сокрушением пишет: «Патриаршие дворы (в Константинополе) с малыми воротами, якобы калитка»³⁸. Но нужно сказать, что патриаршее подворье не блещет великолепием и в настоящее время. И вообще греческие архиереи придерживаются русской пословицы: «Не красна изба углами, а красна пирогами»³⁹. Другой свидетель, знаменитый патриарх Иерусалимский Досифей, XVII и XVIII вв., в своих посланиях к русскому двору писал: «Архиереи греческие – нищие, как это и прежде было; платье дорогое духовным лицам непристойно». «Расходы наши (архиереев) равны с расходами какого-нибудь игумена маленького монастыря; и на всю одежду нашу не изойдет и пятисот асперов» (мелкая медная монета)⁴⁰. По поводу этих слов Досифея нужно сказать, что греческие преосвященные, если писали в Россию, то всегда старались рисовать свое положение самыми печальными чертами; разумеется, для того, чтобы разжалобить щедролубивую Россию; притом, нужно полагать, что слова эти говорятся в укоризну русских архиереев, которые всегда одевались очень роскошно по сравнению с греческими.

Войдем в покои греческого архиерея не фантастического, а действительного. В приемной комнате мы найдем широкую турецкую софу, а на ней подушки из сирийского разноцветного шелка; необходимую принадлежность благоустроенного жилища на Востоке составляет бронзовая жаровня; ее вы тоже найдете в приемной архиерея; жаровня эта у него вся литая, на красивых львиных лапках и такая огромная, что три человека

едва могут поднять ее. Если поинтересуемся узнать, что находится в буфетном шкафу архиерея, то мы узрим желе из айвы, щербет розовый; кофейный и розовый лист и орехи с гвоздикой⁴¹, и, само собой разумеется, ароматное вино. Если же пожелаем познакомиться с поварской архиерея, то найдем там гусей, цыпленка и поросенка. Греческие архиереи, как известно, разрешают себе скоромную пищу по тому основанию, что они в настоящие монахи не посвящаются, а остаются навсегда рясофорными, хотя и возлагают на себя монашеские принадлежности. И этот обычай соблазнять нас не должен. В одежде архиереи любят разнообразие, и некоторые из них часто переменяют свои платья⁴². Значит, гардероб их богат и дорог. В прежнее время архиереи иногда украшали свою голову чалмой, этой красивой принадлежностью турецкого костюма, причем они в свое оправдание ссылались на принуждение со стороны турок, но эта отговорка лишена всякого значения⁴³.

В помещении греческого архиерея встретишь еще – чего совсем не ожидаешь – экономку, или сожительницу. Эти личности женского пола носят различные наименования: герондиссы, коконы⁴⁴, параманы⁴⁵, проще: наложницы⁴⁶, а деликатнее – «преосвященные монахини»⁴⁷. Таких особ женского пола держат не одни архиереи, но и другие клирики, так как безбрачными в Греции остаются не только патриархи, епископы и архимандриты, но и некоторые приходские, городские священники и даже диаконы⁴⁸. Деятельность параман, преосвященных монахинь – или как хотите их назовите – заключается в следующем: они готовят любимые его блюда, омывают его святительские ноги, стелют ложе, варят варенье, повязывают черный платочек поверх камилавки, когда архиерей выходит из дому⁴⁹ и пр. Некоторым греческим архиереям иногда приходится выслушивать укоризну, что герондиссы их служат соблазном для христиан. В таком случае соблазняющийся может услышать следующие слова от архиерея: «И ап. Петр водил с собой сестру – жену, а мы преемники его. Самому Господу служили жены; почему же и нам не принимать их служения и послушания? Не мы первые ввели обычай принимать в свои

келии герондисс; это уже издавна ведется. Зло меньшее все же лучше зла большего (?!). Но пусть мы, по-вашему, любодееи, блудодееи, мы отдадим в этом отчет Богу»⁵⁰. Нужно признаться, что подобная апология не только не успокаивала соблазняющихся, но иногда даже приводила их в ужас. Содержание кокон, или наложниц, иногда дорого обходилось архиерею: они любят деньги; любят зрелища; нуждаются иногда во врачебном искусстве. Часто они достигали большого значения в самой административной деятельности архиерея⁵¹. Этого рода соблазном дело, впрочем, кажется, не ограничивалось в жизни греческих архиереев. Преосв. Порфирий, описывая свое посещение греческого архиерея Анфима, жившего на покое, обратил внимание на следующее обстоятельство: «Ему (Анфиму) прислуживают, – пишет преосвященный автор, – два редких красавчика: один лет семнадцати, а другой двенадцати. Я не спросил: кто они таковы, а потому не дерзаю назвать их постельничими. Осуждать ближнего легко и грешно. А ребята – кровь с молоком»⁵². Что хочет сказать преосв. Порфирий этими полунамёками – ясно и без дальних разъяснений. – Митрополиты и прочие архиереи, не исключая патриархов, всегда на Востоке не считают грехом курить табак, играть в карты и шахматы⁵³.

В Турции православные архиереи, как само собой разумеется, никакого жалования от правительства не получают. А между тем, как мы видели, турецкие архиереи, – как и прочие их собратия в других странах, поставленные в более благоприятные правовые условия, – желают жить и живут по-архиерейски, т. е. в довольстве и с комфортом, нередко излишним. Откуда же они достают средства на это? Нет никакого сомнения, что для достижения этих материальных средств требуется с их стороны много напряжения сил и много же изобретательности. История и в самом деле показывает, что греческие архиереи турецкого периода достигали указанной задачи, пуская в ход и то, и другое.

Если мы изучаем положение христианских пастырей древней Церкви, преимущественно первых пяти веков, то мы

встречаем множество фактов, свидетельствующих о замечательно широком религиозно-умственном развитии их и разнообразной их деятельности, направленной к нравственному усовершенствованию паствы; и при этом почти не встречаем никаких сведений, указывающих, как жили те же пастыри в материальном отношении и откуда брались средства к их содержанию? Совершенно обратное явление замечаем, когда изучаем жизнь пастырей Греческой, главным образом Константинопольской, церкви турецкого периода: о споспешествовании их религиозно-умственному и нравственному усовершенствованию паствы говорится в известиях очень мало, а напротив – историк находит очень большое количество фактов, рисующих картину материальной стороны в жизни этих пастырей, в особенности в ближайшие к нам века. Не служит ли это явление знаком, что пастыри Константинопольского патриархата изучаемых нами времен начали отдавать в своей деятельности предпочтение интересам низшего порядка перед интересами высшими и духовными? Правда, начало рассматриваемому явлению положено не в турецкий период, а много раньше – еще во времена византийских императоров, но все же это самое явление тогда не так выступало вперед, как теперь, т. е. в исследуемые нами времена Греческой церкви.

Первые определенные известия относительно способов, которыми достигалось материальное обеспечение Константинопольской патриархии – самого патриарха и подведомых ему епископов, – находим в середине XVII в. у греческого писателя Христофора Ангела⁵⁴. Но автора нужно признать слишком пристрастным к Греческой церкви. В самом деле, он ни словом не касается ничего такого, что могло бы служить в рассматриваемом отношении к порицанию Константинопольской патриархии. А между тем фактов в подобном роде было немало и в XVI, и XVII вв. Укажем на некоторые из этих фактов, так как недостаточно быть благожелательным к Греческой церкви в ее истории, но нужно быть и правдивым в оценке явлений, из которых складывается эта история. Константинопольские патриархи, как оказывается, не

довольствовались обычными неблаженными, но очень скромными источниками доходов, а открывали для себя еще другие источники этих доходов, не заслуживающие похвалы. По известиям Рико, члена английского посольства при Порте, в XVII в., Константинопольские патриархи весьма легко давали разрешения на развод известной супружеской пары, как скоро патриарх получал за подобное разрешение достаточную сумму денег, причем разведенному мужу дозволялось беспрепятственно вступать в новый брак. Что касается простых или рядовых архиереев, то, по известиям того же Рико, одним из очень благоприятных случаев для них противозаконно поживиться за счет паствы было избрание и провозглашение нового патриарха в Константинополе. Провозглашение нового патриарха всегда вело к тому, что архиереи, принадлежащие к патриархату, должны были посылать известное количество денег в патриаршую казну, которая при указанных случаях сильно опустошалась не только турецким правительством, но и разными временщиками из греков, вроде Михаила Кантакузина (в конце XVI в.). Всякое назначение нового патриарха давало архиереям повод, собирая деньги в пользу нового патриарха, не забывать и собственных своих интересов, т. е. взимать с паствы и священников подаяния в большей мере, в расчете остаток от взноса по назначению употребить в свою пользу⁵⁵.

Если верить западным писателям той эпохи, то иногда в качестве епитимьи греческими архиереями взимались деньги, смотря по тяжести греха. Самое таинство покаяния для греческого духовенства рассматриваемых веков сделалось, значит, доходной статьей. Уверяют, что будто у них существовала такса, которой определялось: за сколько денег следовало прощать тот или другой тяжкий грех христианину, причем разрешение давалось только в случае полной уплаты пошлины сообразно таксе⁵⁶. Мы не думаем, чтобы вышеприведенные известия о злоупотреблениях греческого духовенства были преувеличены; как увидим впоследствии, т. е. несколько позднее, это же духовенство позволяло себе делать еще и не такие вещи. Нелишне также напомнить читателю, что симония почти не переставала цвести в те века, о каких теперь

у нас идет речь. Нередко случалось, что архиереи, боясь церковных прещений против симонии, пускались на хитрости, обходили вновь постановляемые законы против симонистов тем способом, что за хиротонию они и в самом деле денег не брали, но зато удваивали эмватик, т. е. обычную плату за право иметь известное место и проходить должность. Недаром известный Мелетий Пигас, патриарх Александрийский, некоторое время в конце XVI в. управлявший на правах наместника Константинопольским патриархатом и потому имевший возможность наблюдать состояние греческой иерархии, говаривал: «Те, которые должны быть руководителями прочих, сами совершенно слепотствуют. Стал у них свет тьмой, церковь сделалась торжищем. Иерейские и архиерейские чины считают не призванием к евангельскому учительству, а путем к корыстной наживе. Пастыри Израилевы торгуют человеческими душами в угоду своим страстям. Надлежало бы, чтобы сам Христос явился и трехплетным вервием опять изгнал из церкви этих торгашей божественной святыни. Вот ты, иерей и архиерей, и между тем погружен в денежные счета, ищешь прибыли, перебираешь мелкие деньги, устанавливаешь сборы, отовсюду стягиваешь в свою мощну (?), чтобы всячески наполнить ее». «О треклятые порождения Искарота, не продается ли вами Христос?!»⁵⁷. Так говорит Мелетий о конце XVI в., но, без сомнения, его слова справедливы не только в отношении к этому веку.

Константинопольские патриархи, как хорошо это известно, переводили архиереев с места на место в видах своекорыстных, но это еще не крайняя степень патриаршей финансовой изобретательности. По наблюдениям одного путешественника начала XVII в.⁵⁸, те же патриархи лишали без всякого колебания кафедр тех или других митрополитов, как скоро являлись кандидаты, предлагавшие патриарху за то или другое архиерейское место бóльшую сумму денег. Случалось, те же патриархи поступали еще бесцеремоннее с подчиненными им архиереями: они безо всякой причины, под каким-нибудь самым незначительным предлогом, лишали того или другого архиерея принадлежащего ему сана – и архиерей, для того

чтобы восстановить себя в прежнем достоинстве, должен был ехать в Константинополь и выхлопывать себе восстановительную грамоту. Разумеется, грамота эта давалась не даром⁵⁹. Вот образцы небезгрешных доходов Константинопольских патриархов старого времени!

В некоторого рода оправдание Константинопольских патриархов можно указать, пожалуй, на то, что расходы честолюбивых кандидатов, домогавшихся столичной кафедры, иногда достигали необычайно большой суммы денег. Преосв. Порфирий (Успенский) при одном случае говорит о некоем греческом архиепископе: «Что если он не пожалеет миллиона пиастров и отсыплет их матери султана (валиде) и ее любовнику, то сделается патриархом» (Сырку П. А. Описание бумаг епископа Порфирия. С. 35). Значит, встречались и такие факты, когда искатели патриаршества готовы были тратить громадную сумму для достижения цели.

Но главным объектом поборов служил, как всегда и везде, простой народ – паства.

Московский митрополит Филарет, прекрасно ознакомленный с состоянием христианского Востока, при пособии самых надежных документов, с грустью писал: «При общем ныне упадке уважения к духовным владыкам в Турции надлежит опасаться, что паства отказалась бы от какой бы то ни было платы своему высшему духовенству, если бы определение количества этой платы предоставлено было произволу мирян»⁶⁰. Из этих слов видно, что не добрая воля, а жезл правления заставляет восточных христиан приносить свои, часто непосильные, дары иерархам.

Да, не добрая воля народа заставляла его нести очень значительные материальные жертвы для преизбыточествующего пропитания пастыреначальников, а принуждения и притеснения, часто даже жестокости, какими прежде сопровождалось взимание податей и пошлин архиереями с народа. По резкому выражению Гервинуса, они, «как пиявки, сосали свое стадо, с величайшим совершенством организовав систему поборов»⁶¹. Это очень печальная и скорбная страница истории. Приведем из нее лишь несколько

черт для ознакомления с действительными порядками, характеризовавшими отношения пастыреначальников к пасомым в Турции. В не очень отдаленные от нас времена ежегодную обычную денежную подать архиереи собирали обыкновенно не за год, а за три года вперед. Сбор ими производился в сопровождении пышной свиты человек в 30 и отряда жандармов тоже человек в 30. Нашествие этих гостей в полном смысле бывало нашествием шайки хищников или стаи саранчи, истребляющей все, что только попадалось на пути. Поселяне трепетали этого хищнического нашествия своего духовного пастыря и непременно разбежались бы, если бы было возможно. У несостоятельных плательщиков епископ отбирал, рабочий скот и вообще все, что только имело цену. Если у кого ничего не было, того бросали в тюрьмы, которые нарочно устраивались, как, например, в Болгарии, на речных берегах, куда искусственным образом была проведена вода из протекающей реки. Вода эта впускалась в тюрьмы, где томились злосчастные узники, и таким образом в мрачной, холодной и мокрой конуре морили их по три дня голодом и вымогали деньги. От такой пытки, случалось, одни из них умирали, другие же выходили отсюда со смертельными болезнями⁶².

Архиереи, как известно, сами были членами провинциального правления, так называемого меджлиса. Это вело к тому, что они оставались в товарищеских отношениях к турецким губернаторам – и пользуясь услужливостью этих последних, не стеснялись брать много лишнего со вверенных их попечению христиан. От этого происходило то, что какое-нибудь селение, небогатое и немногочисленное, платило ежегодно в кассу архиерея более податей, чем в государственное казначейство. Так, при одной административной ревизии открылось, что какое-то местечко в Нижней Македонии выплачивало своему архиерею в год 3000 пиастров, а правительству не более 2000 пиастров. И такая непропорциональность в податях встречалась во многих местах Европейской Турции (Румелии)⁶³. Вообще христиане в вопросах о податях не могли рассчитывать на сострадание и милосердие греческих архиереев.

Пастыреначальники эти так ревностно блюли свои финансовые интересы, что жертвовали им интересами религии, поскольку эти интересы касались их пасомых. Представим примеры. В одной болгарской епархии поселяне построили церковь, но она в течение нескольких лет оставалась неосвященной, потому что за право поставить в ней престол поселяне предлагали местному архиерею менее червонцев, нежели сколько он желал получить⁶⁴. Вообще на денежные притеснения митрополитов и епископов раздавались многочисленные и громкие жалобы⁶⁵. Если пасомые не имели средств удовлетворить чрезмерное корыстолюбие своих духовных владык, то приходили епископские клеветы, изрекали над селом анафему, запечатывали церковь и забирали из домов все, что можно было вынести. О протесте нечего было и помышлять. В указанном случае дети крестьянина росли некрещеными, а когда он и сам умирал, то был предаваем земле без священника и молитвы⁶⁶. – Турецкие подданные греческого исповедания, ввиду сейчас указанных и других подобных фактов, в 1851 г., в своем официальном прошении на имя Оттоманской Порты потребовали себе защиты от притеснений пастыреначальников; они требовали очень немного (на многое-то они, очевидно, не осмеливались рассчитывать), именно, чтобы «епископы не позволяли себе запускать своих пальцев в кошелек христианина всякий раз, как им этого хочется, и не брать отсюда столько, сколько им заблагорассудится»⁶⁷. При таких порядках архиереи настолько раздражали вверяемую их руководству паству, что последняя иногда совсем не принимала к себе архиереев, позволяя им управлять епархией издалека, например из Константинополя. Во многих болгарских городах, когда эти последние находились еще в ведении Константинопольской патриархии, наши русские путешественники получали такой ответ на вопрос об их архиерее: «Архиерей наш какой-то грек; живет в Стамбуле, к нам же он не смеет и носу показать»⁶⁸. А если какой-либо из такого рода архиереев желал фактически занять принадлежащую ему кафедру, то при этом происходили трагикомедии вроде следующей: «Рукоположенный архиерей

приходил к своему епархиальному городу и, наперед зная, что его не примут, подарками выпрашивал у турецкого начальства военный конвой. Несмотря на это, епископ находил архиерейский дом запертым и вступал в него при помощи турецкой же силы. Никто из народа не хотел принимать от него благословения даже тогда, когда к этому побуждало турецкое начальство». Известно, что нет сильнее тех ссор, какие бывают из-за денежных счетов.

Нужно, впрочем, сознаться, что каждому греческому архиерею рассматриваемого периода будущность мало улыбалась, и даже совсем не улыбалась. В случае отставки даже сам Константинопольский патриарх должен был очутиться в бедственном положении. Отставные архиереи не получали и не получают никаких пенсий из турецкого казначейства.

Есть все основания догадываться, что из числа этих-то отставных архиереев некоторые, от нечего делать, начинали бродить по разным другим странам для того, чтобы так или иначе «зашибить копейку». Этих архиереев можно назвать ищущими «отхожих промыслов». Они готовы были кого угодно поставить во священники за самую сходную цену – за трешницу на наши деньги⁶⁹. Они же отправлялись в Россию в те времена, когда на греческих пришлых архиереев еще смотрели здесь с уважением, и проделывали у нас самые непозволительные вещи. Блуждая вдоль и поперек по Руси, греческие митрополиты осмеливались возводить во священническую степень лиц им совершенно неизвестных, не подвергнутых испытанию, даже отвергнутых в других местах, – возводили их без всякого испытания, но зато предварительно аккуратно поторговавшись. «Сколько мне хотите дать – и я предам его вам», – иронизирует повествователь (Ю. Крыжанич) над греческими архиереями, торговавшимися с теми, для кого они ставили этих священников. Встречались примеры еще непригляднее. Греческие митрополиты, и даже один и тот же митрополит, одну и ту же супружескую пару то разводили несколько раз, то снова сочетали браком, всегда, однако же, поторговавшись с покупателями архиерейского благословения и взяв добрую сумму денег. Такого рода архиереи не

останавливались и на этом, бродя по России. Очевидец (тот же Ю. Крыжанич) говорит: «Я видел одного митрополита, который повсюду, куда бы ни приходил к человеку знатному, прежде бывало выспрашивал у него: не хочет ли он получить разрешение от грехов? Если спрашиваемый выражал подобное желание, то митрополит, освятив воду в доме этого лица, потом кропил его самого и целый дом с семейством. По окончании кропления перед всем семейством он клал на голову хозяина руку и книгу, читал над ними длинное и полнейшее отпущение грехов, не упомянув ни словом об исповеди и покаянии»⁷⁰. Так действовали греческие архиереи, пускаясь в «отхожий промысел».

Не мешает, наконец, упомянуть о так называемых «титулярных» архиереях, о которых так много интересных сведений сообщает епископ Арсений Стадницкий. Титулярными архиереями назывались у греков архиереи без епархий, но, однако же, с титулом какой-нибудь древней, не существующей уже епархии. Подобный обычай рукоположения архиереев без епархии был очень распространен в былые времена в Греческой церкви; такие архиереи большей частью определялись игуменами монастырей, т. н. «преклоненных», откуда получали они и свое содержание, а то пропитывались и подаяниями⁷¹. Говорим: чаще всего они назначались и считались игуменами вышеуказанных преклоненных монастырей. Что они творили – в настоящее время и понять трудно. Вот какую жизнь проводили и какой деятельностью себя озаменовали титулярные архиереи преклоненных монастырей⁷², находившихся в валашских епархиях. Греческие игуменствующие архиереи, получая в управление здесь преклоненный монастырь, именовались и подписывались архимандритами, хотя «мандра их состояла из одного или двух мирских и нескольких крепостных цыган и цыганок» (В кн. Арсения Стадницкого. Приложение. С. XIII). Монастырь у таких архиереев был на последнем месте; все дело в наживе от тех имений, которые вместе с ним были преклонены какой-нибудь патриаршей Церкви или какому-либо монашескому братству Востока. «В наихудшем виде находилась монашеская жизнь в преклоненных (валашских) монастырях,

которые стали предметом эксплуатации, средством к обогащению корыстолюбивейших из греческой монашеской братии на Востоке» (Там же. С. 202). В одном официальном документе об игуменствующих архиереях говорится: «Называя себя помещиками и владельцами, они забыли о своем монашестве; на них только одежда монашеская, а мысль совсем углублена в любостяжание и корыстолюбие мирское»; любили они также «словами язвить других» (Там же. Приложение. С. XX). Представим поучительный пример управления монастырем митрополита Апамейского Паисия (в нач. XIX в.). Кроме непомерного увеличения им расходов над доходами, он изобличен был в продаже монастырской собственности и в утайке монастырских имуществ (Там же. С. 224). Бесцеремонность игуменствующих простиралась до того, что один из них отдал «доходы от мощей преп. Параскевы на откуп одному купцу». И когда слух об этом дошел до Константинопольского патриарха, то он стал на сторону беззаконника и за 7000 левов (франков) узаконил полную самостоятельность игуменствующих греков от местной иерархии. «С этих пор они сделались разорителями монастырей на законном основании» (Там же. С. 221). Игуменствующие архиереи, вместо монахов, окружили себя нанятыми лакеями, кучерами, портомойками «и проч.» (Там же. Приложение. С. XX). Кроме того, они любили «прихоти и лакомства» (Там же. С. 226). А хуже всего было то, что эти игуменствующие архиереи без отладки рукополагали в духовные должности кого попало: без свидетельства от прихожан, без надлежащего удостоверения о добром поведении рукополагаемых, без справки о том, стоит ли в священнике или диаконе нужда и без испытания в чтении и знании Катехизиса (Там же. С. 186). И так действовали пришлые, лишь титулярные архиереи! Да это и не удивительно! Надзирать за ними было некому. Местные митрополиты-греки были, ведь, не лучше титулярных греческих архиереев. Вот, например, каков был здешний митрополит Досифей. В одном официальном русском документе о нем говорится: «Поступки митрополита Досифея противны сану его: под почтенными седидами и доспехами звания его скрываются

самые низкие (курсив – о. Арсения) интриги. Сия первенствующая особа столь корыстолюбива, что в состоянии за десять червонцев все сделать под видом усердия: чрезмерное пострижение священников ясно доказывает его дела, и так он размножил их, что простирается до семи тысяч, из числа коих по большей части не умеют читать» (Там же. С. 176). «Всякий протопоп платил этому митрополиту известное количество денег за протопопию, вроде откупа, а после грабил священников как хотел» (Там же. С. 180). Вообще господствующим свойством Досифея, по свидетельству современных ему документов, было «лукавство» (Там же. С. 178). Другой же здешний греческий митрополит Игнатий известен тем, что «своими противозаконными действиями возбудил против себя весь народ» (Там же. С. 187). Конечно, имея таких руководителей в Валахии, игуменствующие архиереи что хотели, то и делали с преклоненными именами и жили, как им было угодно, в преклоненных монастырях⁷³.

В заключение несколько слов по вопросу, составляющему, так сказать, злобу дня в настоящее время у нас. Духовные и светские газеты и журналы постоянно указывают с печалью и укорами на то отчуждение, которое установилось у нас между высшим русским духовенством и народом. «Окружающая жизнь ясно показывает, – говорят нам, – на глубокое нравственно-духовное разъединение епископов с народом и духовенством; они чувствуют епископов далекими от себя»⁷⁴. Но оказывается, что явление это далеко не ново в православном мире. В Греческой церкви, находящейся в Турции, оно обнаружилось еще раньше. В журнале «Νεολόγος» говорится вот что: «Взгляните теперь на народ и рассмотрите его отношение к Церкви, т. е. к высшей иерархии. Не только не существует никакого сотрудничества, а напротив – существует взаимное недовольство и недоверие. И в то время, как лет за 30 тому назад для христианина-селянина архиерейский сан был безусловным авторитетом, теперь совсем напротив. Народ уже не отождествляет сана с личностью, и в последние годы были ужасные примеры и обнаружение враждебного отношения народа к архиереям: в некоторых местностях народ

осмеливался кричать священнодействующему архиерею: недостойн, долой; в других не уважал даже священных облачений и силой выталкивал его вон из церкви⁷⁵; в некоторых народ перестал ходить в церковь, чтобы не иметь молитвенного общения с архиереем»⁷⁶. Какое печальное явление! И удивительнее всего то, что оно начинает обнаруживаться и на Западе. Всем известно, что творится с Церковью в парламентарной Франции. Лучше ли в Германии, где император Вильгельм только что бросил перчатку римско-католическому «центру»? В Италии отношения мирского правительства и высшего духовного авторитета давно уже ненормальны. Зараза проникает и в протестантский мир. В недавние времена английская нижняя палата выработала школьный законопроект, имеющий целью секуляризовать народную школу. Правда, этот законопроект отвергнут верхней английской палатой, состоящей в значительном числе из англиканских архиепископов и епископов; но удержится ли она на этой позиции – неизвестно: ведь не секрет, что английская палата лордов состоит из трусов.

История Тюбингенской богословской школы⁷⁷

Основание протестантского богословского факультета в Тюбингене. Профессорат и духовные должности. Герцогский стипендиум и его назначение. Споры профессоров с герцогом. Вакации. Борьба тюбингенских богословов с ересями и предосторожности против вторжения ересей в среду студентов. Требования от профессора. Временный упадок университета. Господство полемического богословия. Широта лекций. Восстановление значения библейского экзегезиса. Борьба богословов с вольфианцами. Малочисленность слушателей. Меры к посещению лекций студентами. Упадок старой Тюбингенской школы. Новая Тюбингенская школа. Взгляд тюбингенцев на Неандера. Избрание Баура и его деятельность.

В 1877 г. Тюбингенский университет праздновал свое четырехсотлетнее существование. По этому случаю один из профессоров богословского факультета этого университета Вейцзеккер (Weizsäcker), преемник знаменитого Баура на церковно-исторической кафедре, издал в свет историческое описание богословского факультета в Тюбингене под заглавием «Lehrer und Unterricht an der theologischen Facultät der Universität Tübingen» от времен Реформации до настоящего времени, т. е. до 1877 г. Автор, как он об этом говорит в предисловии, поставил себе целью описать только деятельность профессоров по части преподавания и историю самого преподавания с его успехами и неудачами. Он поставляет вне задачи своего труда изображение истории развития богословия, богословских взглядов, богословской литературы, вышедшей из-под пера тюбингенских богословов. Он так же оставляет в стороне историческое описание так называемого герцогского «стипендиума», или семинарии, где происходило приготовление будущих студентов богословия к поступлению на богословский факультет и где продолжали жить студенты богословия и после поступления в университет. Несмотря на то, что программа сочинения Вейцзеккера очень неширока, оно представляется во

многих отношениях любопытным и интересным. Известно, какое громадное значение Тюбингенская богословская школа имеет в современном протестантском богословии, вследствие этого история этой школы заслуживает полного внимания. С другой стороны, богословские факультеты немецких университетов составляют учреждения, параллельные с нашими Духовными академиями, поэтому представляется интересным знать, как развивались эти учреждения, что обуславливало их успехи, чем в особенности условливалось их необычайное значение и влияние в науке. Без сомнения, по Тюбингенскому богословскому факультету можно с полным правом судить и вообще о ходе развития всех немецких богословских факультетов.

Историю богословского Тюбингенского факультета Вейцеккер делит на 10 периодов. Постараемся передать в нашей статье более интересные подробности из каждого периода в книге автора.

Первый период (1535–1561 гг.) обнимает время основания протестантского факультета в Тюбингене. Еще в 1525 г. в октябре вышло правительственное распоряжение, которое вводило план преподавания, показывавший, что правительство имело в виду придать факультету реформаторский характер. И в последующее время правительство имело почти безусловное влияние на ход дел богословского факультета (нужно заметить, что Тюбинген находится в герцогстве, а позднее королевстве, Вюртембергском). На факультете положено быть четырем профессорам и ежедневно по две лекции. Курс назначен пятигодичный⁷⁸. В продолжение следовало прочитывать все науки, а они состояли: из объяснения важнейших писаний Ветхого Завета и всех писаний Нового Завета, а также из объяснений «Сентенций» Петра Ломбардского. Каждый из четырех профессоров обязан был трактовать одну из четырех книг Ломбарда, также каждому из них назначены были для истолкования определенные книги Св. Писания: первому – Пятикнижие и Павловы послания, второму – Матфей и Иоанн, Псалтирь, Иов, третьему – Исаия, Иеремия, Даниил, Марк, Лука, Деяния и соборные Послания, четвертому – Иезекииль и малые

пророки, книги Премудрости Соломоновой и Иисуса, сына Сирахова, и Послание к Евреям. Из числа двух ежедневных лекций одна читалась утром, другая после полудня. Так как в каждый день читали только двое профессоров, то каждому из четырех профессоров приходилось читать через день, причем, помимо праздников, суббота также была свободным от занятий днем. Кроме лекций, профессора должны были проводить диспуты. Дни диспутов были свободными от чтения лекций. Реформаторский характер этого плана преподавания заключался в том, что главное место было отведено библейскому экзегезису. Кроме того, все, что напоминало схоластику, оставлено в стороне. Прежнее деление теологов на номиналистов и реалистов пало. Но этот план вскоре был изменен, по воле герцога Ульриха. Он прежде всего объявил университетской корпорации профессоров, чтобы все лекции велись по его воле и с его ведома. В 1535 г. объяснение «Сентенций» Петра Ломбардского было заброшено; библейский экзегезис сделался единственным предметом научного преподавания на богословском факультете. Толковать Св. Писание предписано было не в переводе, а в оригинале. Но этот новый план на первых порах не мог быть приведен в исполнение. Этому не соответствовал самый персонал профессоров. Почти весь университет был против Реформации, почему профессора старались тормозить успехи последней. Они, правда, не могли прямо противиться воле герцога Ульриха, но явно надеялись, что все переменится и пойдет по-старому. Вследствие этого все профессора богословского факультета, за исключением одного, были отставлены. Назначение новых профессоров, отвечающих видам правительства, было нелегко, а потому в этот период на факультете было только двое профессоров, а потом трое. Ежедневных лекций было две, а так как профессоров было трое, то вошло в обыкновение, что в то время, как двое в течение недели читали лекции, третий, по очереди, на целую неделю освобождался от занятий. Впоследствии, впрочем, этот порядок был отменен: назначено было по три ежедневных лекции, и каждый из профессоров обязан был читать по одной

лекции ежедневно, а всего в неделю по пять лекций (суббота по-прежнему была днем, свободным от занятий). Наука, однако же, мало двигалась вперед. В 1546 г. герцог Ульрих декретом дал знать университету, что последний недостаточно показывает энергии в науке, в особенности по части богословия, которое читалось не с должным прилежанием, а диспутов богословских было мало. В круг богословских наук, кроме экзегезиса, вводится изложение догматов веры. К концу этого периода факультет настолько окреп в своих научных силах, что без затруднений начал пополнять своими питомцами вакантные профессорские кафедры.

Второй период обнимает 1561–1590 гг. В это время прежде всего замечаем то явление, что по распоряжению герцога все профессора принимают на себя духовный сан. Всем им вменено в обязанность как можно чаще произносить проповеди. Профессорская корпорация увеличивается назначением четвертого профессора с титулом экстраординарного. В первое время этот профессор не имел определенной кафедры. Он замещал собой других профессоров, почему-либо не могущих быть на лекции. На этот период выпадают особенные заботы правительства о лучшем устройстве «герцогского стипендиума». Декретом 1559 г. умножено число стипендиатов. Они должны не только прослушать полный курс богословия, но и достигнуть степени доктора, и во все это время содержались за счет правительства. Через год появляются новые предписания относительно этих стипендиатов. Начальникам (суперинтендантам) стипендиума вменено в обязанность поощрять и поддерживать наиболее способных молодых людей. Подобных лиц запрещено было назначать на обыкновенные пасторские места. Чтобы не лишать права семейной жизни таких стипендиатов, им была открыта возможность поступить на диаконские места в Тюбингене и пасторские поблизости этого города. Этим давалась им возможность продолжать посещения лекций и после поступления на духовную должность. Кто из этих стипендиатов приобретал степень доктора богословия, тот получал высшую духовную должность, а его стипендия замещалась другим способным лицом на тех же условиях.

Стипендиум, таким образом, должен был сделаться школой ученых богословов. Все эти предначертания не были приятной мечтой: они осуществлялись на деле. Один из пасторов того времени рассказывает, что сделавшись пастырем одного местечка близ Тюбингена, он имел в то же время предписания: время, свободное от своих пастырских занятий, употреблять на слушание лекций в университете. И он не только исполнял это, но и участвовал в богословских диспутах. Он даже испрашивает себе позволение от университета читать на вакансии лекции о какой-либо ветхозаветной или новозаветной книге (т. е. лекции для желающих слушать, и не обязательные для студентов). Другой пастор из стипендиатов говорит о себе, что он составил тезисы по вопросам о лице Христа и Евхаристии, о первородном грехе и защищал их в продолжение целых четырех дней перед факультетом. – Число наук на факультете увеличивается введением в их круг практического богословия, которое состояло, впрочем, главным образом в диспутах о различных спорных вопросах современности. Правительство было не особенно довольное положением науки на факультете. Оно было недовольно тем, что профессора излагали свои науки слишком пространно и останавливались на одних каких-либо ее сторонах ко вреду для целого. Предписано было иметь в виду пользу студентов, а не собственную славу.

Дальнейший период истории школы (1590–1620 гг.) богат столкновениями факультета с правительством по вопросу о назначении профессоров. На открывшуюся вакансию профессора герцог Людвиг назначил своего стипендиата Гейльброннера. Это назначение не нравилось университетскому сенату (совету), потому что Гейльброннер возбуждал какие-то сомнения и недоразумения. Между университетом и правительством возникают препирательства, результатом которых было то, что этот кандидат был устранен. Длинную историю вызвало другое герцогское назначение. В то время когда на богословском факультете был полный комплект профессоров, но никто между ними не носил достоинства канцлера (должность вроде ректора наших Академий), герцог вдруг назначает в эту должность аббата Андрея Озиандера.

Вследствие этого четвертый из наличных профессоров оказался за штатом (всех профессоров, включая и канцлера, который тоже был профессором, по штату полагалось четыре). Возникло затруднение. Младший из профессоров выходит в отставку. Но этим дело не ограничилось. Так как по штату было три профессора ординарных и один экстраординарный, то, по выходе в отставку младшего, экстраординарного, один из ординарных профессоров должен был перейти на вакансию экстраординарного; кроме того, должна была произойти перетасовка в самом преподавании наук, ибо с должностью канцлера соединено было преподавание определенных наук, и потому один из профессоров должен был уступить новому канцлеру свои предметы преподавания. Само собой понятно, что профессор, переходящий на должность экстраординарного, должен был терпеть и материальный ущерб: он должен был получать теперь меньше прежнего на 50 гульденов и на два ведра вина в год. Университет по этому случаю вошел к герцогу с самыми решительными объяснениями. Но это только раздражило герцога. Герцог не без насмешки отвечал университету, что вся буря поднялась лишь из-за 50 гульденов и двух ведер вина. Это подлило масла в огонь. Университет отвечал герцогу, что дело вовсе не в гульденах и в вине, а в тяжелом оскорблении, какому подвергнется корпорация. Герцог прислал своих комиссаров, чтобы уладить дело. Но мира все не было. Тогда сам герцог Фридрих с блестящей свитой пожаловал в университетский совет и положил конец препирательствам. Все три прежних профессора богословия удержали свою ординатуру, канцлер Озиандер также вступил в университет.

К замечательнейшим явлениям в жизни богословского факультета этого времени нужно отнести еще следующее: число проповедей, какое должны были произносить профессора, было еще увеличено. В тот день, когда известный профессор произносил проповедь, он освобождался от лекций. В положении наук произошло то изменение, что экстраординарному профессору назначен определенный предмет для лекций – догматика (*compendium locorum theologicorum*). В статутах факультета этого времени

заслуживает внимание узаконение относительно вакаций. На факультете прежде всего были вакации, общие с другими факультетами; они состояли: из 18 дней рождественских, от праздника Фомы до Богоявления, из 7 дней среди поста от *estomihi* («пусть будет мне». Здесь и ниже это, по всей видимости, начальные слова из различных католических богослужений во время поста. – Ред.) до *invocaverit* («призвал (бы)» [или: «призовет»]), из 23 дней пасхальных, от Вербной субботы до *misericordiae* («милосердия»), из 8 дней праздника Пятидесятницы, из 36 дней собственно каникул, которые начинались 6 июля, наконец из 20 дней осенью со дня Михаила до дня Луки, следовательно, всего каникулярных дней было 112 или 16 недель. Кроме того богословы, а равно и медики, в разное время года имели еще 15 праздничных дней.

Делая общую характеристику состояния науки в рассматриваемый период, Вейцзеккер замечает, что богословские диспуты, к которым обязывались профессора и студенты, составляли собой упражнения в полемике, которая тогда господствовала в богословской литературе. Диспуты перешли в чисто формальное искусство спорить. В лекциях первое место занимал по-прежнему экзегезис, но, несмотря на всю ученость профессоров, понимание библейских книг оставалось без существенного прогресса.

Четвертый период (1620–1650 гг.) характеризуется упадком факультета ввиду продолжительной войны, которая отягощала Вюртембергское герцогство. Факультет пустеет, так что к концу этого периода он нуждался в полном восстановлении. Из обстоятельств Тюбингенской школы этого времени нужно в особенности отметить старания ее теологов предохранять себя от вторжения ересей. Один из профессоров факультета, Николаи, начал увлекаться по христологическим вопросам мнениями Менцера, господствовавшими в Гессенском университете и близкими к древнему несторианству. Тюбинген в это время славился ортодоксией, и такое явление, как Николаи, глубоко оскорбляло религиозное чувство тюбингенцев, тем более что он начал встречать себе сочувствие в других лицах. Начались споры между Николаи и прочими профессорами.

Николаи вынужден был наконец объявить, что он отвергает сочинения Менцера. Но впоследствии оказалось, что раскаяние Николаи было неискренне. Начались еще большие смуты между богословами. Ортодоксалы выступили с открытыми опровержениями нового заблуждения. Вмешивается в дело сам герцог Иоанн Фридрих и входит в личные объяснения с Николаи. Последний вынужден был решительно отказаться от заблуждения и выступить в качестве борца против Менцера, но все-таки положение его в университете было крайне неприятно, и он оставляет профессию. С подобной же ревностью университет борется и против католицизма. Когда один из бывших членов Иезуитского ордена, Рейгинг, обратился в протестантство и был назначен по воле герцога экстраординарным профессором на факультете, то ему вменено было в обязанность строго следовать протестантскому учению. И свои лекции, и свои сочинения он должен был наперед отдавать на цензуру богословскому факультету и консистории. На него также был возложен труд литературно опровергать свою прежнюю Церковь, а именно, он должен был подвергнуть критике свое собственное сочинение, написанное, в интересах католицизма, против одного дрезденского протестантского богослова, а чтобы он мог сделать это скорее, он был освобожден от лекций. В это время видим также ревностную заботливость об охранении православия студентов. Когда было замечено, что между студентами появляются кальвинические идеи, то предписано было, чтобы книгопродавцы не осмеливались продавать студентам книг еретических и в особенности кальвинических. Списки книг, назначенных для учащихся, книгопродавцы должны были наперед представлять на рассмотрение факультета. Самые книги не прежде поступали во владение студентов, как после цензуры со стороны богословов.

Поступление на профессорскую должность в то же время строже регулируется. Кандидат на эту должность должен сначала подвергнуться публичному диспуту, и прочесть *oratio pro loco* («молитва о месте» (лат.). – Ред.). Кроме того, никто не мог быть сделан профессором, если он не составил себе имени

в литературе. Мало того, теперь требуется, чтобы и будучи на кафедре, профессор заявлял себя научными литературными трудами. Это рассматривалось как существенная часть обязанностей профессора. Если сочинение, каким занимался профессор, требовало быстрого окончания и способно было возбудить общий интерес, в таком случае он освобождался от лекций. Сам герцог иногда поручал богословам-профессорам такие или другие работы. – В круг предметов преподавания вводится новый предмет – обличительное богословие (*Lectio controversiarum theologicarum*), которое впоследствии занимает очень видное место в ряду других наук. Замечательны меры правительства к привлечению иностранцев поступать на факультет.

О пятом периоде (1650–1690 гг.) приходится сказать очень немного. Продолжительная война отразилась неблагоприятными следствиями в положении университета и богословского факультета в нем. В людях с достоинствами чувствовался большой недостаток. Повсюду появилась бедность, житейская нужда угнетала ученых. И вот историк встречает таких профессоров, которые только и делают, что рыщут по питейным домам, бражничают и развлекаются игрой в кости. – В положении богословских наук происходит то изменение, что недавно перед тем введенное обличительное богословие, ко вреду для истинных научных целей, получает главное место в преподавании. Ветхозаветный и новозаветный экзегезис получают прикладное значение. Он должен был служить целям полемики. Профессора Св. Писания Ветхого и Нового Завета были в это время не прямыми исследователями своего предмета, а должны были читать о так называемых *loci difficiliora*, т. е. указывали в Писании места, в силу которых удобнее всего было поражать врагов, объясняли эти места и опровергали аргументы противников. В чтениях профессоров замечалась удивительная медлительность, которая вредила успеху дела. Так, профессор Прегитцер, читавший Иеремию, в продолжение двух лет успел прочесть и истолковать только десять глав. Тот же профессор о книге Даниила читал пять лет, а о книге пророка Исаии 26 лет! Профессор Св. Писания Нового

Завета в срок, в какой он должен был прочитать о всех книгах Нового Завета, успел истолковать только одно Послание к Филиппийцам. А профессор обличительного богословия из каждого вопроса умудрялся делать целый трактат. Герцог, ввиду этого, издал строжайший декрет избегать впредь подобных беспорядков. – В рассматриваемое время обращено было особенное внимание на приучение студентов богословия к проповеданию. В этом они упражнялись под руководством четвертого, экстраординарного, профессора. Им вменено также в обязанность произносить проповеди в соседних с Тюбингеном селениях.

С наступлением следующего, шестого периода (1690–1720 гг.) становится заметным оживление в жизни и деятельности богословского факультета в Тюбингене. Господство обличительного богословия, которому служили в предыдущий период все прочие науки, приходит к концу. Экзегезис ветхозаветных и новозаветных книг занимает первое место в ряду наук. Библейская наука получает новую жизнь. Толкование производится по лучшим герменевтическим правилам; видно стремление изучать текст непредвзято, с научными приемами. Правда, еще по-прежнему в программе остается обличительное богословие, но ему дается лучшая постановка: оно направляется исключительно против современных заблуждений. Программа расширяется через введение в курс наук церковной истории. Ее на первый раз читает сверхштатный экстраординарный профессор. Корпорация профессоров обновляется благодаря поступлению в нее людей с новым направлением. Замечательно, что факультет неприязненно встречал подобных людей и противодействовал их назначению, но правительство, которое не стеснялось мнением факультета, решительно назначало в профессора таких лиц, которые могли оказать услуги науке в качестве представителей новых идей. Так случилось при назначении профессора Ферча. В то же время происходит выделение обязанностей профессора от обязанностей духовного лица, так как доньше профессор нес на себе и эти последние обязанности. Некоторые профессора,

например, отказываются от проповеди, и им делаются уступки в этом отношении.

Периоды седьмой (1720–1756 гг.) и восьмой (1756–1785 гг.) могут быть обобщаемы вместе по тесной связи их между собой. Модным учением в это время была лейбнице-вольфианская философия. О ней много пришлось рассуждать тюрингенским богословам. В 1725 г. герцог пожелал выслушать мнения философского и богословского факультетов по вопросу: насколько лейбнице-вольфианская философия может иметь отношение к догматам, и распространение ее нужно ли признать полезным или вредным? Мнения факультетов были против этой философии. Мнение философского факультета было составлено слабо, а богословы, напротив, высказались с большим пониманием дела, хотя Вольф после и посмеивался над этим мнением. Они объявляли, что эта философия вредна для богословия. Вскоре, однако же, богословскому факультету пришлось принять в свою среду двух вольфианцев, разумеется, не по своей воле. Герцог захотел назначить профессором на богословский факультет вольфианца Бильфингера, который с 1725 г. был преподавателем в Петербургской академии (наук?). Желание герцога возбудило страх и ужас в факультете и обществе. Консистория сделала по этому поводу свои представления герцогу. Она объявляла, что Бильфингер не богослов, а математик и философ, что он не хочет нести на себе обязанностей проповедника, что свободный образ преподавания его уже давно возбудил сомнения относительно его ортодоксии, что он весь университет поставит в подозрительное положение, что против Бильфингера высказались два профессора богословского факультета и что поэтому с его приглашением разрушится единение между тюрингенскими богословами. Герцог, однако, стоял на своем. Тогда один из профессоров сделал представление, чтобы, по крайней мере, было поставлено условием Бильфингеру не примешивать философию к чтениям о богословских предметах; другой при этом прибавлял, что он, Бильфингер, должен понимать, что на богословском факультете не может быть допускаемо столько свободы, сколько, например на

философском. Итак, Бильфингер был сделан профессором богословия в Тюбингене. Другой случай – еще более замечательный. Некто Канц издал в 1728 г. первый том своего сочинения «*Usus philosophiae Wolfianae in theologia*» без цензуры тюбингенских богословов. Они обратились с жалобой к герцогу, что Канц в различных пунктах отступает от типа евангельского богословия, что, поэтому, ему следует внушить держаться в границах цензуры и ортодоксии, и он действительно получил соответствующее внушение. В 1733 г. он был принят в число профессоров философского факультета в Тюбингене, но под условием, что он вполне откажется от своих прежних принципов и будет жить миролюбиво. Канц, однако же, не успокоился. В 1737 г. он снова обошел цензуру при издании третьего тома своего прежнего сочинения. Богословский факультет выступает снова с упреками и возражениями в отношении к Канцу. Он усмотрел здесь извращение учения о Св. Троице. Из Бога-Отца, замечали богословы, он сделал действие (*Wirkung*) всех вещей, из Бога-Сына – всеведение, из Бога-Духа Св. – любовь ко всему благому; кроме того, они нашли здесь учение о предсуществовании Христовой души и другие заблуждения. Канц отказался от всяких сношений с богословами, но сенат (совет университета) заставил его дописать введение к сочинению, в котором он должен был отречься от своих мнений, несообразных со Св. Писанием. Тем не менее и после всего этого Канц продолжал печатать свои сочинения без цензуры и возбуждать новые волнения среди богословов; так, он отвергал шестидневное творение мира. После всего этого факультет входит с жалобой к герцогу, что Канц истощил всякое терпение богословов. Вольфианская философия, говорили они, показала уже самые опасные следствия; студенты от этой новой мудрости совсем потеряли рассудок (*ganz bethört*), знать не хотят древней теологии; вторгается «неверие и либертанизм»; через несколько лет совсем никого не будет, кто бы способен был к пастырским обязанностям. И несмотря на все это, Канц, по воле герцога, переводится в профессора богословского факультета, и притом без всяких условий и оговорок!

К характеристике научного положения факультета рассматриваемых времен принадлежит замечательное расширение программы богословского образования. Так, профессор Пфафф читает чуть не энциклопедию богословских наук, а именно: теоретическое, полемическое, экзегетическое, пастырское и аскетическое богословие, древнюю и новейшую церковную историю, церковное право и историю богословской литературы. И притом он делал это с такой быстротой, что в продолжение трех лет он оканчивал полный курс указанных богословских наук. В лице лучших профессоров тех времен Вейцеккер приветствует замечательное соединение различных направлений в Тюбингенском богословии. Он находит явную черту научного прогресса в том богатстве новых отраслей богословия, которое встречаем в это время в Тюбингене, но при этом он не может умолчать, что на массе богословских наук, здесь прочитанных, лежит печать беспринципности.

Несмотря на то, что ход преподавания шел вперед, Тюбингенский университет сравнительно мало имел слушателей: заметно было, что его обходили. Это побудило тогдашнего герцога потребовать от университета объяснения этого явления. Университет со своей стороны дал следующее объяснение: иностранцы мало посещают университет оттого, что он не успел еще поправиться после недавней продолжительной войны, что Тюбинген находится в глухом месте Германии, и что с ним конкурируют соседние города – Страсбург и Гейдельберг, которые имеют более благоприятное положение в Германии. Затем, университет разбирает некоторые возражения, какие делались против самого преподавания в Тюбингене, напр., что здесь предметы читаются слишком пространно и потому медленно, так что не дождешься конца курса, но что в саксонских университетах дело идет легко и быстро. Университет отстаивает свой способ пространного изложения наук. Он утверждал, что краткие курсы чтений приносят мало пользы для учащейся молодежи, что при таком способе чтений студенты могут нахватываться там и здесь лишь кой-чего, *ut canis e Nilo* (как собаки [пьют на бегу] из реки Нил (лат.)). – Ред.), и что в голове студентов не может сложиться

солидной системы. Однако же факультет обещает в этом отношении возможные улучшения. Это было в 1734 г.

В 1744 г. вышло довольно странное предписание, чтобы профессора богословия читали, не как доныне было, каждый – определенный курс наук, но чтобы они попеременно читали все науки. Через год каждый должен был читать то, что доныне излагалось другим и т. д. Для лекций, назначенных для всех студентов, определено было 3 и 4 часа в день (кроме лекций, так называемых, приватных). Предписание профессорам меняться ежегодно предметами Вейцзеккер справедливо признает низведением университетского преподавания до уровня школьного. Это предписание впоследствии повело к спорам. В 1770 г. герцог Карл-Евгений собрал комиссию для обсуждения вопроса: нужно ли удержать систему попеременного чтения профессорами предметов? Комиссия высказалась за уничтожение этого обыкновения. Но богословский факультет, состоявший тогда из 3-х лиц, пожелал остаться при прежней системе, и герцог определил уступить факультету. По этому же вопросу спрошена была и консистория, которая представила свое мнение с указания оснований pro и contra обыкновения. В пользу уничтожения указанного обыкновения выставлено было то, что редко можно встретить профессора, который был бы силен во всех науках, и что это поведет профессора к усовершенствованию в том круге наук, каким он исключительно занимается. Но, с другой стороны, и удержание обыкновения небесполезно, потому что кто имеет обязанность читать определенный круг наук, тот не будет иметь побуждения и цели заниматься другими науками, а от этого произойдет то, что в случае, например, болезни известного профессора некому будет заменить его. Когда состав факультета в 1777 г. изменился, мнение об отмене указанного обычая восторжествовало. Около того же времени вошло в правило посвящать лекциям утром 8–11 часы, а по полудни 2–5 часы, первые назначались на обязательные лекции, вторые на приватные. Характерно еще, как решен был вопрос о мерах заставить студентов неопустительно посещать лекции. В 1757 г. правительство дало знать профессорам факультета, что

герцогские стипендиаты под предлогом посещения лекций бродяжничают, расхаживают по трактирам и другим подозрительным местам. Поэтому оно рекомендовало профессорам при конце каждой лекции перекликать слушателей по именам и отмечать не бывших. Правительство хотело изготовить для них печатные списки слушателей в таком количестве экземпляров, сколько у каждого из них часов чтений в известном семестре, так чтобы они легко карандашом или чернилами могли отмечать отсутствующих. Факультет высказался против подобной меры. Он нашел такое требование неслыханным и замечал, что не одни стипендиаты слушают лекции, но и другие лица, в особенности иностранцы, которых эта мера вовсе разогнала бы. Факультет, однако же, обещался смотреть за посещением лекций студентами.

Период 1785–1826 гг., девятый, замечателен в том отношении, что в этот период происходит упадок так называемой старой Тюбингенской школы и появляются задатки для создания новой школы. Вейцзеккер дает такую характеристику старой школы: «Эта школа имела своей задачей защиту ортодоксального учения. Ее делом была защита христианского учения и его откровенного характера вообще. На этой защите она и остановилась. Только в этом смысле она и имеет значение среди духовного движения эпохи. Все преподавание показывает, с какой ревностью она это совершала. Дух времени начал брать свое, и она тщетно старалась противиться ему». Ввиду того, что университет вообще и богословский факультет в частности клонились к упадку, правительство принимает меры к улучшению дела. Потребовано было с этой целью мнение от факультетов и от сената (совета) со всевозможными статистическими сведениями, и результатом всего этого был декрет, которым потребовались многие преобразования в университете. Именно, было потребовано, чтобы университет старался об удовлетворении новейших запросов со стороны преподавания. Профессорам богословского факультета была предоставлена свобода в выборе материала для лекций; постановлено не препятствовать им, если захотят двое из них в данное время

читать один и тот же предмет. Обличительное богословие вычеркнуто из числа предметов преподавания, так как этот предмет в большей части университетов закрыт и так как вопросы, входящие в эту науку, могут быть помещены и в догматике, и в церковной истории. По Св. Писанию предписано как можно более знакомить студентов с библейскими книгами, не останавливаясь, впрочем, слишком долго на книгах ветхозаветных. Программа церковной истории была расширена: новейшая история должна была читаться в особый семестр. Вместе с этим введены в курс наук: *chronologia sacra*, *antiquitates ecclesiasticae*, символические книги и пр. Факультет согласился с этими требованиями, находя, впрочем, что для некоторых ветхозаветных книг должен был отведен больший срок, чем какой указан декретом, именно для Исаии и Псалмов. В то же время обращено особенное внимание на упражнение студентов богословия в проповедничестве. Предписано было давать им темы и тексты не только для проповедей, но и для покаянных речей (*Beichtrede*), для собеседований с детьми, больными и пр. В 1819 г. профессор Банмайер пришел к мысли об основании проповеднического института. Он учредил, чтобы студенты говорили свои проповеди в дворцовой церкви (*Schlosskirche*). Старания об усовершенствии студентов в проповедничестве умножаются еще более впоследствии.

В десятом периоде школы (1826–1877 гг.) автор описывает деятельность новой Тюбингенской школы и по преимуществу знаменитого Баура. «Через избрание Баура в профессора Тюбингенского университета открывается новый период» в истории Тюбингенского богословия, замечает автор. Замечательны обстоятельства, при которых избран Баур. Смерть проф. Бенгеля сделала вакантной одну из кафедр на факультете. Поднялся вопрос, кем заместить ее. Внимание останавливалось между прочим на Неандере и Бауре. Но того и другого факультет не желал. О Неандере факультет отзывался так: «Хотя в силу своего ясного ума Неандера и нельзя назвать ханжой, но он очень способен к тому, чтобы плодить ханжей» (*frömmeler*). О Бауре факультет говорил так: «При всей своей учености, при гениальности взгляда, при отличном

философском уме Баур, однако же, имеет такой взгляд на религиозные вещи, вследствие которого мы не можем иметь к нему доверия». Но случилось обстоятельство, которое придало особенное значение кандидатуре Баура. 124 студента богословия представили факультету петицию, в которой просили избрать Баура. Королевское министерство тоже склонилось в пользу Баура, и Баур был избран. Вместе с Бауром более или менее продолжительное время действуют на факультете: Дорнер, Эвальд, Эдуард Целлер. Баур на факультетских совещаниях по поводу замещения той или другой вакантной кафедры всегда подает голос либеральный, тянет на сторону лиц, согласных с его воззрениями. Так, он подает голос за Мерклина на том основании, что на факультете есть уже лица с преимущественным церковным направлением, и поэтому следует дать место в лице Мерклина и свободному научному направлению. Когда вышел из университета Эвальд, Баур вооружается против кандидатуры Элера, находя, что этот последний уклонится от того чисто исторического понимания Ветхого Завета, какое было в чтениях Эвальда. Баур профессорствовал 34 года и читал в разное время следующий обширный круг наук: всю церковную историю и историю догматов. Далее – историю религии и философию религии, символику и церковное право. Затем излагал введение в Новый Завет и теологию Нового Завета. Он занимался также и экзегезисом: Деяния апостольские, Послания к Коринфянам, Галатам, Послание Иакова, Апокалипсис – вот предметы его экзегетических работ. – В последнее время богословский факультет состоит из следующих профессоров: Бекка, Вейцзеккера, Дистеля, Вейсса, Будера.

Столетний юбилей Фердинанда Христиана Баура⁷⁹

Германия любит справлять юбилеи своих учено-литературных деятелей. Она иногда вспоминает о таких юбилеях, о которых и в среде немцев, пожалуй, редко кто помнит. Так, в 1890 г. какой-то декан одного местечка близ Тюбингена – Шмоллер припомнил, что в этом году исполнилось трехсотлетие со времени смерти тюбингенского канцлера и профессора Иакова Андреэ, ничем, кажется, особенно неизвестного (мы лично имеем о нем некоторые сведения, потому что его имя фигурирует в сношениях протестантов с греками в XVI в.), и издал в память о нем «Двадцать его проповедей», сопровождая это издание сердечно составленным биографическим очерком вышеназванного Андреэ. Так немцы относятся к своим учено-литературным представителям давно прошедшего времени. И это должно быть поставлено в большую заслугу и похвалу. Образованный народ тем, между прочим, и отличается от народа необразованного, что первый помнит и напоминает другим о заслугах предков, ознаменовывая так или иначе и юбилейные дни ученых мужей прошедшего времени.

Из числа немецких юбилеев, падающих на нынешний год, для читателей «Богословского Вестника», полагаем, будет небезынтересно получить некоторые сведения о столетнем юбилее знаменитого немецкого церковного историка Ф. Хр. Баура (род. 21 июня (нов. ст.), 1792 г.). Юбилей этот прошел скромно, даже более чем скромно, – особенно если сравним это немецкое празднество с другим таким же празднеством в честь знаменитого же немецкого церковного историка Августа Неандера. Столетний юбилей Неандера (со дня его рождения) справлялся в 1889 г. и вызвал множество сочувственных заявлений по случаю этого празднества: произносились речи в честь вспоминаемого юбиляра, появилось в газетах и журналах (конечно, немецких) много похвальных статей, вышли даже отдельные книги, иногда значительного объема, посвященные

теплым воспоминаниям о достославном юбиляре. Не так справлялся юбилей Баура. Память о нем, по-видимому, начинает угасать, несмотря на то, что он умер позднее Неандера (Баур † 1860 г.). Юбилей вышел сух, жидок. Появились в свет две небольшие статьи, посвященные памяти Баура, в «Протестантской церковной газете», и написанные Пфлейдерером, почитателем Баура, и каким-то А. Бауром, может быть родственником юбиляра; произнесено было в день столетней годовщины историка (21 июня) несколько речей с университетских кафедр: в Тюбингене, где профессорствовал Баур, преемником его по кафедре Вейцеккером, ученым, не принадлежащим к последователям юбиляра (речь появилась в отдельном издании и включает в себе 22 страницы), и в Иене двумя профессорами – Адольфом Гильгенфельдом, ревностным приверженцем Бауровых воззрений, человеком престарелым, и каким-то малоизвестным в литературе Зейерленом, слушавшим в свое время лекции Баура в Тюбингене (обе последние речи напечатаны в «Zeitschrift für wissen. Theologie». 1892. Heft 2). Очевидно, ораторов и писателей, пожелавших восхвалять талант и заслуги юбиляра, нашлось немного. К сожалению, и это немногое не полностью имеется в нашем личном распоряжении: не весь этот юбилейный материал у нас под руками. Тем не менее, на основании того, что нам известно стало о юбилее Баура, мы можем составлять достаточно точное понятие, во-первых, о Бауре как профессоре церковной истории и соединенных с ней наук; во-вторых, о Бауре как плодовитейшем писателе, отражавшем в своих произведениях известные стадии развития немецкого богословия вообще; в-третьих, наконец, о том, какая судьба постигла так называемую бауровскую церковно-историческую школу.

Всеми этими сведениями и поделимся с читателями.

Свою профессорскую карьеру Баур начинает с должности преподавателя в филологическо-теологической семинарии в Блаубейрене (в Вюртембергском королевстве). Но отсюда он скоро (в 1826 г.) был переведен со званием ординарного профессора церковной истории в Тюбингенский университет, что

произошло не только против желания богословского факультета в Тюбингене, но будто бы и помимо его собственной воли. Здесь Баур оставался профессором церковной истории до своей смерти. Правда, в 1834 г. для Баура открывалась возможность занять кафедру богословия в Берлинском университете по смерти Шлейермахера, к чему склонялся тогдашний прусский министр исповеданий Алтенштейн. Но это намерение министра оказалось неисполнимым, потому что в это время Бауров ученик Штраусс возбудил великий соблазн своим известным сочинением «Жизнь Иисуса».

Как профессор, Баур отличался многими качествами, о которых с благодарностью вспоминают его непосредственные ученики. Его лекции были просты и естественны, безо всякого риторического пафоса и деланной декламации; они были далеки от всякого манерничанья и изысканности как в изложении, так и интонации. Он заботился о том, чтобы быть понятным для многочисленной аудитории. Его чтения легко было записывать обыкновенному записчику. В его лекциях собственное «я» профессора всегда оставалось позади, уступая место важности и величию предмета. Того, что обыкновенно называется свободной импровизацией, нельзя искать у Баура. Он читал, имея перед собой рукопись, но это, однако же, служило к пользе его слушателей. Его тетради и при первоначальном изложении предмета отличались совершенствами, а при дальнейшей обработке достигали все большей и большей научной зрелости и по форме, и по содержанию. Поэтому, после смерти Баура, многие отделы из его чтений были напечатаны в виде отдельных монографий, например, по истории догматов и пр. Одним из замечательнейших достоинств его лекций было то, что они отнюдь не были повторением его печатных больших сочинений и маленьких брошюр. Его лекции были нечто новое по сравнению с его же изданными сочинениями. Несмотря на обширность своей учено-литературной деятельности, Баур не считал лекций делом второстепенным и побочным; еще менее они были извлечением из его печатных трудов. Нет, Баур хорошо понимал, что задача академического профессора

отлична от задачи ученого исследователя; и он старался в равной мере удовлетворять этим столь неодинаковым задачам. Его лекции производили сильное впечатление на слушателей: они представляли квинтэссенцию всего того, что Бауром было раскрыто в его печатных трудах; но они были настолько приноровлены к потребностям слушателей, имели такой самостоятельный образ по сравнению с печатными его произведениями, являлись таким закругленным целым, что они в своем роде были столь же совершенны, как и его произведения, назначенные для печати и представителей науки. Если лекции Баура отличались от его печатных трудов и рассчитаны на то, чтобы быть понятными, то отсюда не следует, что его чтения хоть сколько-нибудь были поверхностны. Нет, и в своих чтениях с кафедры он шел и вширь, и вглубь. Он не думал спускаться до уровня своих слушателей; напротив, он хотел слушателей поднять до той высоты, на какой сам стоял. Его намерением не было слишком облегчать труд слушателей; напротив – кто хотел вполне обладать содержанием его лекций, тот должен был напрягать свой ум, и притом напрягать серьезно, и не в тех или других отдельных случаях, но постоянно: возможность собственного своего мышления отнюдь не устранялась у слушателей. Он не делал уступок этим последним, но возлагал на них немалые требования. Вообще слушатель, не обладавший серьезным предварительным философским образованием, мало выносил пользы от чтений Баура; ибо многое здесь для такого слушателя оказывалось непонятным. Самый экзамен, которому подвергались у него его слушатели, был действительным испытанием: он не щадил ленивых, а прилежные всегда могли рассчитывать на его внимание и признание их труда. Кто из слушателей сближался с ним и заслуживал его доверие, тот находил в Бауре всегдашнего советника во всех своих научных работах; он покровительствовал с дружественной заботливостью научным начинаниям молодых людей. При этом он не требовал от молодых людей слепого подчинения его авторитету; напротив, он представлял им полную свободу и возбуждал их к самостоятельности. Он не почитал стыдом для себя даже чему-

нибудь и учиться у своих учеников, ибо он никогда не воображал, что знает все. Вообще он очень далеко был от ученой надутости, от стремления блистать, возбуждать эффект и заставлять говорить о себе. В нем не замечалось подобных слабостей. Ни малейшего следа суетности или низменного честолюбия отыскать в нем было нельзя. Баур исполнен был благородной гордости. По той же причине Баур не думал о том, чтобы создать свою школу из своих учеников; это не соответствовало свойствам его натуры. Если же около него образовался кружок его приверженцев, то это делалось само собой и было результатом тех принципов в науке, каким он хотел служить. Необходимо отметить то, что Баур был натурой самозамкнутой, которая вся ушла в науку и на академическую профессорскую деятельность. Всему, что носило черты агитаторства, вмешательства, он был чужд. Он держался вдали от всего, что непосредственно не касалось его призвания как мужа науки и как академического профессора. – В таких чертах рисуется образ Баура как профессора.

Юбилейное празднество в честь Баура, как мы говорили выше, заставило почитателей его еще раз окинуть взором научно-литературную деятельность этого знаменитого историка. Последуя им, сделаем то же самое и мы – тем более, что у них можно находить некоторые небезынтересные указания на ход развития научнолитературной деятельности Баура. Вейцеккер, преемник Баура по кафедре, называет юбиляра по отношению к области разработки церковной истории первым мастером (Meister) текущего столетия в протестантской Германии. Это вполне справедливо, если принимать во внимание замечательную плодovitость Баура как писателя-историка. Первым важным трудом, которым ознаменовал себя Баур как писатель, было его сочинение «Символика и мифология, или Натуральная религия древности» (1824–1825 гг. Две части). Это произведение написано Бауром, прежде чем он сделался профессором в Тюбингене. Здесь, между прочим, он высказал следующую мысль, которая стала девизом его позднейшей научной деятельности: «Без философии история для меня остается вечно мертва и нема». Поступление Баура в 1826 г.

профессором в Тюбинген открывало для него возможность вполне отдаться научным работам. Первая стадия научно-литературной деятельности Баура стояла в связи с теологическими воззрениями знаменитого в то время Шлейермахера. В 1827 г. Баур издал две так называемых академических программы, в которых речь идет о христианском гностицизме и о свойствах теологии Шлейермахера. Пока жив был Шлейермахер, Баур стоял вдалеке от всяких веяний духа времени, он вполне отдавался научным работам. Главным предметом его научных занятий в это время была историческая теология, при этом, однако же, он не уходил в детали своих работ, памятуя, что частное исследуется для того, чтобы выяснилось общее – идея, не терял из виду ни теологии в ее целом, ни идеи науки. К этому периоду относится, кроме нескольких журнальных статей, не столь значительных, его статья, служащая основой для его последующего понимания истории первохристианства: «О Христовой партии в Коринфской церкви, о противоположности петринического и павлинического христианства в древнейшей Церкви, об апостоле Петре в Риме» (1832). Одновременно с этим появляется в свет еще несколько сочинений Баура: «Аполлоний Тианский и Христос, или Отношение пифагореизма к христианству» (1832); «Манихейская религиозная система по источникам» (1831); «Противоположность католицизма и протестантизма» (1832). Это последнее произведение имело такое значение, что министр исповеданий в Пруссии намеревался было вызвать Баура в Берлин в качестве преемника Шлейермахера. – Второй период в научной деятельности Баура стоит в связи с появлением на теологическом поприще его ученика Штраусса. Эпоху штрауссовского движения Баур открывает следующим замечательным трудом: «Христианская религиозная философия в ее историческом развитии» (1835). В том же году Баур издал сочинение «Так называемые Пастырские послания апостола Павла». В следующем, 1836 г. появляется новая работа Баура под заглавием «Цель и повод к написанию Послания к Римлянам...» В 1837 г. из-под пера Баура вышла брошюра «О происхождении епископата в христианской Церкви». Вслед за

этим сочинением Баур издает очень важные сочинения: «Христианское учение о Искуплении в его историческом развитии» (1838) и большой трехтомный труд «Христианское учение о Троице и Боговоплощении – в его историческом развитии» (1841–1843). – Затем в деятельности Баура различают третий и последний период – когда он становится «главой собственной школы». Открывается этот период сочинением Баура «Композиция и характер Иоаннова Евангелия» (1844), – сочинением, которое сделалось вызовом к борьбе против господствующей теологии; эта борьба, по сознанию его почитателей, продолжалась до его смерти. Баур с этого времени начинает с особенной ревностью пропагандировать свои воззрения о решительной противоположности между первоапостольским и павлинистическим христианством. Развитию этих воззрений служат следующие его сочинения: «Павел, апостол Иисуса Христа» (1845) и «Критические исследования о канонических Евангелиях» (1847). Замечательно, что почитатели Баура стараются уверить нас, что будто бы взгляды этого историка о решительной противоположности первоапостольского и павлинистического христианства развились не под влиянием гегелевской философии (как обыкновенно думают), но создались под влиянием идей Землера. Неутомимая деятельность Баура в течение последнего периода не ограничивалась разысканиями о начальных стадиях христианства, но и касалась церковной истории в ее целом. Так, в 1852 г. появилось его сочинение «Эпохи церковной историографии»; в 1853 г. – «Христианство и христианская Церковь первых трех веков»; в 1859 г. – «Христианская Церковь от начала IV идо конца VI в.». По смерти Баура его сыном и приверженцами было издано несколько томов новых сочинений Баура, на основании его рукописных лекций, по истории Церкви средневековой и новейшей, а также по истории догматов; но останавливаться на этих сочинениях тюбингенского историка не станем. – Обзор сочинений Баура, какой сделан его почитателями, по случаю его юбилея, несомненно

свидетельствует, что Баур принадлежал к плодовитейшим писателям-богословам текущего века.

Какая судьба постигла школу Баура? Конечно, почитатели знаменитого историка, празднуя юбилей Баура, не могли прямо отвечать на этот вопрос. Точный ответ на вопрос состоит в том, что школу тюбингенского историка нужно считать покончившей свои дни. Такого ответа почитатели его не дают, но тем не менее, волей-неволей, они и сами склоняются к нему, доставляя материал, из которого следует именно этот результат. Говоря о Бауре, они ставят ему в похвалу, что он при жизни нисколько не заботился о том, чтобы богословские кафедры в разных немецких университетах были замещаемы его учениками, на что жаловались его ученики. Но почитатели Баура забывают при этом, что Баур ничего такого и не мог сделать, ибо, по их собственным словам, «его лучшие ученики или не допускались на кафедры, или были лишаемы их». Спрашивается: каким же образом мог бы Баур «проводить» своих последователей на университетские кафедры? Впрочем, важно не это, а другое. Если учеников Баура, в цветущий период его деятельности, устранили от кафедр, то значит и тогда воззрения Баура не находили себе широкого круга распространения. Плохой знак для будущности школы. При жизни же Баура появились и другие признаки, неблагоприятные для успехов школы. В 1850 г. бывший университетский коллега Баура Генрих Эвальд, публично заявил, что Баур, по его воззрению, – ни христианин, и даже ни лучший из язычников, но один из литературных жидов, составляющих язву бедной Германии. Но самый тяжкий удар школе Баура нанесен был в 1857 г. В это время отпал от Баура один из лучших его учеников Альбрехт Ричль. Потеря эта сильно печалила самого Баура. Этот последний терялся в догадках, что побуждало Ричля изменить своему знамени. Он даже решался утверждать, что Ричль поступил так, чтобы «сделать карьеру», скорее достигнуть ординатуры. Но последствия показали, что Баур ошибался. Ричль действовал по убеждениям; вскоре он раскрыл свои воззрения, представлявшие во многом прямую противоположность Бауру. А главное – Ричль сделался вождем

множества немецких богословов и заставил забывать о Бауре. О том, насколько Ричль отступил от Баура, можно судить по церковно-историческим воззрениям известного Адольфа Гарнака, который считается его учеником. Вообще случилось то, чего Баур никак не ожидал: еще при его жизни школу его часто называли мертвой. Это глубоко оскорбляло его, и в год своей кончины (1860 г.) Баур, выпуская вторым изданием свое произведение «Тюбингенская школа и ее положение в настоящее время», применяет здесь к себе слова апостола Павла: «Нас почитают умершими, но вот мы живы» (2Кор. 6:9). Но в действительности нельзя не признавать, что, как говорят противники Баура, он «пережил свою литературную деятельность», и свою славу. Что же случилось со школой Баура после его смерти? Сами почитатели этого историка не могут скрывать, что дела ее пошли плохо. Один из них замечает, что «протекла лишь половина того периода времени, какой составляет одно поколение (а поколение, как известно, составляет 30 лет), и сочинения Баура перестали быть на рынке книжными новостями»; т. е. через 15 лет по смерти Баура книги его перестали быть предметом спроса у книгопродавцов. Так скоро! А в настоящую минуту, по сознанию тех же почитателей тюбингенского историка, «слышится много голосов, объявляющих Баура окончательно похороненным»; дело доходит до того, что «большинство немецких теологов думает, что о сочинениях Баура следует забыть». Правда, почитатели Баура в утешение себе говорят, что он вовсе и не думал, что на нем закончится развитие теологической науки; но, с другой стороны, он, конечно, не воображал, чтобы имя его так скоро было предано забвению.

Если столетний юбилей Баура вышел очень не блестящ, то это и понятно: мало найдется ученых в Германии, которые искренно могли бы принять участие в этом празднестве.

Великая церковь и Святая гора. (Мысли и впечатления двух путешественников-иноверцев)⁸⁰

De nos jours l'étude de l'Orient est à la mode.

Stamboul, 1901, 30 Sempt.

В наше время изучение Востока сделалось модным предметом.

Изучение Востока, и в особенности Востока христианского, в настоящее время стало предметом особенного внимания. Недаром Восток был колыбелью человеческого рода, и недаром все религии родились на Востоке. Если же Восток начали прилежно исследовать и изучать, то из этого еще не следует, что все культурные народы принимают более или менее одинаковое участие в этом деле. Далеко нет. Например, мы, русские, очень мало интересуемся Востоком. Специальные издания и исследования, посвящаемые Востоку, у нас появляются очень редко, а появившись на свет, мирно покоятся на полках библиотек; что же касается общераспространенных газет и журналов, то о вопросах, касающихся Востока, они красноречиво молчат. Как мало интересуются Востоком у нас, это видно из того, что превосходные во всех отношениях издания Императорского Православного Палестинского общества почти никому не известны; а журнал того же Общества, известный с именем «Сообщения Палестинского общества», несмотря на новизну и разнообразие содержания, не имеет сочувственного круга читателей.

Поэтому, если и говорится, что изучение Востока вошло теперь в моду, то при этом имеются в виду иностранцы, и главным образом иноверцы. У них для всего этого есть время и охота, а у нас почти ни для чего нет ни времени, ни охоты. Иностранцы изучают Восток не только путем кабинетным, не через ознакомление с документами и литературой, относящимися к этому предмету, но предпринимают путешествия на Восток для непосредственных наблюдений над

его жизнью, которую, как хорошо они понимают, невозможно в достаточной мере изучить по книгам.

В настоящий раз мы намерены познакомить читателя с мыслями и наблюдениями двух немецких ученых, конечно, протестантов, побывавших в недавнее время на христианском Востоке и описавших свои впечатления и наблюдения.

Оба они профессора немецких университетов. Один по имени Гельцер, очень известный иенский профессор, знаменитый византист, написавший большое количество научных сочинений по части Византии. Он пробыл в Константинополе и его окрестностях всего четыре недели. Но в этот короткий период времени изучил очень и очень многое. Такой успешный результат зависел как от того, что это было уже вторичное его путешествие на Восток, так и от того, что своей специальностью он был превосходно подготовлен к быстрому и основательному ознакомлению с жизнью христианского Востока. Другой путешественник – Керн, состоит профессором Ростокского университета, и мне совершенно неизвестен. Он пробыл на Востоке шесть недель. Конечно, шесть недель – не очень много времени, но так как круг его наблюдений был очень неширок, то он успел, во всяком случае, очень достаточно изучить те стороны христианского Востока, которые он решился описать.

Главное же, на что обращается наше внимание в вышеуказанных писателях, заключается в следующем: оба они обнаруживают большую симпатию к христианскому Востоку, относятся к явлениям, ими изучаемым, с возможным в их положении беспристрастием, желают видеть и замечать больше хорошее, чем обратное. В особенности выделяется своим глубоким расположением к христианскому Востоку Гельцер: он пишет с таким чувством, как будто бы он сам есть сын Православного Востока и Восточной церкви. Везде он найдет сказать хотя бы несколько добрых слов. У него и помину нет об «окаменелости и закостенении» Восточной церкви, о чем мы так привыкли читать длинные иеремиады у протестантских историков (например, хоть у А. Гарнака). А что поистине изумительно у него, Гельцера, так это его необычайная

симпатия к нашему отечеству. Он напрямик говорит, что единственное спасение греческого и южно-славянских народов в полнейшем их сближении с Россией, причем он отрицательно относится к культурным попыткам влиять на Восток со стороны Западной Европы. У Гельцера мы вообще не усматриваем никаких недостатков в его книге. Нельзя того же сказать о сочинении Керна. Но его недостатки вполне извинительны: они составляют плод ученого немецкого педантизма, но распространяться об этих недостатках мы не станем.

Глава I

Генрих Гельцер (Gelzer) издал сочинение под таким заглавием: «Духовное и мирское на турецко-греческом Востоке. – Из того, что было пережито и наблюдаемо самим автором» (Geistliches und weltliches aus dem Türkisch-griechischen Oriens. – Selbsterlebtes und selbstgesehenes von H. Gelzer). Лейпциг, 1900.

Гельцер провел время своего путешествия частью в Константинополе, частью в его окрестностях, а потому описал, главным образом, положение Константинопольского патриархата и частнее – епархии Вселенского патриарха, или что то же – положение Великой Церкви, как именуют греки область, подчиненную управлению этого иерарха. Познакомимся с описанием немецкого ученого.

«Боже, язычники пришли в наследие Твое; осквернили святой храм Твой и Иерусалим превратили в развалины», – вот слова Псалмопевца, которые произнес один греческий архиерей перед автором для обозначения печального состояния Церкви в Турции, особенно в материальном отношении. Богатства, которыми владела Церковь во времена византийских императоров, были отняты у нее турками-завоевателями и переданы мечетям. Правда, впоследствии, благодаря счастливым обстоятельствам, Вселенский и Антиохийский патриархи, Афон, Св. Гроб и пр. получили в дар многочисленные и богатые имения в так называемых придунайских княжествах; но с появлением на свет Румынского княжества один из его князей, Александр Куза, конфисковал все эти имущества в свою казну. Напрасно Вселенский патриарх, опираясь на турецкое правительство, протестовал против такого захвата перед европейскими державами – дело оказалось потерянном. В возмещение потери Куза желал уплатить потерпевшей стороне 27 000 000 франков; но Константинопольский патриархат отказался принять деньги, настаивая на возвращении захваченных имений. В конце концов, Греческая церковь и имений лишилась, и денег не получила. В настоящее время, по сообщениям Гельцера,

представители Греческой церкви охотно бы удовлетворились и меньшим вознаграждением, чем какое предлагал Куза; но, увы, сделанной ошибки уже не поправишь. Единственное утешение греки находят в том, что они бесцеремонно при удобном случае обзывают Кузу «грабителем», но, конечно, это плохое утешение. Отделение Болгарской церкви от Константинопольской и смуты в Македонии еще более ухудшили материальное положение Великой Церкви. В настоящее время из разных источников патриарх получает лишь 500000 пиастров (5 пиастров = 1 франку). И из этих мизерных доходов Вселенский патриарх должен покрывать «все расходы, соединенные с поддержанием церковного и национального достоинства», как выражаются местные официальные документы. Положение патриарха было бы бедственным, если бы ему не оказывали помощи разные благодетели со стороны. Так, недавно один богатый афинский банкир Сингрос, по духовному завещанию, оставил в пользу Великой Церкви 450 000 руб., из которых 50 000 назначались для греческих благотворительных учреждений, 150 000 – в патриаршую казну на устройство сиротского дома, 150 000 – на нужды патриархии и по 50 000 – на так называемую Великую национальную школу в Константинополе и Иакимовскую женскую школу. Россия, по замечанию повествователя, оказывает немалую помощь для улучшения материального положения греческой иерархии, невзирая на нерасположение греков к этой стране. Это последнее замечание очень любопытно. Даже во время непродолжительного пребывания на Востоке Гельцер не мог не приметить такого неприятного для нас, но безусловно верного явления... Турецкое правительство тоже не вовсе лишает своих милостей иерархию. Прежний патриарх (т. е., конечно, Анфим) получает от Порты ежемесячную пенсию по 30 турецких золотых, а проживавший на Афоне в прелестной вилле отставной патриарх Иоаким III (теперь, как известно, он опять занял кафедру Великой Церкви) имел еще большую ежемесячную пенсию – в 50 турецких золотых, что составляло в год 7–12 тыс. марок. Но беда в том, что страдающее хроническим безденежьем турецкое казначейство не очень-то исправно платит эти пенсии.

Интересно, что один из греческих архиереев, Самосский митрополит, отправившийся на один французский курорт для поправления здоровья, почему-то удостоился правительственной субсидии в 10 000 пиастров. По справедливому замечанию Гельцера, финансовое положение Греческой церкви отнюдь нельзя признать блестящим, и если все же греческие иерархи живут прилично, то это зависит от того, что южные жители вообще неприязнательны, да и аскетический образ жизни греческих священников позволяет им довольствоваться немногим.

В своих описаниях путешественник видное место отводит Фанару, где, по его выражению, имеет местопребывание великий патриарх, «этот христианский первосвященник, подобный римскому папе, по учению церковному». Фанар получил свое имя от башни, служившей маяком и давно исчезнувшей. Этот константинопольский квартал, расположенный по берегу залива Золотой Рог, по завоевании Византии турками сделался главным местом, где поселились греческие аристократические фамилии. Но уже с давнего времени эти фамилии выселились отсюда в Пэру и другие места. Дома князей стали обиталищем мелких торговцев и ремесленников. Но и сделавшись очень простым и неприязнательным кварталом, Фанар еще блещет отблеском своей прежней славы: он, и притом уже давно, сделался духовным центром православного мира. Здесь помещается патриархия. Шум и суэта заметны только на берегу Золотого Рога, но чем более поднимаешься на холмы, из каких состоит Фанар, тем более тишина и благообразие воздуха начинают господствовать. Гельцер самыми яркими красками описывает обилие благовонной растительности Фанара, красоту его видов, удобное расположение домов, соединяющее городской комфорт с сельской простотой. Главное украшение находящейся здесь патриархии составляет, по замечанию Гельцера, чрезвычайно богатый и роскошно украшенный патриарший храм. На прилежащей полугоре расположено много домов незатейливой постройки и не очень больших – это и есть патриаршая резиденция и жилища должностных лиц патриархии. В то время,

когда Гельцер проживал в Константинополе, патриархом был Константин V, о котором немецкий путешественник вспоминает с глубочайшим уважением и которого столь скандальным образом стамбульские греки низвергли с престола на последних днях Страстной недели в прошлом году, очевидно, почему-то иначе оценивая достоинства этого патриарха.

Прежде чем передать любопытные суждения и сведения Гельцера о Константине V, отметим следующую интересную его мысль, касающуюся вообще положения Греческой и, точнее, всей Православной Церкви. «Не только Русская церковь автокефальна, т. е. существует самостоятельно, но такого же положения достигли Греция (королевство), Сербия, Черногорье, Румыния и Церковь в Австро-Венгрии, наконец, пользуется автокефальностью и Болгария». Что же отсюда следует? А вот что, по мысли путешественника: «В то время как Римская церковь представляет достойное удивления единство, представляет собой организм, центром которого служит Рим, – греки и славяне временами поднимают вопли о чрезмерных успехах церковного Рима, не замечая того явления, что систематическое уменьшение размеров власти Византийской патриархии (т. е. постепенное выделение автокефальных Церквей) – вот главная причина укрепления и расширения Рима». Мысль эта высказывается благожелательным к нам протестантом, а потому, во всяком случае, заслуживает внимания.

Но возвращаемся к патриарху Константину V. По словам Гельцера, он закончил свое образование в Страсбурге и Гейдельберге, почему с глубоким уважением и любовью вспоминал о своих наставниках Рейссе, Бауме и Кунтце. По-французски Константин говорит свободно, а относительно немецкого языка он замечал, что начинает забывать его. Этот патриарх, по отзыву путешественника, человек современного направления. Он отменил устарелые унижительные формулы обращения архиереев к патриарху. Прежде они в своих письмах к нему подписывались так: «нижайший послушник», или: «послушный сын», или же: «последний слуга, готовый к услугам вашего всесвятейшества». Константин же приказал архиереям

подписываться следующим образом: «вашего божественнейшего (θεϊοτάτης) всесвятейшества смиренный брат во Христе и совершенно преданный N. N.». Гельцер троекратно удостоился аудиенции у патриарха и близко познакомился с ним. Глава Православной Церкви, как именует патриарха немецкий ученый, очень живо интересовался его научными планами; профессор должен был подробно ознакомить патриарха с этими планами, а когда первый из них сказал второму, что он имеет в виду издать подробные списки православных епархий (вероятно, в исторической последовательности) и выразил намерение посвятить этот свой труд патриарху и Константинопольскому синоду, то Константин преподал ему отеческое благословение. Доступ к патриарху был очень прост. В воротах патриархии его встречал отряд кавасов; один из них отводил его к архидиакону, замечательно красивому и интересному человеку, или же к протосинкеллу Хризостому, правой руке вышеназванного патриарха, как говорили о нем Гельцеру, и затем через несколько минут он был уже у всесвятейшего. Кто побывал в гостиной патриарха, тот, по замечанию повествователя, составляет понятие о гостиных всех прочих восточных архиереев. Это просторная комната без всякой мебели посередине, а по стенам расположены низкие диваны вперемешку с европейскими креслами. Единственное украшение комнаты составляют плохие масляные портреты – изображения патриархов, грудь которых украшена многочисленными орденами. В ней находятся еще небольшие столики для курения. Лишь только сядешь, сейчас же, по восточному обычаю, является служка с серебряным подносом и предлагает известное глико (варенье и воду) и засахаренные плоды, которыми так восхищаются гастрономы. Затем следует кофе и неизбежная трубка табаку. Когда Гельцер удивлялся этому последнему обыкновению, ему в успокоение говорили: «Это ничего не значит. У нас на Востоке позволено курить везде».

Гельцер познакомился со многими лицами, приближенными к патриарху, и обо всех них он вспоминает с удовольствием. Во время ученых занятий в архивах патриархии он встретился с

патриаршим архивариусом, архимандритом Иоакимом из Хиоса. Этот последний оказался человеком тонко образованным, говорившим по-английски и по-немецки. Он закончил свое образование в Лондоне и Оксфорде и получил докторскую степень в Иене (где профессорствует Гельцер). Поэтому естественно, что Иоаким с большой радостью встретил своего давнего наставника. Ученик с восхищением вспоминал о своей жизни в Иене. Вообще Гельцер замечает, что где бы он ни встречался с бывшими слушателями Иенского университета – было ли то в Константинополе, на Халки, в Афинах или Патросе, – везде они с большим удовольствием вспоминали Иену и своих бывших наставников Иенского университета. «Греки – это в высшей степени благодарный народ», – замечает по этому поводу немецкий профессор. По рекомендации патриарха, Гельцер должен был сделать визиты некоторым архиереям, членам синода. При этом он заметил, что миряне, приходившие к архиереям, даже высокопоставленные, обязательно целовали руку им при входе и выходе. Но «еретиков», как в шутку именует себя Гельцер, архиереи не заставляли проделывать этой процедуры; и он готов видеть в этом признак толерантности... Все архиереи угощали его глико и кофе. При этом случае Гельцер замечает, что при многочисленности визитов такого рода гостеприимство обращается в пытку. Когда он уезжал с о. Халки в Константинополь и делал прощальные визиты, ему семь раз подряд пришлось есть сладкое и пить кофе. Ganz schwül!

Ученые занятия Гельцера сосредоточивались, главным образом, в Святогробской библиотеке, т. е. библиотеке, принадлежащей Иерусалимской патриархии. Библиотека эта помещается в метохии, подворье, занимавшем один из уютных и красивых уголков Фанара. Лучшим украшением подворья служит его церковь, небольшая, но в высшей степени интересная своей древностью. При метохии находится старинная женская греческая школа, содержащая на средства Иерусалимской патриархии; учителем в ней был местный библиотекарь (монах). Всего в метохии проживало только три человека: архимандрит, священник для богослужения и

библиотекарь. При них находилось «семь служебных духов», семеро служек. Наш немец никак не мог понять, зачем эти семеро служек, при замечательной простоте вышеуказанных лиц. Наконец, один из его друзей сказал ему: «Во всех сколько-нибудь знаменитых домах на Востоке принято иметь много слуг, и они не несут никакой службы, ибо ничего не делают». Только тогда Гельцер понял, что делали служки Святогробской метохии. Библиотекарь был так любезен, что позволил заниматься ученому профессору в его собственной комнате, но заниматься здесь ему было не очень удобно: хозяин комнаты принимал здесь гостей и посетителей, вел с ними разговоры; между посетителями встречались и женщины, матери или родственницы учениц здешней школы. Однажды пришел в гости к о. библиотекарю грек, капитан корабля, и так как хозяина не оказалось дома, то он остался ожидать его и от нечего делать перелистывать рукописи, над которыми работал Гельцер. Поворочав листами, он сказал: «Смотрите – вот штука-то! Рукописи написаны по-гречески, а я хоть и грек, читать их не могу, между тем как ты свободно читаешь их, хоть ты и иностранец». В ответ на это профессор сказал: «Зато я не умею управлять кораблем», и этими словами утешил его скорбящее сердце. Во время посещения вышеуказанной библиотеки Гельцер обратил внимание на замечательную простоту отношений между хозяевами и прислугой. Например, один из служителей метохии, Николай Пападопуло, которого путешественник называет большим франтом и человеком, не лишенным образования, без церемонии приходил в комнату библиотекаря, где происходили занятия Гельцера, затем только, чтобы поболтать или с ним, или с библиотекарем. В комнате был один-единственный стул, которым пользовался профессор, библиотекарь Иаков располагался на софе, служитель же Николай, в случае прихода в комнату, нимало не стесняясь, садился на постель библиотекаря. Греки, по словам описателя, в отношении к слугам проявляют демократическое равенство. Но при этом замечает, что в общем слуги держат себя с большим тактом и никогда не переходят известных границ при сношении с лицами высшими их по социальному положению.

Нашему ученому удалось открыть у этих слуг особого рода патриотизм, о чем он полушутя и полусерьезно и рассказывает. Однажды вышеназванный Николай спросил профессора: не существует ли истории города Кизика? Гельцер отвечал, что ученый Марквардт написал историю Кизика на немецком языке. Тогда Николай сказал: «Увы, я не понимаю по-немецки. Но будьте добры, ваше высокоблагородие, напишите для меня историю Кизика, хоть и не сейчас; Кизик ведь моя родина», – добавил собеседник. Его высокоблагородие оказался готовым к услугам и в течение получаса по памяти набросал очерк истории родины Николая (замечательная память!). Слуга с великой радостью принял описание, ушел в соседнюю комнату, расположился там на диване и громким голосом, но благоговейно, начал читать написанное и прочел до конца. На другой день к профессору пришел другой слуга метохии, Харламий, принес старинное издание географии Страбона и сказал: «Вот Страбон». «Я, – говорит о себе профессор, – сидел и молчал. Тогда Харламий заметил: “Страбон описал также Синоп и знаменитых мужей синопских”. – “А разве ты и сам из Синопа?” – “Да, да, из Синопа. Вы, господин, написали прекрасную историю Кизика для моего друга Николая; не будете ли так добры написать и для меня историю Синопа? Я попросил бы вас упомянуть при этом о Диогене Кинике, Дифиле-комике и Ватоне-историке – все они, ведь, были синопцы!”» Гельцер исполнил желание Харлампия, – на другой же день написал довольно обстоятельную историю Синопа, руководясь, главным образом, своей памятью (вот так память!). Счастье Харлампия не знало границ, когда у него в руках очутилась эта история. Счастливец просил профессора обозначить на произведении имя и фамилию последнего с перечислением всех его титулов и написать дату появления произведения. После этого слуга объявил, что он до самой смерти будет сохранять это сокровище и обещался каллиграфически переписать труд профессора; последнее и было исполнено в самом скором времени. Описав эти два оригинальных случая, Гельцер прибавляет: «Этот особого рода греческий патриотизм двух библиотечных служек, конечно, не чужд комизма, но вместе с

тем он имеет и немало привлекательного. Если бы мы обратились с предложением описать его родину к какому-нибудь городскому лакею какого-либо немецкого государства, то получили бы в ответ: “Эх, дайте мне лучше монету в 10 марок”». Гельцер почти ежедневно получал приглашение на завтрак в метохии.

Ввиду всего вышеизложенного об отношениях профессора к обитателям этой последней он пишет: «Разлука с Фанаром и Метохией Св. Гроба, где я пользовался большим гостеприимством и любовью, для меня была чрезвычайно тяжела...»

Кроме Константинополя Гельцер довольно долгое время оставался на о. Халки. Этот остров принадлежит к числу так называемых Принцевых островов, находящихся на Мраморном море, недалеко от столицы. Они служат дачным местопребыванием богатых константинопольцев, в особенности греков, и принадлежат к очаровательнейшим ее окрестностям. «На о. Халки, – говорит Гельцер, – этом втором по величине из числа Принцевых островов, на котором большая часть земельной собственности принадлежит трем греческим монастырям, я чувствовал себя в течение двухнедельного пребывания неописуемо хорошо». Один из холмов острова занимает монастырь Св. Троицы. Старые кипарисы и пинии окружают монастырь, от которого открывается самый роскошный вид на все стороны: на море, на другие острова и вифинский берег. В этом-то монастыре, в котором помещается известная Халкинская школа, в одно и то же время и Семинария, и Академия, Гельцер прожил восемь дней – и каких дней! «Я имел счастье провести восемь дней среди монастырской обстановки, в этом райском уголке земли». Профессор усовершенствовался здесь в новогреческом произношении слов, так как ректор Халкинского училища, архимандрит Христодул, говорил только по-гречески и по-русски, но последнего языка Гельцер не знает. В 1893 г. древний монастырь Св. Троицы был разрушен сильнейшим землетрясением почти до основания. Русский грек Стефанович за свой счет снова отстроил монастырь и училище. Новая

постройка прекрасна, отвечает всем новейшим требованиям, снабжена просторными и высокими галереями и коридорами, изобилующими воздухом. Здесь Гельцеру отвели для жительства большую комнату, вроде залы с двойными рамами – был октябрь, и холод настолько усилился, что для профессора стали протапливать его помещение. «Я сначала не хотел останавливаться в этом монастыре, – рассказывает путешественник, – так побаивался я ангелоподобной жизни, т. е. постной монашеской пищи. У греков, не как у римских католиков, пост не состоит в приятной смене меню, нет, греки во время поста едят и очень мало, и очень плохо. Я объявил ректору, что я изнеженный западноевропеец и не могу выносить этой спартанской дисциплины; в самом деле, – замечает он, – греческие овощи большей частью поистине ужасны. Но приглашение было повторено, потому что я привез с собой большое рекомендательное письмо от его святейшества; и я увидел, что самой судьбой мне назначено принять участие в жизни носителей ангельского образа. Впрочем, ректор смиловался надо мной, он приказал для меня ежедневно готовить жареное мясо, и таким образом моя немощная плоть избежала жестокого искуса». Достойно смеха, в какой мере протестанты боятся поста! Большим благополучием для Гельцера было то, что среди профессоров Халкинской школы один оказался бывшим слушателем Иенского университета, получившим там и докторскую степень (конечно, не богословскую). Это архимандрит Евстратий, который сделал все, чтобы пребывание иенского профессора в греческой обители было легко и приятно. Они вместе гуляли по рощам и побережью острова, обмениваясь мыслями то на греческом, то на немецком языках.

На Халки Гельцер посетил проживающего здесь на покое Иерусалимского патриарха Никодима, который произвел на путешественника очень выгодное впечатление. На этом же острове путешественнику пришлось быть свидетелем народного праздника в честь св. Николая (не знаю, по какому случаю). В Греции св. Николай считается покровителем детей и всякого рода моряков. Праздник был многолюден. Почитание св.

Николая распространено в Греции. «В прежнее время – теперь уже не то, – добавляет рассказчик, – благочестивые среди болгар говорили: “Когда Бог помрет, то мы выберем на Его место Богом св. Николая”» (насколько известно, такого же рода нелепицы можно слышать и от наших невежественных мужиков). В указанный праздник богослужение происходило в одной из приходских церквей. От множества собравшихся в храме была такая духота, какой нашему немцу никогда не приходилось испытывать. Его умиляли многочисленные молитвенные возгласия двух диаконов: помолимся «о острове Халки, о клире и народе сего острова» и т. д. Длинного богослужения немец не мог выстоять до конца, почувствовав головокружение. Однако он заметил, что поведение мужчин низшего класса при этом случае было образцовым: они с благоговением и во всяком случае с большим вниманием следили за ходом священнодействия. Но нельзя того же сказать, по словам наблюдателя, о женщинах, – они суетились и заводили бесконечную болтовню. Это же явление замечалось за богослужением и в других местах Востока, причем женщины подобным же образом держали себя и во время проповеди.

Пользуясь представившимся случаем, Гельцер рассказывает о мыслях, навеянных на него поминовением богослужением, при котором он присутствовал в Константинополе и которое совершалось по случаю кончины 100-летнего патриарха Александрийского Софрония. Служил Вселенский патриарх в патриархии. Весь двор и храм переполнились народом. Тем не менее присутствующие, заметив среди них иностранца, уступали ему дорогу и пропускали его вперед, чтобы он мог все видеть: «Греки даже из простого народа вежливы и предупредительны», – замечает по этому поводу Гельцер. Это богослужение, как и вообще наблюдения его над жизнью греческого Востока, возбуждает в Гельцере следующие мысли: для современного византийского историка знание страны, людей и обычаев имеет неоценимое значение. В Византии еще живы учреждения древнего царства и прежней Церкви, относительно которых в библиотечных хартиях и в словах древних писателей доходят до нас лишь неясное,

смутное известие. Здесь во всем видны следы 1000-летней жизни. За поминовленным богослужением путешественник прослушал проповедь, произнесенную на чистом классическом языке. Но затем опять-таки почувствовал необыкновенную усталость и попросил каваса вывести его из храма.

В заключение передадим некоторые общие замечания немецкого профессора, касающиеся разных сторон изучаемой им жизни. Греческий народ чрезвычайно привержен к своей Церкви. Церковь, которая в течение столетий рабства разделяла с народом радость и горе, срослась с сердцем этого народа. Она справедливо считается носительницей национальной идеи. Иерархия обладает большим могуществом; но и она, разумеется, в лице некоторых ее представителей и в исключительных случаях, принуждена бывает дрожать перед разбойничьей шайкой, напоминающей сицилийскую мафию. Вот пример. Смирна, с ее наполовину греческим народонаселением, есть по преимуществу греческий город. Естественно, что среди этого народонаселения встречаются люди самых сомнительных профессий. Однажды какой-то парень такого сорта, на душе которого тяготело не одно смертоубийство, нашел себе внезапную смерть среди простой уличной драки. Товарищи убитого просили Смирнского митрополита отпеть покойника. Архиерей отказался. Тогда к нему явился атаман шайки и с угрозой сказал митрополиту: «Я прошу совершить погребение нашего умершего брата, и уверен, что, пречестнейший владыка, вы исполните нашу просьбу». Напуганный архиерей повиновался этим словам.

Гельцер не понимает и осуждает попытки протестантских миссионеров отторгать греков от их отечественной веры. «Я должен назвать, – говорит он, – совершенно нелепой англо-методистскую или, точнее, американскую идею обратить греков и армян в протестантское исповедание». Гельцер при этом обращает внимание на то, каких ничтожных результатов достигла даже могущественная Римская церковь в течение восьмивековой пропаганды ее учения в Греции. Такую же участь он предсказывает и протестантскому прозелитизму. У греков и армян, говорит он, Церковь есть по преимуществу дело

национальное. Кто обращается в протестантство, тот разрывает связь со своим народом, а это для грека есть нечто почти нестерпимое. Да разве в сердце грека, замечает путешественник, возможно влить пренебрежение ко кресту, как суеверному явлению, как хотят того кальвинисты? Для грека крест есть знамя христианства, и он тем более тяготеет к этому символу, чем более турки ненавидят этот последний. А почитание Богородицы?.. Почитание это, окутанное поэтической дымкой, настолько срослось, заявляет Гельцер, с народным греческим духом, что грек охотнее примет ислам, чем обратится в такое вероисповедание, которое лишит его поклонения всесвятнейшей Богоматери. «Я должен признаться, – пишет протестантский ученый, – что противодействие греческого духовенства навязчивой миссионерской деятельности не только понятно для меня, но я и вполне оправдываю такое противодействие». Сильно сказано и верно! Затем этот же писатель прибавляет: «Не следует, однако же, думать, что греческий народ лишен внутренней (глубокой) религиозной жизни. Вопли об окаменении и закоренелости Византийской церкви распространяют в большинстве случаев те, кто знает эту Церковь только кабинетным образом, лишь из книг. Я решительно объявляю, что вследствие моих личных наблюдений и сношений с греческим духовенством и народом я пришел в этом отношении к совершенно другим заключениям». Sehr gut!

Весьма интересны мысли и наблюдения Гельцера по вопросу о политической роли России в Турецкой империи. Он пишет: «Когда я прибыл в Константинополь, то, принимая во внимание события последних годов (конечно, здесь имеется в виду многошумное пилигримство Вильгельма II по Востоку. – А. Л.) и суждения немецких газет, я ожидал, что Германия в самом деле занимает очень блестящее и прямо доминирующее положение на Босфоре. Но, кажется (?), я обманулся». Германия только после затруднений и борьбы с турецким правительством достигает тех или других результатов. От турок ничего нельзя получить путем просьб и учтивости; на них можно действовать только настойчивостью и решительностью. Одна

Россия, по его словам, умеет обращаться с турецким правительством как следует. Когда Гельцер выразил перед одним знатоком Востока удивление при виде могущественного влияния русских в Турции, то услышал такое объяснение: «Посмотрите на русских, они страшно смелы, а потому они и могущественны в Турции. Если турку вежливо говорят: любезный господин, исполните просьбу, с которой я почтительнейше обращаюсь к вам, – турок подумает: этот человек – ничтожество, иначе он не был бы так скромн, его можно и пинком угостить. А русский не станет так разговаривать с турком, он скажет: “Эй, малый, сделай вот то-то, да и скорей, или же я твою морду разобью до крови”. Турок подумает: а ведь это, должно быть, очень знаменитый и очень сильный человек, иначе он не был бы настолько груб, – и ответит: конечно, милостивый государь, я сделаю все, что вам угодно. Видите, вот тайна русского господства», – сказал в заключение собеседник Гельцера. Затем наш путешественник приводит примеры очень энергичного образа действия русских в Порте. Во время избиения армян (в Константинополе) русский посланник отправил чиновника Максимова в султанский дворец и приказал ему заявить следующее: «Если побоище не прекратится, то через 24 часа явится русский монитор и станет бомбардировать дворец». Угроза подействовала, и убийства, которые находили себе поощрения в турецкой администрации, прекратились. Другой случай. Когда в столице Турции распространились известия о массовых убийствах (среди армян) в Ване (und Charput), то тогдашний посланник Нелидов отправился в Илдыз-киоск и бросил в лицо султана следующие слова: «Это вы дали приказание начать кровопролитие». Само собой, что падишах начал отрицать эту мысль, и затем между ними произошло препирательство. Посланник: «Я имею об этом сведения из первоисточника». – «Но это неправда». – «Мой источник такого качества, что в правдивости известия не может быть сомнения». – «Да кто этот ваш источник?» – «Ваш первый секретарь». Тотчас на сцену явился этот секретарь, и султан спросил его – действительно ли он сообщал подобное известие посланнику. Первому секретарю, таким образом, предстояло

решить для себя вопрос: что́ для него страшнее – русские или Абдул-Гамид, и, недолго думая, он сказал, что Нелидов говорит правду. Так ли, не так ли происходят дела в столице Турции, мы лично этого не знаем; но все же рассказы Гельцера очень любопытны. И немец от изумления даже рот раскрывает... При всем том Гельцер прямо заявляет, что влияние России в греческом мире и вообще на Востоке можно признавать лишь благотворным. Он даже выставляет и раскрывает такой тезис: «Устранение русского влияния на Грецию (Греческое королевство), – устранение, достигнутое в минувшее время усилием Англии и Франции, есть несчастье для Греции».

У Гельцера, как у истого немца, есть в книге Schluss – заключение. А в этих последних строках говорится следующее: пора болгарам, сербам, грекам, румынам забыть, что они болгары, сербы и т. д., а вспомнить, что они православные, что все их политическое спасение в крепкой приверженности к Православию. А когда они снова все соберутся вокруг этой древней хоругви, то станут они «мировой исторической силой, и откроется для них блестящее будущее». Такие уроки преподает благожелательный протестант бывшим чадам Великой Церкви.

Откровенно признаемся, подобные слова нам редко приходится слышать и от русских, т. е. подлинно-православных людей. Поблагодарим же протестанта за его истинно-православные пожелания...

Глава II

Профессор Оттон Керн описал свое шестинедельное пребывание на Афонской горе в сочинении «Среди монахов на Афоне» (*Bei den Mönchen aus dem Athos*). Гамбург, 1898. Это небольшая брошюра. Что он видел и наблюдал на Св. Горе, то он и описал здесь, имея в виду своих соотечественников и своих слушателей в Ростокском университете. Но описание его, как увидим ниже, не лишено интереса и для нас.

Афон лежит – так начинает свое описание Керн – в полном уединении, вдали от всякой суеты, в разобщении с миром. Большие пароходные линии не доходят до местечка Дафны, на котором путники вступают на почву Св. Горы. Лишь маленькие местные пароходы встречаются здесь; больше всего находим здесь паломнические корабли, развозящие богомольцев по разным монастырям, в которых они часто и остаются на всю жизнь. Большого скопления путников здесь не встретишь. Только особенные нужды побуждают чужестранца посетить Афон. Что касается иноверцев, то посещение ими Афона сопряжено с затруднениями. Они не могут обойтись без нарочитой рекомендации Константинопольского патриарха. Повод к путешествию надлежит точно указать; а имея письмо патриарха, иноверец обязан явиться к афонскому духовному начальству (протату) и подробно изъяснить намерения и цель при посещении Афона. Ближайшей целью Керна было, как оказывается, изучение творений Ипполита Портуанского в рукописях.

Детальное описание Св. Горы немецкий путешественник начинает почему-то с самой высокой точки на ней. На вершине Афона, представляющей собой крутой мраморный конус и составляющей крайний южный шпиг полуострова, нет никакого монастыря. На такой высоте не может жить человек, и большая часть монахов никогда не поднимается так высоко, оставаясь верными национальному новогреческому характеру, который пугается всякого напряжения. На полугоре мы провели ночь в небольшом русском ските – Керасия, в котором обитало много

молодых людей, всю ночь громко распевавших молитвословия, так что мы могли заснуть только на короткое время. На другой день нам дали в проводники послушника, который довел нас до какого-то необитаемого дома. Здесь провожатый нас покинул, указав дорогу к высшей точке Афонской горы, где виднелась небольшая часовня. Путь становился все труднее, а растительность скуднее. Нога не находила прочной опоры, но наконец мы достигли вершины, где было ужасно холодно. Часовня или храм в честь Пресвятой Богородицы, куда раз в год, 15 августа, совершается трудное пилигримство, производил жалкое впечатление; здание лишено украшений, находилось в запустении, было холодно и заброшено. На некоторых утесах лежал еще снег (хотя дело происходило в начале сентября). Но бо́льшая часть вершин была покрыта лесами. Вдали бросались в глаза белые пятна, – это были здания разных монастырей, то плотно прилегавших к морю, то расположенных на горных террасах, среди зелени лесов.

Монашеская республика насчитывает у себя 21 монастырь, не считая многочисленных отшельнических обителей и скитов, в которых живут монахи, занимаясь возделыванием земли. 17 монастырей принадлежат грекам, кроме того один, новейший и великолепнейший, недалеко от Дафны, принадлежит русским, по одному монастырю находится во владении сербов, болгар, румын. Всего монахов насчитывалось в то время до 3000, да столько же насчитывалось послушников, которые исполняли за монахов все житейские дела. Ибо, по афонскому представлению, греческий монах живет только ради богослужения и созерцания.

Керн внимательно наблюдал типы монахов и подводит их под известные категории. Встречались ему достопочтенные фигуры старцев, исполнявшие его глубоким благоговением; их бледные и серьезные лица показывали, что жизнь их осталась позади, – жизнь, проведенная в ночном бдении и долгих постах. Рядом с этими высокопочтенными старцами приходилось ему видеть сильных мужей, роскошные черные волосы которых были связаны узлом; смотря на них, чувствовалось, что нелегко им было отказаться от радостей житейских, что их душевная

борьба давалась им с трудом, но что в настоящее время они испытывают истинную радость и святое настроение, подобающие действительным монахам. Некоторые из них нашли себе убежище в тихом афонском уединении, спасаясь от темного, часто преступного прошлого, и здесь в бдениях, постах и молитве они ищут искупления своих заблуждений и преступлений. Встречались ему и очень юные монахи, у которых едва показывалась борода, но из глаз которых светился огонь страстного внутреннего благочестия.

Образование монахов большей частью очень незначительно. Многие из них день за днем делают только то, что предписывает монастырский устав. Свободное время они отдают бездеятельности. Но есть и между монахами счастливые исключения. К числу таковых принадлежали библиотекари двух больших монастырей – Лавры и Ватопеда – Александр и Евгений. Они умели ценить те сокровища, которые были вверены их хранению, и имена их были хорошо известны историкам византизма. Это были двое достопочтенных старцев, познания которых были не скудны. Например, все, что говорил Евгений, было настолько выразительно, что немецкий путешественник проникался уважением к серьезному религиозному убеждению этого старца.

Две добродетели составляют украшение афонских монахов – терпимость и странноприимство. Кто получил от здешнего начальства позволение путешествовать по монастырям, тот, куда бы ни прибыл, хотя бы в самый отдаленный скит, будет принят с радостью. Странноприимство есть одна из немногих добродетелей, перешедших по наследству от времен древности к грекам нового времени, и именно в афонских монастырях применяется на практике, как святое дело, наследственное от отцов. Монастыри расположены или близко один от другого, или очень далеко; но никогда не бывает, чтобы чужестранец отправлялся из одного монастыря в другой пешком. Оседливается хорошая лошадь, дается в проводники послушник, а в воротах монастыря насельники его прощаются со странником; дружелюбные слова «до свидания» провожают его на дорогу от монастыря к монастырю.

Монастыри на Афоне двух видов – общежительные (киновии) и своеобычные (идиоритмы). Общежительные получили свое название от того, что живущие в них монахи имеют общую трапезу и никто из них не владеет никакой личной собственностью. В монастыре общие кладовые, из которых получают все всё нужное в одинаковом размере. Жизнь здесь отличается особенной строгостью и точно урегулирована. Мяса в этих монастырях не употребляют. «С каким душевным сокрушением взирал я, – говорит о себе немецкий профессор, – на последнюю коробку с консервированным мясом, которую уничтожил мой греческий слуга при входе в монастырь Исфигмен, потому что он никак не решался принести ее с собой в обитель и самым категорическим образом заявил мне, что эта коробка осквернила бы обитель навеки. Мое пребывание в общежительных монастырях, – замечает путник, – отнюдь не относится к приятным часам моей жизни. Эти монастыри одни из самых бедных. Пища в них скудна, и не найдешь здесь афонского вина, приятного на вкус», – скорбит избалованный европеец. «Монахи здесь питаются только водой, хлебом и овощами». Исфигмен был первым монастырем, в какой вступил путник на афонской почве.

Иначе живут монахи в монастырях «своеобычных». Эти монастыри, и между ними два наиважнейших – св. лавра Афанасиева и Ватопед, несомненно, обладают большими богатствами; и только благодаря этим двум монастырям монашеская республика оказывается в состоянии вносить в пользу Высокой Порты ежегодную дань – около 40 000 франков. В своеобычных монастырях каждый монах живет в своей келье, сообразно с его вкусами. Здесь нет единовластного настоятеля, как в монастырях общежительных, его место занимают выбираемые ежегодно три или четыре монаха, которые и составляют начальство; их главная забота состоит в управлении богатыми монастырскими имениями. Здесь каждый монах одевается и продовольствуется за свой счет. Их кельи выглядят очень уютно. На стенах развешены картины, большей частью вырезки из иллюстрированных греческих журналов, а также портреты греческого короля и крон-принца, русского

императора и русских великих князей. Старик Евгений в Ватопеде украдкой показывал этому путешественнику фотографическую карточку крон-принцессы Софии, которую он вытащил из тайника, потому что женщины не имеют доступа на Афон, и даже изображения женщин не разрешается вешать на стенах. На границе Македонии поставлена стража, которая смотрит за тем, чтобы ни одно существо женского рода не проникло в царство монахов, не исключая коров и кур. Яйца, которые в виде особой милости доставлялись немецкому ученому в постное время, были получаемы из отдаленных македонских деревень. В одном монастыре ему рассказывали, что назад тому сто лет одна англичанка, нарядившись мужчиной, приехала на Афон. Но обман обнаружился, и дерзновенная была яростно убита. Даже турки не нарушают местных правил относительно женщин. Паша, живущий в городке Карее с несколькими чиновниками и солдатами и представляющий собой турецкое начальство, остается без гарема. Немецкий писатель пользуется одним случаем, чтобы указать следующее не совсем приятное для него обстоятельство: уже давненько имя Германии сделалось нелюбимым на Афоне, ибо афонские монахи никак не могут забыть слов Бисмарка, что весь восточный вопрос не стоит костей одного померанского гренадера. Слова эти ему пришлось слышать в течение шестинедельного пребывания на Афоне много раз и в различных вариантах.

Центром афонского полуострова служит город Карей, получивший свое имя от ореховых деревьев, которыми он окружен. «Карей, – говорит Керн, – принадлежит к числу самых замечательных местностей, какие я когда-либо видел; особенности этого местечка прекрасно выражены в словах одного восточного писателя: “В Карее никто не гневается, никто не кричит, это царство сна”. Вот я прохожу по длинной ее улице, по сторонам последней находятся торговые помещения, в которых монахи в базарные дни закупают то немного, что им необходимо. Путник не встретит здесь ни одной женщины с покрывалом на лице, по восточному обычаю; никакой детский крик не касается моего слуха. Да, это подлинно сонное царство.

И, однако же, это центр Афона». В Карее проживают «антипросопы», представители монастырей. Каждый монастырь имеет здесь свой конак, подворье, в котором и живет антипросоп. Эти ежегодно сменяющиеся представители составляют духовный собор – протат; он, впрочем, не касается внутренних дел монастырей, а регулирует отношения Афона к Порте и заведует в некотором смысле внешней политикой. Перед лицом этого собора обязан предстать каждый иноземец; здесь этот последний предъявляет грамоту патриарха и взамен ее получает окружное послание ко всем монастырям, в котором рекомендуется оказывать гостеприимство путешественнику. Кто умеет говорить по-новогречески, тот держит перед собором небольшую вступительную речь; так поступил и немецкий профессор, чем вызвал особенное сочувствие к нему антипросопов. Антипросопы, по его наблюдению, принадлежат к числу наиболее образованных в среде афонских монахов. К тому же в эту должность избираются люди сметливые, которые и занимали ее иногда по несколько лет подряд. «Я остановился, – рассказывает Керн о себе, – у ватопедского антипросопа, человека действительно образованного, который в дни своей юности побывал в Париже и который, чего я никогда не забуду, имел отличного парижского повара (есть что помнить! – А. Л.): этот повар своим кулинарным искусством воскресил во мне почти исчезнувшее воспоминание о европейских кушаньях. Только однажды в постный день мне пришлось солоно, и я не забуду лукавой усмешки моего хозяина, когда он смотрел, с какой смертельной тоской вылавливал я плавающих в оливковом супе рыбок». (Удивительно, как остался жив еще немец после такого подвижничества!)

Ни одна из Церквей так не далека от всяких преобразований, как Греко-Восточная. Здесь сохраняются древние установления, оставаясь неизменными в течение столетий. И нигде это не бросается в глаза с такой силой, как именно на Афоне. В здешних монастырях остаются нерушимыми древние уставы. Даже мелодии остаются без изменений, и гимны поются, как они пелись тысячелетие тому назад. Видим здесь старинные Псалтири с нотами, эти

пожелтые манускрипты, писанные на пергаменте, по которым и теперь справляется богослужение, как и в отдаленные времена, когда полагалось основание первых монастырей на Афоне. Поэтому нигде нельзя изучить древнехристианское богослужение лучше, чем в этих старинных монастырских храмах; из внимательного наблюдения богослужебных обычаев здесь церковный историк приобретет больше знаний, чем из рукописных заметок, сохранившихся в библиотеках. Каждое богослужебное действие оставляет в душе присутствующего впечатление, что оно, действие, дошло до нас по преданию от веков самых отдаленных. А замечательное странноприимство, оказываемое чужестранцу везде на Афоне, нигде так прекрасно не выражается, как в храмах. Монахи отнюдь не чуждаются иноверцев, и даже приглашают их входить в главную часть храма (алтарь), куда во время богослужения имеют доступ одни священнослужители.

Пребывание этого путешественника в Ватопеде совпало с двухнедельным Успенским постом. Это давало ему повод ближе присматриваться к церковным порядкам. И он с большим чувством описывает свое присутствие во время всенощной и литургии, по-видимому, в день Успения, – этим описанием Керн и заканчивает повествовательную часть своей брошюры. «Очень поучительно было для меня, – говорит он, – участие в торжественном ночном богослужении. Среди глубокой ночи удар в колокол пробудил меня от сна. В мою дверь постучался монах, заботам которого я был поручен. Он объяснил мне, что скоро начнется торжество». Немецкий ученый в поэтических красках описывает, как среди ночи, в полной тишине собирались монахи в храме; его воображение было поражено сиянием многих паникадил и бесчисленных свечей, – сиянием, отражавшимся в золоте и драгоценных камнях, украшавших иконы. Предупредительность иноков простиралась так далеко, что ему было назначено место возле служащего архиерея, одежды и трон которого приводили его в восхищение. На его счастье, ему случилось видеть пострижение в монахи, происходившее за всенощным бдением. Немец простоял в церкви два часа. И пожелал присутствовать за литургией, для

каковой цели монах опять разбудил его в половине шестого часа. Литургию совершал тоже архиерей.

Все это говорит хотя и немец, и протестант, но слушать его можно, как нам представляется, с большим удовольствием.

Неделя в Константинополе⁸¹

Мое решение спутешествовать в Константинополь, – хлопоты с заграничным паспортом. – Отправление на «Олеге» из Севастополя, маленькое приключение. – Товарищи по кают-компании, – знакомство с заграничным греком. – Красоты Босфора, – вид на Св. Софию с рейда. – Поселение в Пантелеимоновском подворье. – Первый день в Константинополе и проводник кир-Димитрий (вопрос о его национальности).

Один из достоуважаемых профессоров нашей Академии, не по книгам лишь изучавший Восток, не раз говорил мне с укоризной: «Как это бываете вы в Одессе и Крыму и не съездите в Константинополь, в этот знаменитый и прекрасный город! Всего ведь немного больше суток езды на пароходе – это непростительно».

Я и сам хорошо сознавал, что этот упрек справедлив. И, однако же, все-таки не ехал в Константинополь⁸². Причины, удерживавшие меня, были чисто и исключительно психологические. По свойству своего характера я не способен выходить из той узкой житейской сферы, в какую ставят меня мои прямые обязанности. Хлопоты с каким-то заграничным паспортом, какими-то «визами», перспектива попасть во власть каких-то консулов, кавасов, проводников-толмачей – все это казалось мне настолько неприятным, что я мечтал о Константинополе, но двинуться в него не решался.

Наконец в моем душевном настроении произошел благодетельный кризис. Благодаря вниманию одного высокопоставленного лица, проживавшего до начала текущего года в Москве, я получил возможность если не ехать в Константинополь, то жить там без малейших хлопот и забот, причем мне даны были рекомендации, создававшие для меня наилучшие условия жизни в турецкой столице. Колебаться уже не приходилось, и я воспользовался удобным случаем. – Хлопоты с паспортом (в июне прошлого года) хотя и потребовали от меня, вследствие несоблюдения мной

некоторых формальностей (с которыми я вообще совсем незнаком), неоднократной явки в канцелярию московского генерал-губернатора, но все кончилось благополучно. Причем я с удивлением узнал, что турецким консулом в Москве с давних пор состоит известный банкир – еврей г-н Поляков.

Так как я не имел в виду прямо ехать в Константинополь, но вознамерился наперед совершить для своего освежения прогулку по Южной России, то я начертал себе следующий длинный маршрут: Кавказ, Владикавказ, Военно-Грузинская дорога, Тифлис, Батум, берега Южного Крыма, Севастополь, Константинополь, Одесса, Сергиев Посад, – маршрут, который я выполнил с точностью «особы».

Путешествие в Константинополь началось из Севастополя, где я 21 июля в 8 часов утра благополучно сел на пароход, раз в неделю отправляющийся в Константинополь и возвращающийся обратно. Говорю: сел благополучно, если не считать того, что я не предъявил своего паспорта в севастопольском порту для штемпельной отметки о времени выезда за границу, но эту мою оплошность любезно исправил таможенный (или полицейский) офицер, приказав жандарму уже после второго пароходного свистка сбегать на берег, что тот и исполнил с замечательной быстротой. Пароход назывался «Олег» – имя несколько претензионное. Известно, что некогда русский князь Олег со своей дружиной прибил свой щит ко вратам Константинополя, но наш сравнительно небольшой пароход не мог быть опасен для турецкой столицы. Если бы даже он был наполнен не мирными мореплавателями, а готовыми к браням русскими солдатами, то и тогда он не в состоянии был бы сделать ничего такого, что сделал Олег: Константинопольский пролив усеян турецкими крепостями и крепостцами, вероятно, недремлющими, да и в Константинополе в настоящее время нет никаких ворот, к которым можно было бы прибить русский военный щит.

Мое пароходное общество было очень немногочисленно (таким в особенности казалось мне оно после многочисленного общества на том пароходе, на котором я плыл вдоль берегов Крыма). Его составляли: капитан, любезный господин,

неизменно являвшийся к нам в кают-компанию к чаю, завтраку и обеду и бывший самым внимательным хозяином; севастопольский прокурор, ехавший полюбоваться видами Константинополя на время до возвратного рейса и много толковавший на основании лишь слухов о прелестях Принцевых островов (в Мраморном море); старший механик, подражавший капитану в аккуратности визитов к нам и в любезности. С этим господином у меня были бесконечные споры, разнообразившие время, о том, что выше: «опыт или теория»? Он стоял за опыт, а я как представитель идеалистического учреждения, где профессорствую, – за теорию, причем прокурор обыкновенно брал сторону старшего механика – и я должен был говорить за двоих, что, впрочем, нимало меня не стесняло. Наконец, с нами ехало двое французов (по-видимому, это были коммерсанты, не чуждые туристских целей), ничего не знавших по-русски, кроме одного слова, притом же произносимого ими на французский лад: *wodku*. Эту *wodku* я всегда во время стола безмолвно пододвигал к ним поближе и в награду удостоился услышать от них два слова: *wodku-merci*. При моей подвижности, мне, однако же, было слишком мало такого общества, и к счастью я несколько расширил число своих собеседников, познакомившись во время прогулок на «юте» с одним греком. Это был учитель греческого языка с острова Кефалонии, подданный эллинского короля. Он гостил летом у своих знакомых в Одессе, потом посетил Крым и возвращался обратно к месту своей службы – ввиду окончания вакации. Он был охотник до разговоров, но, к сожалению, он плохо говорил по-русски, а я столь же мало владею разговорным греческим языком. Речь по необходимости велась на двух языках сразу, причем она приправлялась и пояснялась жестами. Мой грек почему-то всегда, когда речь касалась денег, для ясности своей мысли складывал ладонь правой руки в пригоршню и прищелкивал языком. По-видимому, он был человек очень набожный и часто цитировал слова Псалмов на греческом языке, а на мою долю выпадала обязанность передать эти же слова по-русски. Я заметил в его руках четки, принял их за знак его монашеских наклонностей, расспрашивал его, что значит,

что он носит четки, но сколько-нибудь удовлетворительного ответа от него не услышал. Я тогда подумал, что я не совсем толково разъяснил ему свой вопрос, а потому и не получил ясного ответа. Но впоследствии я понял, что грек, вероятно, просто не знал, что сказать мне на этот простой, но неожиданный вопрос. Дело в том, что, как оказалось после, в Константинополе и в других местах многие греки точно так же носят четки. И я из собственных наблюдений вывел то заключение, что четки носят многими так себе – ни для чего; точнее сказать, с той же целью, с какой у нас люди, принадлежащие к достаточному классу, таскают с собой тросточки всюду, куда ни пойдут. Это сравнение мне кажется совершенно справедливым. Мне почему-то вздумалось пригласить этого грека ехать к нам в Академию для богословского образования. Но оказалось, что он уже учился на богословском факультете Афинского университета и не окончил курса здесь только потому, что должен был взять на свои руки престарелых родителей, оставшихся без средств к жизни; по этой же причине он не мог бы ехать в Академию, хотя и желал. Из разговоров с ним я узнал, что он очень высоко ценит сочинения (проповеди) покойного высокопреосвященного Никанора, что он читал и даже изучал их в оригинале. Плодом этого изучения была составленная им биография Никанора и характеристика проповедей последнего, напечатанные в каком-то журнале, издаваемом в свободной Греции. С греком я условился видаться в Константинополе, для чего я сообщил ему свой будущий адрес (я предполагал взять от него точные сведения о месте его службы и пр.), но случилось так, что он в Константинополе два раза заходил ко мне, но не заставал дома. Я потерял его из виду. Фамилии его не помню.

Черное море само по себе меня мало интересовало. Я уже давно знаком с ним, притом же оно не производит на меня никакого впечатления. Серо оно – вот и все. В особенности с берега я даже не умею отличить его от дымчатого облака и от тумана. Впрочем, мне приходилось видеть море еще более тусклое. Имею в виду Азовское море. Своим унылым видом оно способно нагнать хандру.

На другой день после завтрака, часов в одиннадцать с половиной, ясно начали очерчиваться берега, прилегающие к устью Константинопольского пролива. Вид мало привлекательный. Полное сходство с теми скучными берегами Крыма, которых не коснулась культурная рука человека. Но вскоре мы вступили в самый Босфор⁸³. Картина быстро переменялась. Крутые берега пролива, покрытые зеленью и разнообразными постройками, прихотливо разбросанными по возвышенностям и отлогостям, заставляли, не отрываясь, глядеть в бинокль. Вход в пролив, очевидно, отдан в распоряжение турецкого артиллерийского ведомства. Турецкое военное начальство собрало здесь многое множество «крупповских гостинцев» в ожидании такой гостыи, как русская флотилия. Подступить к Константинополю с пролива едва ли, кажется, когда удастся русскому воинству. Впрочем, военные сооружения недолго привлекают внимание туриста, их сменяют другие картины, картины идиллического характера. Вдоль Босфора тянется, справа и слева, со стороны европейского и азиатского материков, ряд самых живописных и разнообразных построек, утопающих в зелени садов и рощ. Вот началась группа загородных дворцов, представляющих летнюю резиденцию разных иностранных посольств. Вот дворец русского посольства, самый отдаленный от Константинополя, ничем, впрочем, не замечательный и не бросающийся в глаза. Вот, почему-то в виде фабрики, летняя резиденция французского посольства, имеющая, как говорят, громадный парк; вон красивое здание английского посольства; вот дворец германского посольства, совершенно новенький, затейливой архитектуры, с башнями; затем следуют дворцы других посольств. Дворцы эти построены на европейской стороне, по самому берегу пролива. – Затем уже идут почти сплошные ряды построек направо и налево, перемежающиеся, однако, садами и вообще зеленью. Прихотливо разбросанные строения по верху, в середине и на самом низу гористых берегов пролива ежеминутно веселят взоры разнообразием и причудливой пестротой. Попадают мечети, построенные на удачно выбранных возвышенностях; а вот начинаются и дворцы

турецкого султана, не такой архитектуры, как наши дворцы: невысокие, удлиненной формы, почти без всяких затейливых украшений, белые до яркости, легкие по стилю и изящные, почти сказочные, купающиеся своей тенью в водах пролива, в который они большей частью и упираются своими раззолоченными воротами. Среди всех этих построек почти беспрестанно попадаются развалины, впрочем значительного объема, развалины старинных генуэзских, венецианских и греческих построек и укреплений. Только и думаешь о том, как бы не пропустить чего-либо интересного, засмотревшись на какое-нибудь здание или слишком красивый пейзаж. Я никак не мог уяснить себе, да и теперь не ясно представляю, где оканчиваются предместья Константинополя на европейском берегу и начинается самый город. В то время как я так усердно водил биноклем направо и налево, ко мне незаметно подошел старший механик и сказал: «Вдосталь любуйтесь Константинополем, приедете в него – плюнете». «Шутки шутит мой словесный супостат», – думал я. Но, к сожалению, грубая действительность превосходила, как я узнал в тот же день, самый пессимизм механика.

Двое моих спутников-французов с таким же неослабевающим любопытством смотрели попеременно то на европейскую, то на азиатскую сторону пролива, постоянно справляясь с «гидом», который был у них в руках. Они, очевидно, осматривали окрестности под руководством книжки, которая толковала им то, что открывалось их взору. Напротив, у меня не было никакого «гида». Я нарочито не брал с собой никаких описаний Константинополя, чтобы от всего виденного получить самые непосредственные, так сказать, девственно-свежие впечатления. Я не хотел читать никаких описаний красот тех или других местностей, чтобы не связывать себя в суждениях. Когда впоследствии; по приезде в город, я однажды шел по какой-то улице в Пере и когда продавец книг стал предлагать мне какой-то «путеводитель» (должно быть, Бедеккера) и бежал за мной чуть не целую улицу, навязывая мне свой товар, то я и тогда все-таки не купил книги, оставаясь верен себе.

Но вот два часа дня, и наш пароход стал бросать якорную цепь. Мы остановились при повороте из Босфора в Золотой Рог – на таком пункте, с которого открывался широкий горизонт, перед нами была и Галата, и Пера, и берега Золотого Рога, а позади нас – Скутари. С рейда открывался великолепный вид. Значительная часть Константинополя – как на ладони. Но, увы, глазами, вооруженными биноклем, я искал Св. Софию, для которой я главным образом и ехал сюда, а ее нет... не видно. Я воображал, что она выделяется из ряда других построек своей грандиозностью и архаическим характером, но обманулся. Пришлось спросить кого-то на пароходе: «Где же София?» – «Да вот», – и при этом указали мне пальцем. Смотрю – и что же вижу? Перед моими глазами что-то, лишенное всякой художественности. Мне представилось, что я вижу какую-то дебелую старицу, сидящую по-турецки, поджав ноги, укутанную множеством шалей и имеющую на своем челе повязку или чадру. «И это Айя-София», – подумал я.

Я был вполне уверен, что сейчас же сяду на каик, принадлежащий одному из монастырских подворий, и появлюсь на твердой земле в Константинополе. Но пока я собирал свои вещи, прощался со знакомыми, каик, на который я возлагал свои надежды, незаметно для меня уехал, оставив меня «без ветрила и руля». Разумеется, это вышло совершенно случайно; притом же ни к каким неприятностям не повело. На пароходе в скором времени появилась целая куча разных комиссионеров, говорящих по десятку слов на всех языках, – и я без труда объяснил одному из них, что мне нужно и куда меня следует доставить. Уговорившись о цене за комиссию, я прыгнул в одну из бесчисленных лодок, ожерельем окружавших пароход, – и через две минуты я и комиссионер были на берегу, в Галате. Дальнейший путь от берега до Пантелеимоновского подворья (т. е. подворья, принадлежащего русскому Пантелеимонову монастырю на Афоне и известного с тем же именем) я совершил без малейших приключений⁸⁴ пешком в сопровождении все того же комиссионера – в какие-нибудь десять минут. Пантелеимоновское подворье находится в Галате недалеко от берега. Сюда я имел рекомендации, и на это

учреждение сделан был мой московский аккредитив. Оказывается, что здесь меня давно уже ждали, но только не из Севастополя, а из Одессы, чем и объясняется быстрое исчезновение монастырского каика от парохода «Олег». Я почему-то ожидал, что турецкая таможня подвергнет меня тяжким мытарствам по поводу паспорта и багажа⁸⁵, но ничего такого не случилось. Только на подворье, когда комиссионер потребовал с меня франк за свободный, безостановочный пропуск через таможню, я увидел, что воображаемые мною мытарства пройдены в буквальном смысле незаметно. Тут только я догадался, что значат те таинственные жесты, которые делал мой комиссионер каким-то туркам, в большом проходном здании, на которое я не обратил никакого внимания, но которое и было турецкой таможней. За франк таможенные чины дали мне свободный пропуск, не сделав даже попытки взглянуть в мой чемодан и саквояж. Скоро и приятно!

В Пантелеимоновском подворье мне дали прекрасный угловой номер в третьем этаже – с замечательно красивым видом на Золотой Рог и Св. Софию. Послеобеденное время первого дня моего пребывания в Константинополе я посвятил общему беглому осмотру близлежащих местностей – Галаты и Перы. Впечатление было весьма невыгодное для столицы Турции. Я и прежде отлично знал, что Константинополь грязный город: его неряшливость обратилась в притчу. Но все-таки действительность превзошла все мои ожидания (об этом, впрочем, скажем после). Само собой понятно, что без проводника я не решился путешествовать по переплетающимся друг с дружкой улицам Константинополя: я боялся участи доктора Елисеева, о чем упоминал выше. Любезные пантелеимоновцы приставили ко мне в качестве проводника какого-то пожилого славянина, Дмитрия, болтавшего и по-русски, и по-турецки, и по-гречески, но ни слова не знавшего на европейских языках. Он был моим чичероне во все время моего пребывания в Константинополе, хотя его познания по части мирских дел не были настолько обстоятельны, как бы это желалось мне. Стоит заметить, что этот Дмитрий (которого я для пущей важности всегда величал кир-Дмитрий) мне

выдавал себя за черногорца, но на самом деле он был чистокровным болгаринoм. Об этом его родoпроисхождении я узнал случайно. Раз спрашиваю нашего швейцара в камилавке: «Пришел ли мой черногорец?» (т. е. кир-Димитрий). – «Какой он черногорец, он – болгарин». Sic! Значит, в настоящее время болгарину становится стыдно заявлять о своей национальности перед русским. Да, как видим, политика в Константинополе проникает даже в подвальные этажи и влияет там на ход дел... При первом беглом обзоре вышеупомянутых местностей мое внимание обратил на себя лишь роскошный султанский дворец Долма-Бахче, в который упирается главная улица Галаты, если идти вниз, по направлению к Босфору. Во-первых, этот дворец очень красив: он построен на самом берегу Босфора, а во-вторых, здесь заключен несчастный султан Мурад, предшественник и брат теперешнего главы блистательной Порты. Раззолоченные ворота, мертвенная тишина и какая-то опустелость дворца производят меланхолическое впечатление. В часы отдыха от поездок и путешествий я, сам не зная почему, очень часто приходил к этой раззолоченной клетке и приглядывался и к самому дворцу, и погружался в созерцание очень поэтической картины, открывавшейся отсюда на Босфор...

Глава I

Обозрение древних святынь Константинополя. – Приготовления к обзору Св. Софии, – обзор ее, – бабуши, – необыкновенное впечатление от созерцания внутренности храма и описание этого впечатления, – в храме много света, но не чрезмерно, – купол Софии и его архитектурная особенность: он придает красоту храму, но не служит его основанием, – разные вопросы о теперешнем состоянии Св. Софии, – турки на страже археологии, – в области исторических воспоминаний, связанных с именем Св. Софии, – проповеди Фотия, здесь именно сказанные по поводу вторжения россов, – мои недоумения, – София и лучшие из русских храмов, – камешки от софийской мозаики, – вопрос о подлинности их; – древний храм св. Ирины, – предание об одном многовековом платане, – бывшая древнейшая церковь св. Апостолов. – Поездка к святыням теперешнего Константинополя: впечатление от Стамбула, – храм Живоносного Источника, – священная вода, – монахи и я, – здешнее греческое кладбище Баликли; – путь во Влахерн, – можно ли назвать эту дорогу «скверной»? Остатки Византийских стен, – оттоманское кладбище, – посещение Влахернского храма и монастыря, – русский колокол и его судьба; – в Фанаре и патриархии: храм св. Георгия, – что показывают здесь достопримечательного? – патриаршие покои, – ворота повешенного, – общее впечатление от греческих храмов. – Попутное посещение мечети Кахрие-Джамиси (древний монастырь), ее мозаики, – мой скепсис, – удар, нанесенный ему, – мысли и одно решение.

С чего было начать обстоятельное обозрение Константинополя⁸⁶, этого города древнего, нового, великого, гадкого, много интриговавшего прежде, не перестающего быть предметом интриг и по сию пору, города священного, богомерзкого? Я давно решил начать обзор Константинополя с величайшей его святыни – Св. Софии, сделавшейся мечетью на другой же день после завоевания Византии турками. Но отправиться прямо в Софию и осматривать ее я не решался:

мне представлялось это каким-то кощунством. Нужно было сначала подготовиться к этому священному делу, а потом и сделать его. Мое приготовление состояло в том, что я прежде осмотрел Св. Софию с внешней стороны, не проникая в нее саму, я обошел ее кругом, обходил обширную площадь, на которой она стоит, и некоторые близлежащие пункты. К сожалению, должен сознаться, что и непосредственное впечатление от внешнего обзора Софии не могло изгладить такого впечатления, какое у меня осталось от первого взгляда на Юстинианов храм еще с рейда. И теперь мне показался он и невзрачным, и не имеющим таких размеров, как я воображал себе. Обзорение внутренности храма я отложил до следующего утра.

На третий день по прибытии в Константинополь в десять часов утра я поехал для внутреннего обозрения знаменитого храма. Не буду говорить о том, кто впускает сюда и что за это платится – это давно известно, по той же причине не буду упоминать и о тех бабушах (туфли), которые надевают при этом на ноги гяура, поверх штиблет, дабы он своими стопами не осквернил помоста магометанской досточтимой мечети. Замечу только, что и при бабушах, хотя и невольно, но не один раз я осквернял своими ногами столь тщательно хранимый помост этой последней. Бабуши оказались очень велики и при ходьбе незаметно для меня соскакивали с ног: разумеется, я сейчас же спешил заглаживать свой проступок... Наконец я вошел в самый храм, окинул его взором и обомлел. Да как же он громаден! Я еще никогда не видал такого обширного храма! И какая неопишуемая противоположность между его наружностью и внутренним видом! Снаружи он кажется вовсе не велик, а внутри оказывается громаднейшим. Конечно, и красота его чудная! Это как будто дорогая бонбоньерка парижского изделия, волшебством превратившаяся в грандиозное и грациозное здание. Легкость и гармония: ничего лишнего. Удивительно то, что с какой точки внутри не рассматривать храм, – отовсюду он виден почти весь, и красота его не теряет от перемены точки зрения. Просто диво! Все лучшие описания и все лучшие художественные снимки, изображающие внутренность Софии,

какие только нам встречались, все совершенно верны, потому что сам храм художественно прекрасен. Но ни одно описание этой внутренности, как бы оно ни было тщательно сделано, и никакая фотография и литография не могут возбуждать в душе и сотой доли того чистого наслаждения и того сладостно-величавого впечатления, которое дается зрелищем самого храма. Быть может, удивительнее всего то (это я сам глубоко прочувствовал), что чем больше ознакомляешься с храмом, тем больше и притом очень быстро сродняешься с ним. Вы чувствуете, что как будто вы уже давно знаете этот храм и теперь только восстанавливаете в памяти дорогие черты. Он как будто родной для вас храм. Лишь истинно художественные произведения способны возбуждать такие мысли и чувства!

Когда несколько улеглась сила первого впечатления, я старался дать себе отчет о подробностях зримого и чувствуемого. Храм был светел, но вовсе не так светел, как рассказывают другие мне известные наблюдатели и описатели храма. Он ничуть не светлее других греческих храмов в Константинополе⁸⁷. Большое количество света, по моему мнению, не составляет особенной принадлежности Софии. Купол Софии столько раз был описан, что я не решаюсь еще раз делать то же самое: к тому, что всем известно, мне нечего прибавлять. Сознаюсь, что он не поразил меня громадностью. Но все же он нечто неподражаемое. Почти всеми археологами признано, что купол – это есть не что иное, как храм центрической (круглой) формы, вознесенный и утвержденный на верхней части другого храма базиликообразного, составляющего корпус Софийской церкви. Утвердить храм (хотя бы и не великий) на другом храме – задача, разрешение которой требовало гениальности. Весь Софийский купол из камня и прорезан множеством окон. На чем же он держится? И это в Константинополе, где так часто бывают землетрясения? Кому не известен громадный купол, украшающий прекрасный храм в так называемом Новом Иерусалиме? Но построить этот купол ничего не стоило. Он сделан из картона. Факт. А из картона можно построить, думаю, и башню Вавилонскую. Американцы теперь, как известно, делают даже пушки из

бумаги... Не то купол Софии: он из камня, он очень велик, он разрезан множеством окон... Впрочем, я не буду утверждать, как обыкновенно принято, что будто купол главным образом и придает красоту Софии. Если бы вместо купола просто находилось большое отверстие, как было в римском Пантеоне, то, по моему мнению, храм ничего бы не потерял от этого. Весь остальной храм так прекрасен, что купол только прибавляет красоты, но не служит ее основанием. Говоря это, я, конечно, могу быть обвинен в проповеди археологической ереси; но все же откровенно должен сказать, что мне купол показался лишь прелестной деталью целого – не больше. Мозаические полы Софии теперь сплошь покрыты циновками, но это не только не портит общего жизнерадостного впечатления от храма, а даже усиливает это впечатление: мягкость шагов создает какую-то таинственность, ощущаемую посетителем при перемещении с одного места на другое. Притом же, как я заметил, циновки очень свежи (вероятно, они часто меняются), издают своеобразный бальзамический запах. Многим не нравится, что в Софии поклонниками ислама развешено в их целях на железных прутьях и цепях довольно много деревянных треугольников с простенькими светильниками⁸⁸, но я нахожу, что эти принадлежности мечети нисколько не мешают наслаждаться зрелищем великолепного храма и даже совсем не бросаются в глаза. Часто приходится слышать жалобы на небрежное хранение турками такого знаменитого памятника древности, как София. Это, положим, верно. Некоторые оконца в куполе совсем почему-то замазаны или известкой, или глиной; то же случилось с некоторыми большими окнами по стенам храма; голуби разгуливают по верхним галереям, проникая, вероятно, в разбитые окна, хотя я разбитых окон и не заметил (потому что не думал об этом). Все это так, но ведь немногим лучше было и в те времена, когда Св. София была в руках христиан. На это можно было бы привести доказательства, но в этом я не вижу нужды. А главное вот что: турки оставляют храм безо всяких изменений, как он есть. Они не делают в нем ни переделок, ни поправок, которые, несомненно, сделались бы наигоршими ухудшениями. Они просто-напросто замазывают

глиной или известью разрушившиеся окна; они, так сказать, бальзамируют труп и предохраняют его от дальнейшего разложения. В этом смысле турки являются наилучшими, самыми надежными хранителями археологических древностей. Что стало бы с Софией, если бы она была в руках греческих христиан? Без сомнения, они давно бы переделали ее многое множество раз – и она давно перестала бы быть Юстиниановой Софией. Загляните в теперешние греческие храмы – в них нет никаких древностей. Греки такие же ценители археологических редкостей, как наши купцы, которые готовы раскрасить каждую церковную древность самоновейшими яркими красками и облицевать сусальным золотом. С турок довольно и того, что они не обезобразили, не исказили Софии. Нужно притом помнить, что и их собственные мечети содержатся едва ли лучше, чем София.

Но довольно рассуждать на тему, которую каждый может разрешать по-своему.

Когда я достаточно освоился и уяснил себе настоящее состояние Софии, я невольно перенесся к воспоминаниям о прошедшем этого знаменитейшего храма. На верхних галереях, где теперь мирно воркуют голуби (как у нас в Троицкой лавре, в трапезной церкви), прежде происходили целые соборы. Там создавались такие акты соборов, которые мы и теперь изучаем или со вниманием, или с недоумением, но всегда с интересом. Там, на этих галереях, создавалась история Церкви. А сам храм разве менее насчитает заслуг у себя, начиная с глубокой древности? Не здесь ли происходили коронации и интронизации (патриаршие), провозглашалась анафема против одних и вечная память другим? Не сюда ли направлялись царские церемониальные выходы, которые совершались так часто и которые служили знаком того, что Византия есть центр Православия? Вообще, София не только влияла на ход церковной истории, но и на ход политики, создавая и историю Византии вообще, и во всяком случае она была свидетельницей всех государственных переворотов. Не здесь ли в ее анафемах и провозглашении вечной памяти давалось направление умам: одно отвергалось, другое одобрялось в религиозно-умственных

движениях времени? Но всего не перечтешь, что припоминалось мне при виде этого великого храма. Добавлю к сейчас сказанному разве одно: София почти в течение тысячелетия оглашалась проповедью Константинопольских патриархов, – то мирной и грозной, то витиеватой и простодушной, то властной и смиренной и т. д. Не здесь ли глаголом жег сердца знаменитый Фотий, неутомимый проповедник, бравший бразды слова благовременно и безвременно? И припомнилось мне содержание его горячих проповедей, произнесенных по поводу россов (русских), подступивших в 864 г. летом к стенам Константинополя и грозивших обратить его в развалины. Возвратившись в отечество, я снова перечитал эти знаменитые импровизации Фотия и старался выяснить, какое впечатление на слушателей могли иметь эти полные душевной горечи и почти отчаяния слова его: «Πόθεν ἡμῖν ὁ ὑπερβόρειος οὗτος καὶ φοβερός ἐπέσκηψε κεραννός; συνθρήνησον μοι ταύτην τὴν Ἱερουσαλήμ, οὐκ ἀλοῦσαν ἤδη καὶ χαμαὶ πεσοῦσαν, ἀλλ' ἐγγὺς κειμένην τοῦ ἀλώματος. Συνθρήνησον τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων»⁸⁹. Я уверен, что, слыша слова проповедника, все плакали, как плакали ниневитяне, внимая грозным речам Ионы. Я ясно представляю себе: как проповедовали Византийские патриархи в Софии и какое впечатление их проповеди производили. Но зато я никак не могу представить себе, как происходило торжественное богослужение в Софии. Самая апсида Софии очень мала, не велико место отведено и для солеи. Я никак не могу представить себе, где могли размещаться патриарх, многочисленные архиереи, сонм священников во время торжественного богослужения? Где становились диаконы, возглашая ектеньи, где находили себе место чтецы, певцы, кадиловозжигатели, свещеносцы и т. п.? Турки позволяют свободно ходить апсидой и на солее, но я ходил, мысленно измерял пространство, соображал, а в результате не получилось ничего.

Но пора уж и распрощаться с Софией. Я знаю все лучшие храмы Русской церкви: Исаакия и Казанский в Петербурге, Софию в Киеве, Владимирский в Херсонесе и, конечно,

Успенский собор и храм Христа Спасителя в Москве. Но все они не могут производить того впечатления, как Св. София Константинопольская. Этот храм единственный в своем роде. Наши гг. Тоны не в состоянии сравниться с Анфимием из Тралл и Исидором из Милета, строителями храма Юстинианова, не имеющими биографии, но стяжавшими бессмертную славу⁹⁰.

Выходя из Софии, я припомнил, что один из моих добрейших сослуживцев поручил мне достать для него несколько камешков от какой-нибудь софийской мозаики. Я принялся за исполнение этого поручения. Но самому мне ковырять камешков не позволили. Это воспрещено. Не сразу страж-турок сдался на мою просьбу достать нужных мне камешков. Он сначала отнекивался, но потом дело уладилось. Разумеется, переговоры за меня вел мой кир-Димитрий. В моих руках очутилось что-то около 20 мозаических камешков, а в карман турка взамен их пошла небольшая турецкая монета. Мой дорогой сотоварищ, когда я передал ему эту драгоценность, усомнился: да подлинные ли это камешки от софийской мозаики? Не подделка ли это? Но... но, во-первых, турки народ совестливый (это говорят все знающие их) и греха на душу не примут, а во-вторых, стоило ли из-за ничтожного бакшиша, который разве с пренебрежением взял бы в руки официант русской гостиницы, подделывать мозаические камешки? Полагаю, что подделать их ведь не совсем легко.

В Стамбуле кроме Св. Софии находятся два знаменитых древних византийских храма: св. Ирины, превращенный теперь в какой-то арсенал, доступ в который закрыт, и храм св. Апостолов – это усыпальница византийских императоров, начиная с Константина Великого. Храм св. Ирины, находящийся подле Софии и отделенный от нее лишь толстой старинной стеной с воротами, сохранился замечательно хорошо и долго ласкал мои взоры своим сливочного цвета мрамором. Возле него находятся массивные надгробные памятники-саркофаги византийского периода, впрочем, перенесенные сюда из другого места. На площади Ирининского храма показывают толстейшее старое дерево-платан – с обломанной вершиной, но с зеленеющими еще ветвями. Мне кажется, что это дерево имеет

многосотлетнюю древность. Немного повыше роста человеческого в стволе дерева воткнуты железные крючья противной формы: мне говорили, что будто бы на этих крючьях было повешено много христиан во время взятия Константинополя турками. При мне некоторые туристы срывали с дерева широкие листья на память. Я не сделал этого. Место это глухое, несмотря на прекрасную площадь, с которой открывается приятный вид. – Храм св. Апостолов, по всей видимости, не сохранился в первоначальном виде, будучи превращен в турецкую мечеть с именем Магометовой. Он внешне похож на Софию, на которую в древности не походил, а значит, подвергся значительной переделке. Утверждают, что в его громадных подвалах находится много древностей и гробниц, никем не исследованных. Мечеть в настоящее время окружена зданиями, в которых помещаются медресе, т. е. магометанские школы, в которых получают соответственное образование муллы. Она находится почти в центре Стамбула. Мне приятно было видеть этот, хотя и малый, остаток старины, имеющий столь тесное отношение к моей специальности. Великие тени прошлого замелькали в моем воображении.

Спустя несколько дней после обзора Св. Софии я предпринял путешествие по тем местам Константинополя, которые составляют его святыню в настоящее время. Было утро, приблизительно часов девять. Я с верным мне кир-Димитрием двинулся пешком к мосту, перерезывающему Золотой Рог в нижней его части, прошли очень длинный мост, заплатив по 10 пара (2 коп.) с человека за право переломать себе ноги, проходя этот удивительный мост, и достигли извозничьей биржи, всего-навсего истратив на путешествие минут 12. Здесь оказалось много извозничьих карет (кажется, для турчанок) и фаэтонов с хорошими лошадьми и кучерами в фесках (они сидят на своих высоких козлах точно какие паши). Путь предстоял очень большой. Взяли фаэтон и поехали. Прежде всего нам нужно было ехать к Живоносному Источнику. Для того чтобы достигнуть этого места, пришлось насквозь перерезать весь Стамбул, обширнейшую часть города⁹¹, которая некогда и составляла саму Византию. Проезд

Стамбулом был очень поучителен, потому что знакомил с главной частью Константинополя, обнаруживая все прелести турецкого неряшества в постройках и привычках. Наконец, по прошествии, кажется, целого часа, мы выехали из города, если не ошибаюсь, Силиврийскими воротами и очутились в поле – не зеленом нашем поле, а константинопольском июльском, желто-сером, унылом. Стало попадаться много деревьев. Чувствовалось, что мы за городом. Проводник сказал мне, что ранней весной поля здесь покрываются пышной травой, деревья получают роскошную листву и жители Константинополя приходят и приезжают сюда насладиться прелестями весны. Я этому очень верю. Местность приятная и может доставить наслаждение в весеннюю пору. Но вот мы приехали в монастырь, заключающий в своих стенах знаменитый Живоносный Источник. Перед вратами, несмотря на будничные день, расположилось множество экипажей, свидетельствуя о массе богомольцев. Больше всего сюда стекается богомольцев по пятницам. Прежде всего мы отправились к Источнику. Он находится в небольшом пещерном храме, похожем на такой же храм, вмещающий икону Черниговской Божией Матери и существующий возле Троицкой лавры в так называемом Черниговском ските. Источник заключен в водоем. Вода его вкусна и прозрачна. Я испил ее и даже оросил себе голову. В храме пели молебен по-гречески, спешно и нестройно. Богомольцы омывали себе лицо водой, пили ее, слушали молебен. При храме, говорят, есть отдельная комната, где за особое вознаграждение позволяется облить себя водой (ради укрепления или восстановления здоровья) с головы до ног. Но я, конечно, не делал этого. По выходе из пещерного храма мы прошли в главный храм. Здесь повстречался мне монах, который громко стал возглашать: «Давай, давай» на чисто русском языке. Обращение было сделано ко мне. Но я не догадывался, чего ему «давать», несмотря на три медные тарелки, которые стояли передо мной на прилавке. Я и тогда постарался бы не догадаться, что ему нужно, если бы вдобавок к оглушительному окрику он еще не схватил бы меня за ворот. Храм светел и привлекателен, содержится в большом порядке.

Вообще, вся эта поездка произвела на меня приятное впечатление; все виденные мной в эту поездку греческие храмы мне понравились. Вокруг монастыря расположено самое богатое греческое кладбище, известное под именем Баликли. Здесь можно было видеть несколько патриарших могил возле храма. Кладбище осенено множеством деревьев; немало повсюду виднеется богатых мраморных памятников разнообразной формы. Чувствовалось легко, зелень привлекала взоры. Но нужно было поспешать к другим святыням Константинополя.

Ехать пришлось что-то очень долго, по невозможной дороге. Русские корреспонденты, когда описывали погребальную процессию патриарха Дионисия, скончавшегося в августе прошлого года, процессию, двигавшуюся по этому самому пути и направлявшуюся к Живоносному Источнику, месту последнего упокоения почившего святителя, называли эту дорогу «скверной», но это слишком снисходительное название. Дорогу следует назвать костоломной. Я думаю, что в таком виде оказались дороги на острове Искии после известного землетрясения. По пути вместо песка разбросаны большие булыжники, которые от времени хоть немного и сгладились, но в сущности представляют собой лишь препятствие к движению. Направо тянулась знаменитая Византийская стена, сохранившаяся настолько, что по ней можно судить, какова стена была в свое время. Собственно это не стена, а стены, ибо ясно видно, что за одной стеной была другая, а за другой третья. Сохранились кое-где значительные остатки древних башен, составлявших звенья этих стен. Я никак не ожидал, чтобы остатки стен и башен были так значительны. Кроме того, возле стен идет глубокий искусственный ров или канал, облицованный прочными камнями. В этот канал впускалась прежде вода из Мраморного моря. Теперь он заброшен. Для каких целей служил канал, сказать не могу. По левую сторону пути идет сплошной лес кипарисов, служащий кладбищем для правоверных мусульман. Казалось, конца не будет этому кладбищу.

Но вот мы достигли Влахернского монастыря. В храме богомольцев не было, но он был открыт. Здесь хранится древняя икона Влахернской Божией Матери. Есть в храме и св. источник, заключенный в водоем. Вода вкусна. В этом источнике в древности в известное время омывали свое тело христианнейшие византийские императоры. Храм не велик, но производит впечатление удобного прибежища в молитве. Вся внутренность монастыря покрыта богатой растительностью; под сенью деревьев поставлены столики; виднеется гостиница или, точнее, ресторан. В праздничные дни богомольцы остаются после богослужения посидеть в зелени, попить кофе и что-нибудь покушать. Жалею, что не был свидетелем такого зрелища. Я представляю, что картина должна носить идиллический характер. Во Влахерне можно видеть разбитый колокол, висящий на столбе. Говорят, что он пожертвован москвичами, но влахернская братия, по неумению звонить, разбила его. Для звона теперь служит колокольчик средних размеров. Кстати сказать, что звонят греки пренеприятно (не так, как у нас). Их звон похож на католический, но много хуже. Звон «во все» не практикуется – быть может, и запрещен турецким правительством.

От Влахерна недалеко и до знаменитого греческого квартала Фанар. А в нем, как известно, помещается Константинопольская патриархия. Резиденцией патриарха служит монастырь св. Георгия. Дорога в Фанар и из него показала мне, что эта местность одна из самых грязных и заброшенных. Но это замечание не относится к самой патриархии. Монастырь Георгия представляет собой оазис среди людской пустыни. Он наполнен растительностью. Храм не особенно велик, но изобилует светом. Сердце жизнерадостно трепещет, чувствуя неожиданный переход от ощущений тягостных к радостным. В храме все хорошо. Люстры, заменяющие наши тяжеловесные паникадила, переливают всеми цветами радуги. Чисто, воздух здоровый. Мы ожидали встретить здесь много замечательных святынь и достопримечательностей, но очень ошиблись. Показывают несколько останков от мощей. На длинном и узком столе

поставлены три ковчега, имеющие форму маленьких гробиков, и в них заключаются: в одном кости св. Евфимии мученицы, в другом – Феофании, жены Льва Мудрого, в третьем – Соломин, матери Маккавеев. Непосредственно к ним прикладываться нельзя: кости видны через стекло, вставленное в верхней, более широкой части ковчегков. Для меня особенный интерес представляли останки св. Евфимии, имени которой был посвящен храм в Халкидоне. А в этом халкидонском храме происходил знаменитейший из Вселенских соборов – Халкидонский. Но там (в Халкидоне), судя по описанию историка Евагрия, почивали целокупные мощи мученицы, а не малый останок от них. Показывают также кафедру Златоуста. Это высокий деревянный стул или кресло из черного дерева с высокой спинкой и длинными ножками. Ясно, что это не подлинная кафедра Златоуста. Ибо Софийский храм, где находилось епископское седалище Златоуста, дважды сгорел до времени Юстиниана; да и кафедра, конечно, была мраморная, а не деревянная. Какой эпохе принадлежит стул, теперь показываемый в патриархии, – сказать не могу. Форма стула – венецианская. Еще показывают икону Богородицы и свечной ящик с инкрустациями (не употребляющийся в дело) с присовокуплением сведений, что будто это – предметы, составлявшие принадлежность Софийского храма перед его метаморфозой в мечеть. Дальше осматривать было нечего в Георгиевской церкви. Пономарь-грек, суций Адонис по красоте лица, но в пиджаке, отверзший нам двери храма и ознакомивший с его святынями и достопримечательностями, получил небольшой бакшиш, без которого нельзя обойтись на Востоке, – и мы оставили осмотренную церковь.

Патриаршие покои не поражают ничем. Это скромное жилище, какое у нас имеет архимандрит порядочного монастыря; но все же помещение очень прилично. Сам патриарх (Дионисий) всю весну и лето этого года жил не в городе, а на собственной даче, близ Никомидии (сообщение по железной дороге), и, как известно, в августе неожиданно скончался. Внутри монастыря бросаются в глаза ворота, совершенно отдельно стоящие и замкнутые; если не ошибаюсь,

столбы их каменные, а створы деревянные. Ворота не новы. Это те самые ворота, на которых (в 20-х гг. текущего века) повешен был турками патриарх Григорий V, ошибочно считающийся знаменитым иерархом. Что это – демонстрация или реликвия? Или то и другое вместе? Как бы то ни было, толерантные или индифферентные турки и ухом не ведут при виде такого оппозиционного факта. По другую сторону улицы, рядом с монастырем, находится хорошенький сквер, принадлежащий патриархии. Из Галаты и Перы в патриархию можно приезжать срочным паромом, что очень удобно. – Время близилось к двум часам и мы поспешили в Перу, чтобы присутствовать на одном религиозном мусульманском зрелище, начинавшемся именно в два часа того же дня (но об этом скажем в своем месте).

Из посещения греческих храмов, вышеописанных и некоторых других, мы вынесли очень благоприятное впечатление. Светлые, со вкусом убранные, чисто содержимые греческие храмы как-то успокоительно, миротворно и отрадно действуют на душу. Они не подавляют, как это бывает в очень больших и массивных храмах, человека, возбуждая в нем чувство своего ничтожества, не поселяют страха и трепета в сердце, а поднимают дух, вливают в него сладостное чувство небесного мира, насаждают мысль о том, что мы не сосуды только скудельные, но и чада сыноположения...

Пилигримствуя при вышеупомянутом случае по греческим храмам, известным своими святынями, я по дороге заехал в одну мечеть, в которой нет христианских святынь, но есть высокого достоинства художественные произведения христианской древности. (Об этой мечети мы не упомянули в своем месте, не желая прерывать нити нашего рассказа, касающегося одного определенного предмета.) И не раскаялся в этом. Имею в виду мечеть Кахрие-Джамиси⁹², славящуюся христианскими мозаиками, в ней сохранившимися. По дороге во Влахерн я заехал и в эту мечеть, не предполагая, однако, найти в ней что-либо особенное. Я не был знаком с мозаиками Кахрие-Джамиси в хороших снимках, но зато знал блестящие снимки Софийской мозаики, изданные Фоссати и сделанные

этим художником при реставрировании Софии в 40-х гг., не менее блестящие снимки Солунской мозаики Тессье и, наконец, поражающие своим изяществом снимки с катакомбных фресок Перре. Все эти снимки, как слишком красивые, мне казались подозрительными по отношению к точности, – приукрашенными. То же чувство недоверия испытывал я и приступая к обзору мозаики указанной мечети. Я полагал найти вместо прославляемых за свою красоту мозаик что-нибудь тусклое, неясное, неопределенное – словом, слишком археологическое. Но меня постигло приятное разочарование. – Мечеть стоит в захолустье Стамбула, – таком захолустье, подобного которому, пожалуй, еще и не найдешь в Стамбуле, где стоит эта мечеть. Пришлось ехать какой-то похожей на проселочную дорогой и спуститься чуть ли не в овраг, где, как оказалось, и находится мечеть. Надежда встретить здесь что-либо замечательное еще больше ослабела во мне. Но стоило только войти в мечеть, как всем сомнениям сейчас же пришел конец. Древние притворы храма, обращенного в мечеть, оказавшиеся ненужными для турок, остались почти в том же виде, какой они имели в XV в. А в этих притворах находится большое количество христианских мозаик. И что это за мозаики? Если не все, то многие из них, именно те, которые меньше пострадали от времени и нерящества турок, просто очаровывали взоры: лики и фигуры Богоматери, Предвечного Младенца, праведного Иосифа, волхвов, пастырей и различных аксессуарных персонажей – в различных художественных комбинациях – выступают перед зрителем в ярких, почти свежих цветах и являются исполненными жизненной правды. Каким образом эти мозаики так хорошо сохранились и каким образом посредством такого неблагодарного материала, как камешки, можно придать изображениям жизненность и движение, – вообще художественную правдивость? Это не могло не поразить меня. И хотя неполное освещение, которое составляет недостаток мечети, не дает в совершенстве уловить каждую деталь, это не мешает зрелищу быть глубоко поучительным. Замечательно: по сторонам внутренней двери, ведущей в мечеть, находятся два большие мозаические изображения апп. Петра и Павла; эти

мозаики невольно должны бросаться в глаза каждому мусульманину, входящему в мечеть. Но турки, оказывается, – народ себе на уме. Они сделали некоторые приспособления, благодаря которым мозаические изображения Петра и Павла становятся невидимыми, когда входит в мечеть турок, и, напротив, являются во всей своей красоте взору христианина, когда этот посещает Кахрие-Джамиси. Дело делается просто. Рядом с изображениями повешены деревянные щиты или ставни, которыми закрываются мозаики, когда мечеть открыта для турок, и которые открываются, если приходит христианин и несет бакшиш. – Мечеть и посещение ее ясно показали мне, какое значение имеют путешествия для человека, призванного заниматься наукой. Никакие описания, никакие рисунки не убедили бы меня в том, в чем убедили меня в самое короткое время собственные глаза. Я вошел в мечеть сомневающимся, а вышел отсюда глубоко верующим. Прекрасные мозаики, дошедшие до нас от древности, как я ясно уверился, не суть плод фантазии археологов, нередко грешащих увлечениями в области своей специальности, но действительные, реальные факты. Безмолвный урок, преподанный мне в Кахрие-Джамиси, послужил мне в пользу. Я тогда же решил обозреть при случае и другие прославленные христианские древности – в уверенности испытать такое же наслаждение, какое доставили мне мозаики этой мечети. Я составил себе и план такого путешествия⁹³.

Глава II

Особенности Константинополя и жизни его обитателей: главные части города, – мечети, их архитектурная монотонность, – дворцы послов, – ненадежное устройство константинопольских домов, – улицы, – путь в «обход улицы», – безбрежность Босфора и Золотого Рога, – ни бульвара, – ни скамейки, – конно-железная дорога не в пример другим. – Безештан – главное торговое место, – странное смешение, – улица взамен магазина, – уличное галдение, – придаточная к ней своеобразная музыка, – уличные чистильщики сапог, – клевета на них. – Отсутствие русских магазинов; – как исключение – русские магазины с продажей «русского вина». – Одна «фабрика» и о том, как я попал в нее. – Несколько наблюдений из области жизни и обычаев турок: солдаты, – полицейская стража, – пляски дервишей, – описание этого зрелища, – турецкий Антропологический музей, – турецкий покойник, – турецкие похороны. – Сравнительная оценка нравов Стамбула, Галаты с Перой. – Две противоположности: нищие, – в каком смысле они составляют лучшее украшение Константинополя? – уличные собаки – крайний предел константинопольских безобразий, – их жизнь и нравы.

Особенности Константинополя как оригинального восточноевропейского города много раз описаны были более искусным пером, чем наше, и более сведущими людьми, чем мы, тем не менее не считаем лишним поделиться с читателями некоторыми нашими впечатлениями относительно этих особенностей. Думаем, что найдется в этих впечатлениях что-либо стоящее внимания.

Константинополь состоит из трех главных частей: Стамбула, Галаты и Перы. Что еще принадлежит городу, точно не знаю. Стамбул – турецкая часть города с небольшой примесью греков и армян (Фанар). Здесь находятся все более важные турецкие учреждения: Диван (государственный совет), монетный двор, арсенал, турецкий музей (который по своим примитивным порядкам сам годился бы для какого-нибудь

музея), Безештан (богатые константинопольские торговые ряды), Айя-София и т. д. В Галате живет смешанное население: частью турки, частью греки. А в Пере, возвышенной части города, господствующей над Галатой, – европейцы с примесью греков и с небольшим количеством турок, по роду профессии живущих там, где прикажут.

Красивых зданий в Константинополе очень немного. Лучше всего мечети, по крайней мере в перспективе. Но они скоро прискучивают своим видом. По моему мнению, все лучшие мечети построены по образцу Св. Софии (в ее первоначальном виде) и потому не только не блещут разнообразием, а напротив, почти все кажутся очень монотонными (о дворцах султана уже была речь). Дворцы некоторых иностранных послов, находящиеся в Пере, тоже выделяются красотой архитектуры, например величественный дворец английского посла, но дворец русского посла не производит эффекта. Некоторые из казарм в Пере (например, кавалерийские) так красивы, что я принимал их за дворцы. Большинство домов в Константинополе очень узки, но зато в несколько этажей. Разумеется, в этом нет никакой красоты; да и едва ли сами дома особенно удобны для жилья. Мало того: если подобной конструкции дом построен из дерева или представляет смешанную постройку из дерева и камня, то он не безопасен не только в случае пожара, но и бури. Такой дом, если он стоит в одиночку не прилегая к другим зданиям, при сильном ветре грозит разрушением. Одно лицо (из русских), имеющее несчастье, по обязанностям службы, проживать в таком доме, серьезно уверяло меня, что дом, где оно живет, во время бури заметно покачивается и обитающие здесь ждут возможной катастрофы.

Улицы не только грязны, кривы, зловонны, но и узки, и притом обрамлены шести- и семиэтажными зданиями, так что кажутся какими-то коридорами. Исключение составляют несколько улиц в Пере и Стамбуле, сохранившихся в этом последнем месте еще от византийского владычества. Поперечные улицы, идущие из Галаты в Перу, в гору, – чистое наказание. Они представляют собой ряд головоломных террас с уступами разной величины. В иных случаях приняты, конечно по

инициативе европейцев, серьезные меры для того, чтобы идущий с Перы в Галату или обратно мог миновать улицы. С этой целью устроены тоннели в грунте земли, снабженные паровозами, перевозящими путников с Перы в Галату и обратно. Хороши же, значит, улицы, если приходится миновать их: для безопасности и удобства нужно спуститься под землю, чтобы объехать улицу.

Во всяком приморском городе лучшим местом для прогулок считается берег. Но приморский город Константинополь лишен берегов. Берега Босфора и Золотого Рога застроены так, что доступ к тому и другому пресечен (за исключением небольших пролетов, соединяющих сушу с водной стихией). Для того чтобы сделать доступными Босфор и Золотой Рог, какая-то компания хочет построить искусственную насыпь взамен утраченных берегов. Хорош же приморский город, где доступа к морю нет и где взамен естественного берега требуется устроить искусственный! Но устроят ли этот последний и когда, – остается неизвестным. Во всем Константинополе нет ни одного сквера, ни общественного сада, ни бульваров. Если хотите подышать среди зелени, ступайте в частный, кем-либо арендуемый сад – и платите деньги за вход. Во всем Константинополе нет ни одной скамейки, где бы можно было отдохнуть усталому путнику. Если хотите отдохнуть, идите в ресторан, спросите себе кофе – и получите при этом стул. Прекрасные рощи позади Св. Софии, близ моря, остаются в забросе: ни дорожек, ни скамеек; я видел, как здесь разгуливают стреноженные лошади. Здесь и ресторана нет. Сиди на чем хочешь и как хочешь. Большинство публики не пользуется экипажами: в них неудобно разъезжать по головоломным улицам; да и извозчищи экипажи дороги. Публика предпочитает пешее хождение езде на коне. Правда, по некоторым более широким улицам проведена конно-железная дорога, и ею многие пользуются. Но на взгляд, не привыкший к константинопольским порядкам, эта конка кажется безобразием. Окна вагонов без стекол, но с железными решетками (?); впереди вагона бежит скороход и что-то громко кричит, вероятно, предостерегая толпу, причем в его руках

обретается скалка, которая и гуляет по плечам встречных зевак. Я видел, как однажды удар пришелся на долю моего кир-Димитрия. При этом я спросил его: «Что, больно?» Но ответа не последовало. Из этого заключаю, что скалка не шутит.

Как все восточные города, Константинополь до страсти любит торговлю. Главный торговый пункт – это так называемый Безештан в Стамбуле, знаменитые константинопольские ряды. Из любопытства я был там, но не остался доволен виденным. Ряды устроены прихотливыми уступами, на которых легко вывихнуть ноги. Товары не разделены по их разрядам, а чередуются в хаотическом беспорядке. Торговцы, случается, не сидят и не стоят, а благодушно лежат на залавках, вытянувшись во всю длину роста, без верхнего платья – в одних рубашках и брюках. «Иды суда, каспадын», – приглашал меня подобный армянин купить что-то, но я ничего не покупал, потому что не собирался делать покупок. Вообще нередко случалось, что по каким-то приметам узнавали во мне русского, – и я слышал приветливые возгласы: «Русь!», «Русский!» Безештан мне скоро надоел, и я с удовольствием ушел отсюда.

Хаотический беспорядок, выражающийся в причудливом, чередовании одного рода торговли с другим, свойствен и Пере. И здесь можно видеть рядом ювелирный магазин и грязную мясную лавку. Торгуют везде – на улицах, на перекрестках и даже среди улиц. Я видел, как продавец стеклянной посуды, нимало не стесняясь, разложил свой товар среди улицы (конечно, не самой бойкой), а сам лег рядом. Нужна большая осторожность, чтобы не раздавить ногами разложенные где ни попадя товары. Все торгующие неистово кричат, галдят, выкрикивая свой товар. Но иные торговцы орут только что-то вроде: «беш-парá» или «ерми-парá», т. е. указывалась прямо стоимость товара без обозначения самого товара. Очевидно, торгаш заманивал покупателей дешевизной. Вдобавок к этим крикам присоединяется особенный своеобразный звон из лавочек с шипучими водами. Таких лавочек очень много по всем улицам. У продавцов шипучих вод в течение целого дня (от 6 часов утра до 9 вечера) звонит механическим способом

машина, издающая пронзительный звук, весьма похожий на звук будильника. Зачем это делается, не знаю, но таков обычай.

На улице стоит стон-стоном целый день. Идя по улице, не только можно купить все, что вам угодно, но и исправить ваш туалет. По всем бойким путям на узких тротуарах сидят по-турецки и прижавшись к стенам зданий прилично одетые, подобно всем мелким торговцам, особые человеческие существа, профессия которых состоит в чищении сапог и брюк, пылящихся среди уличной неряшливости. Эти чистильщики сапог (греки, турки и славяне) имеют подле себя небольшие ящики, обитые сверху медью, служащие и вместилищем их инструментов, и подставкой для ноги клиента во время совершения операции. Несправедливо некоторые утверждают, что будто это народ назойливый, позволяющий себе хватать за ноги проходящих в виде приглашения к операции⁹⁴. Чистильщики сидят смирно, громко постукивая щеткой о медь ящика, и таким образом напоминают о своем существовании и о готовности к услугам. Операция стоит 10 парá (2 коп.). Я узнал, что большинство чистильщиков – глухонемые, т. е. значит, эти несчастные нашли себе приличное занятие, обеспечивающее их жизнь, но не требующее употребления языка, который у них не действует, как должно. В Галате, людной части города, сапожных чистильщиков очень много. Я всегда пользовался их услугами.

В Константинополе много всяких магазинов: греческих, французских, английских, итальянских, армянских (немецких мало); конечно, есть и турецкие – в Стамбуле. Но, к сожалению, нет магазинов русских. Правда, есть один или два русских магазина, расположенные возле Пантелеимоновского и других монастырских подворий. Но их нельзя принимать в расчет: во-первых, потому что их содержат не русские, а только знающие русский язык; во-вторых, у них особая специальность, о которой красноречиво свидетельствует вывеска, гласящая: «Русский магазин с продажей русского вина» (т. е. водки) (эти слова изображены на нашем отечественном языке). Печально, что эти русские магазины «с продажей русского вина» помещаются возле подворий, где находят пристанище русские богомольцы.

Очевидно, эти quasi-русские магазины существуют для соблазна простодушных русских людей. Нет сомнения, их дела идут недурно: иначе на них не красовалась бы заманчивая вывеска. Я не был в этих русских магазинах, потому что не чувствовал никакой потребности в «русском вине» в таком климате (да еще в июле), как климат константинопольский. Водка, по моему мнению, совсем не нужна в Константинополе, где так дешево прекрасное виноградное вино. Это вино я покупал и пил: оно едва ли хмельнее обыкновенного русского пива, но много вкуснее.

Раз я возвращался с прогулки и, приближаясь к Пантелеимоновскому подворью, говорю моему обычному спутнику кир-Димитрию: «Купите мне какого-нибудь виноградного вина бутылку». – «Да пойдемте на фабрику, там и купим» – «На фабрику, вы говорите?» – «Да», – получил я в ответ. Я заинтересовался, что такое за винная фабрика в Константинополе, тем более что я никаких винных фабрик не знаю. «Далеко, – говорю, – это?» – «Нет, да вот за углом». Пошли, и я не раскаиваюсь, что пошел. Я получил возможность познакомиться с новой особенностью Константинополя. Через две минуты мы пришли к месту назначения, вступили в константинопольский – скажу прямо, без церемоний – кабак, содержимый греком. Это была большая комната с обыкновенным магазинным входом с улицы. Там и здесь в ней расставлены мраморные столики. По сторонам стояли внушительных размеров бочки. Димитрий заявил, что нам нужно. И вот передо мной появилось несколько стаканчиков, до половины наполненных разных сортов винами. «Что это?» – говорю проводнику. – «Попробуйте, какое вино понравится, такое и возьмете». Исполняю приказание и выбираю определенный сорт вина, пришедшийся мне по вкусу. Узнаю, что выбранный мной сорт стоит на наши деньги 35 коп. за око (три фунта). Смотрю, что будет дальше. Налили вина в посудину и стали его взвешивать; отвесили. Оказалось, что нужно было иметь собственную посудину для того, чтобы взять покупку домой. Этот вопрос уладил кир-Димитрий, поручившийся за целостность фабричной посуды. Око вина

составляет около двух наших бутылок. Итак, за 20 коп. я приобрел бутылку прекрасного виноградного вина. Разумеется, я рассказал об этой покупке потому, что нахожу ее очень оригинальной. В Константинополе, очевидно, вино продается так же, как у нас молоко на базаре: пробуют его, а купив, выливают в свою посудину. Фабрика эта расположена очень близко к монастырским подворьям. Думаю, что это не случайность, тем более что фабрикант (целовальник) говорил хорошо на нашем отечественном диалекте.

Из области чисто турецких нравов, обычаев и явлений я успел познакомиться лишь с очень немногими. Я видел турецких солдат, марширующих по улицам, причем они, встречаясь с офицером или генералом, делали «ружье на плечо» и что-то выкрикивали (должно быть: «Здравия желаем»). В определенных местах на значительном расстоянии один от другого стоят полицейские стражи, по-видимому, простые турецкие солдаты. Я не видел, чтобы они хоть в чем-нибудь проявляли исполнение возложенных на них обязанностей: они апатично стояли под навесом своих будочек, походивших на курятники, а в глухих кварталах просто сидели, ничего не делая. Для развлечения многие из них грызут какие-то семечки или же усердно чешутся, не разбирая направления, куда тянется рука. К моему удивлению, все полицейские солдаты оказались в крепких сапогах и даже не старых мундирах. Я так много слышал о босоногости этих стражей общественного благосостояния, что, видя их обутыми, думал, что сказания о босоножии просто клевета. Обратился за разрешением недоумения к кир-Димитрию и узнал, что крепкие сапоги полицейских солдат суть остатки той роскоши, которая допущена была ввиду посещения Константинополя германским императором. По этому случаю турецкая казна просто разорилась, истратив 200 000 турецких лир (800 000 руб.) на окраску дворцов и покупку обуви для полицейского персонала. Ларчик просто открывался.

Из числа турецких религиозных упражнений мне пришлось видеть только пляски дервишей. Дервиши имеют в своем распоряжении несколько «Текке» (монастырей), в которых они

не живут, но в которые собираются для плясок или верчения. Я посетил Текке, находящееся в Пере, с прекрасным видом на Босфор. Перед Текке расположен большой двор, чисто содержимый и зеленеющий от большого количества деревьев. Самое Текке состоит из небольшого дома, не отличающегося архитектурными особенностями. Внутри дома, в середине его, сделано круглое углубление, вроде того, какое мы встречаем в цирках, но меньшего размера; пол этого круга паркетный – лощеный. Церемония началась чтением молитв, совершаемым имамом в то время, когда еще не все члены братства собрались для церемонии. Каждый из приходивших братьев делал земной поклон имаму и садился по-турецки возле стенки, отделяющей круг от остального пространства. По сторонам круга в двух этажах расположились зрители в ложах в числе зрителей довольно было турецкого военного юношества, а также европейских дам. По прочтении молитв имам встал с места: до этого он сидел. Встали и члены братства. Заиграла музыка где-то наверху. Сначала она имела медленный темп, а затем в течение церемонии все более и более приобретала быстроту и силу. Встав со своих мест, дервиши стали проходить попарно перед имамом, делая ему на особый манер поклон: акт походил на какой-то церемонный танец. Тот же акт через некоторое время снова повторился. Потом началось верчение дервишей. Оно разделялось на несколько актов. Когда они сняли с себя платье, оказалось, что они одеты во что-то вроде юбок. При верчении эти юбки раздувались, как само собой понятно. Лицо их в этом случае носило следы какого-то экстаза; руки держались приподнятыми кверху. Во время верчения ни один дервиш не задел другого, хотя они и перемещались с места на место. Я заметил, что некоторые из них чувствовали головокружение, выходили из ряда прочих, становились возле стенки круга; оправившись, они снова начинали кружиться. Церемония продолжалась минут 30 и не представляла интереса.

Когда я однажды проходил по обширнейшей стамбульской площади Ат-Майдан (бывший Византийский ипподром), то кир-Димитрий предложил мне посмотреть так называемый Дворец

янычар. Я полагал, что найду здесь что-либо напоминавшее об этих когда-то знаменитых воинах, уничтоженных потом самим османским правительством путем кровопролития. Но оказалось, что лучшая часть дворца занята турецким Антропологическим музеем. Здесь находились манекены, представляющие различные профессии турок – прежнего и более нового времени. Мне скоро наскучило смотреть на этих болванов. Но зато из одного окна открывался здесь прелестный вид на Мраморное море и вдали виднелось знаменитое Сан-Стефано. Направляясь к этому дворцу, я заметил на площади под деревом какой-то странный больших размеров куль или сверток. Кир-Димитрий сказал мне, что это труп только что умершего турка и что умерших турок вообще принято выносить из комнаты и помещать на открытом воздухе. Возле покойника никого не было. Кстати сказать, что, проезжая от Живоносного Источника во Влахерн, я встретил похороны какого-то зажиточного турка, тело которого несли на одно из кладбищ за Византийской стеной в Стамбуле; на лицах участников процессии заметна была какая-то холодность или фатальная покорность судьбе; плачущих или растроганных не было видно. Похороны представляли собой как бы какое-то неизбежное исполнение скучного обряда.

Константинополь, по общему мнению, принадлежит к самым распущенным городам в нравственном отношении: в этом случае его обыкновенно ставят наряду с Парижем, Лондоном и Берлином. Но такое суждение требует значительного ограничения. Не весь Константинополь ответственен перед судом строгих моралистов. Турецкая часть Константинополя – Стамбул (а это обширнейшая часть Константинополя) – крепко стоит за чистоту нравов и энергично охраняет ее. От лиц компетентных мне приходилось слышать, что в Стамбуле принято следующее правило: если в какой-нибудь семье здесь молодой турок достиг зрелого возраста и не женится, то его изгоняют на жительство по ту сторону Золотого Рога. Замечательно: в Стамбуле нет казарм (за исключением таких, в которых живет полицейская стража). Все казармы размещены в Галате, Пере и других местах. Солдаты нигде не

являются блюстителями строгости нравов. Без сомнения, таковы же они и в Константинополе, а потому они и удалены из ригористического Стамбула и живут там, где их пороки не могут соблазнять благочестивых мусульман. Странно, однако, что и султанские дворцы находятся за чертой Стамбула: уж не подходят ли и они под категорию казарм? Распущенность нравов господствует в европейской Пере и грязной Галате. Мне самому среди бела дня приходилось выслушивать от каких-то темных личностей предложения посредничества в таких делах, которые не подобают ни моему возрасту, ни общественному положению. Удивительнее всего то, что эти личности изъяснялись на отличном русском диалекте. Нужно полагать, что такое знание языка приводит их к благим для них последствиям и выработано успешной практикой.

Из моих наблюдений над особенностями константинопольской жизни мне остается сообщить еще очень немного. Я не имел случая говорить о константинопольских нищих и собаках, между тем сказать о первых я почитаю своим долгом, а молчать о последних невозможно. Есть и в Константинополе назойливые и дерзкие нищие вроде московских (особенной назойливостью отличаются какие-то цыганки с ребятами на руках); но не о них я стану говорить. Если вы идете на пароход или прогуливаетесь по лучшим людным улицам, то нередко встречаете каких-то пожилых субъектов в фесках, опрятно одетых и выглядящих отставными профессорами, живущими на слишком скромную пенсию, субъектов, держащих в руках металлические тарелки вроде тех, какие составляют принадлежность небогатых сельских церквей в России. Эти люди при виде проходящих не двигаются с места, но произносят с благоговением одно и единственное слово: «Алля-Алля». В лице этих скромных людей мы имеем дело с турецкими нищими. Они ни к кому не пристают, не кланчат, не бегают за милостивцем, а просто стоят, произнося свое: «Алля». Я считаю турецких нищих лучшим украшением Константинополя. Приходилось встречать и греков-нищих: они, конечно, не возглашают: «Алля», но зато, имея в руках такие же тарелочки, как и турки-нищие, и будучи одеты не хуже их, тихо

сидят в украинских местах большой улицы и поют церковный гимн. Греков-нищих я встречал немного. Своим контрастом с обычным представлением о наших нищих, и греки-нищие представляют трогательную картину.

Как нищие, о которых я сейчас сказал, составляют, по нашему мнению, лучшее украшение Константинополя, так уличные собаки представляют крайнюю степень константинопольских безобразий. Не видав этих собак, нельзя составить себе о них понятия. Таких собак везде, в особенности в Галате, великое множество. Они не знают ни дома, ни крова, ни хозяина. Родятся, проводят жизнь, производят потомство, вскармливают его и наконец умирают – на улице. Нравы их совсем не походят на нравы наших собак. Большую часть своей жизни эти собаки лежат неподвижно, выбрав местечко поблизости от тротуара со стороны улицы; располагаются не в одиночку, а причудливыми живыми гирляндами – по 8–10 штук. Ежеминутно они рискуют потерять хвост, ногу и лишиться самой жизни, но они остаются равнодушными ко всем возможным невздам. Они фаталистичны, как беззаботные покровители их – турки. Странно, что все собаки одной масти – рыжеватой, и все одного типа, мало похожего на нашу дворняжку. Шерсть их коротка, а ноги длинны – в противоположность характерным свойствам наших дворняжек, имеющих короткие ноги и длинную шерсть. Еще больше эти собаки отличаются от наших дворняжек своими нравами. Константинопольские собаки никогда не лают ни на проходящих, ни на тех лиц, которые наступают им на ноги и хвост, – в последнем случае они только несколько передвинутся с места. Ни одна собака не выражает ласки ни к себе подобным, ни к человеку: ни столь характерного для наших собак виляния хвостом, ни умильных взглядов этих последних – я никогда не замечал у турецких собак. Они индифферентны ко всему на свете и безропотно подчиняются своей судьбе, как истые исчадия Востока. Не имея лучших качеств наших собак, они не имеют и их дурных свойств: наши собаки жадны до безобразия и при виде брошенной кости бросаются сломя голову к лакомому предмету; ничего такого нет у константинопольских собак: бросайте около них, что

хотите, – они останутся неподвижны, наслаждаясь сном или дремотой; они только тогда поднимаются на ноги и начинают поблизости отыскивать пищу, когда проголодаются, но утолив голод, снова ложатся на бок. Вонь и нечистота улиц в значительной мере обязаны своим происхождением этим мнимым санитарам турецкой столицы.

Глава III

Посещение окрестностей Константинополя: местность древнего Халкидона, – способ, каким я узнал, где она находится, – что побуждало меня отправиться туда? – Мост через Золотой Рог как центр пароходного движения по окрестностям, – его небезопасность для пешехода, – краткое, но ясное изречение. – Древний Халкидон и теперешняя церковь св. Евфимии, – в ней ли происходил IV Вселенский собор? Разные мысли. – Остров Халки: зачем я туда поехал? – Красота Мраморного моря, – Халки, мной воображаемая и настоящая, – встреча с патриархом Никодимом. – Халкинское «училище Великой Церкви», – путешествие в него верхом на осле, – рассуждение о самом себе, – внутри училища, – знакомство с сербом, – классные комнаты, – столовая: столы повыше и столы пониже, библиотека: есть ли в ней русские книги? – Разговор с библиотекарем, – подарок от него, – церковь и могила, – еще другие беседы, – чудные виды от вершины, на которой расположено училище, – путь к ближайшему острову. – На Великом Принципе: круговой тур, оказывающийся полутуром, – важное затруднение, – «Здравствуйте!» – разочарование и отказ от одной мечты. – Вид на Св. Софию. – Скутари. – «Там нечего смотреть». – Буюк-Дэрэ: летняя резиденция здесь русского посла, – роскошный парк, – на высоте метеорологической станции, – чего мне захотелось? – Знакомство с г-ном Д. – Нечто о черепашьем супе, – беседа с Д., – три течения, – любезности г-на Д., – обратный путь в Константинополь и его томительность, – кафеджии и их докучливость.

Описав церковные достопримечательности Константинополя, к которым я приглядывался внимательно, и отметив некоторые особенности общей константинопольской жизни, привлечшие мое внимание, большей частью ненамеренно и случайно, я намереваюсь теперь сообщить некоторые сведения о моих загородных путешествиях, которые входили в план моей поездки в столицу Турции.

Тотчас после того как я обозрел Св. Софию с внешней стороны и, таким образом, приготовился к более подробному внутреннему обозрению этой великой святыни, я в тот же день, после обеда, предпринял попытку отыскать место древнего Халкидона. Я, конечно, знал, что эта прославленная в истории Вселенских соборов местность находится по ту сторону пролива, на азиатском берегу, вблизи Константинополя. Но заявить прямо моему проводнику кир-Димитрию, что я хочу ехать с ним в местность древнего Халкидона, я не мог, потому что он никакого Халкидона не знал, а теперешнее название вышеуказанной местности мне было неизвестно. Чтобы столковаться с моим чичероне о том, куда мне нужно ехать с ним, я спросил его: не знает ли он, где найти на азиатском берегу храм св. Евфимии? Он сказал: «Знаю». Храм св. Евфимии есть лучший показатель, где находился древний Халкидон, ибо в этом последнем во время Халкидонского собора существовала церковь во имя названной святой, где и происходил сам собор. «А как называется эта местность?» – спросил я кир-Димитрия. Он отвечал: «Кадыкжей». – «Едем туда», – сказал я. Само это название уже по звуку напомнило мне древнее имя: «Халкидон». Еще более сходства оказалось между начертанием этого имени на теперешних планах Константинополя и начертанием названия Халкидон в латинской его форме⁹⁵. Я с давних пор принадлежу к особнным почитателям Халкидонского собора. Еще в 1879 г. в одном из своих сочинений я воздавал ему разнообразные и самые искренние хвалы⁹⁶. Поэтому-то, по прибытии в Константинополь, из числа его окрестностей мне возжелалось поскорее побывать на том месте, где происходил знаменитейший собор.

Ехать следовало на пароходе. Срочные пароходы компании «Шеркет» ежеминутно бороздят воды Босфора и Золотого Рога. Пунктом оправления всех городских пароходов служит мост при устье Золотого Рога. Упомянув об этом мосте, невозможно не сказать несколько слов о нем: он представляет собой одно из многих турецко-константинопольских безобразий. Там, где приходится идти несчастным пешеходам, мост представляет

собой в значительной степени руину: доски расщелялись, и под вашими ногами взору открывается морская пучина; громадные гвозди выпятились кверху и кажутся грибами, которые сломать трудно, но о которые сломать ноги весьма легко. Я неустанно жаловался моему единственному спутнику, кир-Димитрию, на это и другие безобразия турецких порядков и получал в ответ одну и ту же стереотипную фразу: «Турки – собаки, а греки – дураки» (т. е. от турок нечего ждать добра, а греки, сумев потерять царство, не умеют его возвратить). Но вот мы на пароходе и едем в Кадыкжей по направлению Мраморного моря. Менее чем через час мы там. Первым моим делом по прибытии туда было обозреть храм св. мученицы Евфимии. Несмотря на вечернюю пору, тотчас же двое греков-сторожей отперли нам храм и ввели внутрь его. «Нет, – думал я, – это не тот храм, где заседали отцы Халкидонского собора: этот храм слишком тесен для многочисленного из соборов». Храм нов. Спрашиваю: «Есть ли здесь мощи св. Евфимии?» – «Нет». – «А есть ли какие-нибудь здесь древности?» – «Нет», – получаю опять в ответ. Что делать? Пришлось еще раз окинуть взором храм и покинуть его. В научном отношении я ничего не приобрел от посещения этого храма, и этого Кадыкжея, но я все же остался доволен пилигримством сюда: я дышал тем воздухом, каким дышали св. отцы халкидонские, император Маркиан и его жена, св. Пульхерия; я ходил по тем местам, которых касались и их ноги. Разве этого мало? Я доволен и с удовольствием вспоминаю «Кадыкжей». «А где теперь твоя злосчастная душа, о Диоскор!..» Кадыкжей – это одно из многочисленных предместий Константинополя – и ничего не представляет интересного. Правда, я уже был не в Европе, а в Азии, но только география отличает здесь одну страну света от другой – все прочее не дает ни малейших оснований догадываться, что мы в Азии. Нам казалось, что, приехав из Константинополя в Кадыкжей, мы перебрались не из одной части света в другую, а из одного константинопольского квартала в другой, соседний. Но пора было и уезжать отсюда...

В одно раннее утро, после того как я обозрел Софию обстоятельно, внутри ее, я отправился на острова Мраморного

моря. Прежде всего мне хотелось ознакомиться с Халкинским «училищем Великой Церкви», единственной семинарией и в то же время Академией Константинопольского патриархата. Это училище, как известно, помещается на острове Халки, близ Константинополя. Когда мы миновали Золотой Рог, переплыли Босфор и вступили в Мраморное море, для меня открылось величественное зрелище. Море казалось темно-голубым, точно в нем распущена синька. В первый раз я увидел такое чудное море. Я видел три моря: Черное, Балтийское, Азовское, но они сероваты, дымчаты, а не сини. Тут только я понял, что это не метафора, если в наших песнях море называется «синим». До острова Халки езды полтора часа. Уже через час открылся взорам этот остров. Передо мной высилась какая-то гора, сплошь покрытая деревьями; на ее вершине виднелось что-то беловатое. Оказалось, что это и есть Халкинское училище. Скажу кстати, что я воображал себе Халки небольшим уединенным островом; на поверку вышло совсем не то. Халки – это очень большой остров, состоящий из нескольких горных возвышенностей, довольно населенный в некоторых его частях, а главное: он оказался чем-то вроде константинопольского Оксфорда. Здесь кроме «училища Великой Церкви» помещаются громаднейшее коммерческое училище и турецкое военное училище. Есть на острове и монастыри. Когда мы причалили к халкинской пристани и стали сходить с парохода, мой проводник сказал мне: «Вот идет с парохода патриарх Никодим» (бывший Иерусалимский). Я посмотрел и увидел величественного и могучего старца-Голиафа, просто одетого и шествующего на берег. Где он ехал – вместе ли с нами в общем помещении или в каюте – я не знаю. Я хотел было подойти к нему под благословение, но заметил, что никто этого не делает, и счел неудобным выделяться из толпы. Никодим, как я узнал от кир-Димитрия, проживает в Халки в монастыре св. Георгия и слывет человеком очень богатым. Я было хотел сделать ему визит, но кир-Димитрий разъяснил мне, что монастырь св. Георгия далеко от пристани – и я расстался со своим намерением, так как мне предстояло много ездить в этот день.

Нужно было отправиться прежде всего в «училище Великой Церкви». С пристани совершенно ясно открывалось, что училище это занимает вершину совершенно отдельной горы. Беловато желтоватые здания училища снизу казались орлиным гнездом, помещающимся на вершине скалы. Идти туда пешком мне казалось трудом, превышающим мои силы. Но на чем ехать? Экипажей совсем не видно. «Поедьте верхом на осликах», – сказал кир-Димитрий и указал на группу погонщиков с осликами, ждущих седоков. – «Но я никогда не ездил на осле», – возразил я. – «Ничего, они смирны; хорошо съездим», – отвечал мой чичероне. Взяли двух осликов и погонщика, и открылось неторжественное шествие на осле. На что я был похож, восседая на ослике верхом? Моя высокорослая и дюжая фигура слишком мало гармонировала с жалким осликом, похожим на барана. Мои ноги почти касались земли – так мало было мое подъяремное животное. Я был одет в длинную и широкую «безрукавку», на голове моей сидела широкополая соломенная шляпа с несколько отвислыми краями, в руке был свернутый белый зонтик, с правого плеча ниспадал бинокль, прикрепленный к ремню; от страха свалиться с осла в пучину морскую я пригибался к шее ослика. На кого же я был похож? Я был недурной Санчо-Пансо. Но на дороге никто не встречался, и некому было решить беспристрастно вопрос: в какой мере я походил на одного из героев поэмы Сервантеса; а мой кир-Димитрий и погонщик ничего, конечно, не слыхивали о Сервантесе. Как бы то ни было, через 20 минут под аккомпанемент визга осликов, представляющего верх какофонии, мы прибыли к воротам училища, осененным множеством пышных деревьев. Но ворота оказались на замке. Что делать? Около ворот и над воротами виднелись открытые окна. Я начал возгласить на русском языке: «Отворите – отоприте». Высунулись чьи-то головы, и минуты через две привратник открыл ворота.

Двухэтажные здания училища представляли собой квадрат (не очень больших размеров), в центре виднеется небольшая церковь. Известно, что училище помещается в бывшем монастыре Св. Троицы, основанном некогда знаменитым

Фотием. Училище, как известно, устроено в 40-х гг. нынешнего века⁹⁷. Я попросил кир-Димитрия объяснить привратнику, что я желаю обозреть училище, и что нет ли в училище учеников, которые знают русский язык и которые могли бы сопутствовать мне во время обозрения. Через несколько минут является ученик – серб, священник, которому я и передал себя в руки. Осмотрели классы. Классный корпус новенький: открыт только в нынешнем году. Я видел залу, где незадолго перед этим происходили экзамены в присутствии патриарха; зала невелика, но светла. Пошли в столовую. Здесь уже расставлена была посуда ввиду близившегося обеда. По случаю вакации учеников в наличности было немного. Я увидел два накрытых стола. Один пониже – для учеников, а другой повыше – для учителей. Нужно сказать, что учителя живут в самом училище и обедают вместе с учениками. Видя расставленные бокалы, я спросил: «Это для вина?» – «Нет, – сказал серб, – для воды».

Затем я заглянул в церковь и прошел в библиотеку, которая был отперта, и в ней занимался учитель-библиотекарь, одетый по-монашески. Что делать в библиотеке? Спросил: «Есть ли у вас русские книги и какие?» Мне показали (о ужас!) разрозненные книжки журналов «Духовной Беседы» и «Веры и Разума», а больше, кажется, не было ничего или же, по крайней мере, не оказалось в наличности. Я узнал, что русские книги никем не читаются, хотя изучение русского языка и входит в программу Халкинского училища. «Нет ли у вас, – спрашиваю, – каких-либо рукописей патриарха Фотия?» Таких тоже не было. Мне сказали, что древних рукописей в библиотеке вообще нет и что имеющиеся рукописи не превосходят трехсотлетнюю давность. Я счел неинтересным рассматривать такие рукописи. Наконец, спросил: нет ли у них училищного отчета за истекший год или каких-либо протоколов, из которых можно было бы узнать о ходе дел училища. Но ничего такого не было в библиотеке, так как ни протоколов, ни отчетов совсем не существует. Впрочем, мне поднесли в подарок брошюру, заключающую в себе «Устав Халкинской богословской школы Великой Христовой Церкви»⁹⁸. Библиотека невелика. Она имеет саженей 15 в длину и ширину – в один этаж. При выходе из

библиотеки я увидел надгробный памятник, который, как мне сказали, поставлен на могиле похороненного здесь какого-то патриарха Константинопольского. Какой прекрасный вид открывается на все стороны: вот чуть виднеется Константинополь, а вот Принцевы острова; небо ярко-голубое, какое я видел только раз с горы Машук в Пятигорске. А море, море – как прелестно оно здесь, играющее своими синими волнами⁹⁹.

Мой серб пригласил меня к себе в комнату. Он жил вдвоем со своим соотечественником – молодым человеком, не имевшим церковного сана, но носившим подрясник, подобно всем питомцам школы. Из разговоров с моим сербом я узнал, что в училище всего 78 учеников (если память не обманывает меня), что из славян учатся только двое: он да его товарищ (которого я и увидел в комнате моего собеседника), что из болгар никого нет в училище (это и понятно), что дисциплина строгая, так что он сам, несмотря на свой духовный сан, в случае, если отправляется купаться, испрашивает разрешение от ректора. Он мне сказал, что по окончании курса в Халки намеревается поступить для продолжения образования в Киевскую Духовную академию. Я звал его в нашу, но он остался при своем выборе. Он дал мне свою карточку, которую я тогда не посмотрел и на которой потом прочел следующие греческие слова: «Дионисий Петрович, протосинкелл». «Протосинкелл»! Но что такое сербский протосинкелл – не ведаю. Право, было бы не худо, если бы «Дионисий Петрович» переменял свое решение и поступил не в Киевскую, а в Московскую Духовную академию. Ведь было бы оригинально иметь студента «протосинкелла». Сербь попросили меня написать им и мое имя, и мой адрес. Я исполнил их желание. Великий Боже, с каким жадным любопытством серб-непротосинкелл глядел на выводимые мной буквы и на меня самого: можно было подумать, что я казался ему восьмым чудом света или, по крайней мере, призраком, на который нужно смотреть пристально, пока он не рассеялся.

В Халкинском училище жизнь поставлена на монашеский манер: нет ни оглушительных роялей, ни надоедливых скрипок

(созданных на несчастье человека)¹⁰⁰. «Женск пол» можно видеть здесь только на расстоянии пушечного выстрела. Если бы каким-либо волшебством перенести студентов какой-либо из наших Академий в запертую ограду Халкинской школы, то никто в мире не уверил бы их, что они находятся в «училище Великой Церкви», а не в великой тюрьме. Халкинское училище не похоже по величине и красоте зданий не только на наши Академии, но и на семинарии. Это просто провинциальное училище вроде старого Перервинского (близ Москвы), помещавшегося прежде в самом монастыре того же имени. Но пора уже и уезжать с Халки. Привратнику я дал бакшиш: пятипиастровую монету (за неимением в кармане меньшей монеты) и тем привел его в великое изумление. Он наверное принял меня или за богача, или же за безумца. С каким усердием он усаживал меня на ослика: можно было подумать, что он упаковывает хрупкий сосуд, способный разбиться от толчка на дороге. Кидаю последний взгляд на прелестную картину, открывающуюся с вершины училищной горы, и устремляюсь на пристань.

Нужно было ехать на соседний остров, известный в Константинополе под именем «великого Принципа» (по-нашему: главного из Принцевых островов – но так в Константинополе не говорят). К нашим услугам лодка с греком-гребцом. Плавание на лодке от Халки до «великого Принципа» продолжалось минут 15. Лодочник-грек в ответ на мой вопрос: кто он и откуда, рассказал на прекрасном греческом языке, с великолепными интонациями, метая искры глазами, о том, что он родом с Халки и что отцы и деды его жили тоже здесь. Я слушал его голос, как звуки Эоловой арфы. О красоте и великолепии Принцевых островов прожужжал мне уши севастопольский прокурор, спутник мой от Севастополя до Константинополя. Поэтому я желал насладиться прелестью зрелища. А ради такой цели, как только прибыли на остров, я, по совету кир-Димитрия, взял фаэтон, на котором намеревался сделать полный тур по берегам острова. Поехали. Но полного тура не сделали вследствие маленькой плутни возницы. «Принцип» не дурен, но особенного я ничего не нашел. Много красивее наш Крым, а

Пятигорск с его пленительными видами и сравниваем быть не может с «Принципом». Как мало мы знаем Россию и как мало мы умеем ценить красоты ее разнообразной природы! Мое намерение при осмотре острова заключалось в том, чтобы в случае, если он мне понравится, приехать сюда в следующем году на дачу на целое лето («Принцип» – дачное место) и делать отсюда экскурсии в Константинополь для изучения греческого духовенства и греческой церковной жизни. Но «Принцип» не очаровал меня, а потому вышеуказанное мое намерение отложено мной в долгий ящик.

Приспело время обеда. Говорю кир-Димитрию: «Сведите меня в лучший ресторан». Мой чичероне отвечает: «Лучшим рестораном считается здесь тот ресторан французский, который у пристани, но там безбожные цены». Пошли искать ресторан с более сходными ценами; но греческие кухмистерские, куда приводил меня кир-Димитрий, отталкивающе действовали на меня грязноватым видом и вонью. Пришлось идти в дорогой ресторан. Вошел. Спрашиваю: «Подайте меню блюд». – «Non», – отвечают. «Покажите карточку табль-дота». – «Non», – опять тот же ответ. Весь запас французского разговора был уже мной истощен, и я не знал, что делать. Сел с горя на стул и воскликнул по-русски: «Вот беда!» Эти жалкие слова сделались для меня спасительными. Один из официантов, черненький и маленький (по всей видимости, жидок) обратился ко мне с русской речью, правда ломаной, но все-таки он объяснил мне, что у них есть готовый обед, что обед стоит пять франков. Пять франков – действительно дорого, но я рад был тому, по крайней мере, что добился обеда и знаю наперед, что он стоит. За эти деньги притом же кроме обеда подали мне обильный десерт и объемистый графин красного вина, которое я не мог выпить, несмотря на понятное усердие: зачем было деньгам пропадать? Этот случай я рассказал вот почему: право, приятно сознавать, что принадлежишь к национальности (без сомнения, великой), язык которой встретишь и там, где совсем этого и не ожидаешь. Тот же черненький официант по окончании обеда превежливо проводил меня до выходной двери (ресторан помещался в верхнем этаже) и здесь, раскланявшись со мной, важно

проговорил: «Здравствуйте, господин». Я от души расхохотался, услышав это неожиданное приветствие, расхохотался, кажется, еще в первый раз в Константинополе. Я вышел довольный обедом и гордый от сознания, что принадлежу к одной из самых импозантных наций.

До отплытия парохода у меня оставалось еще более часа, и я не знал, что мне делать. Каюсь, я скучал от «великого Принципа». Рейс обратно в Константинополь ничем не был ознаменован. Помню твердо одно: когда стал вдаль обрисовываться Константинополь, то я заметил, что особенно как-то выделяется одно здание, как будто знакомое мне и как будто не совсем знакомое. Обращаюсь за справками к кир-Димитрию и получаю в ответ, что это видимое мной здание есть Св. София. Вглядываюсь пристальнее и действительно узнаю, что это Св. София, но не та София, которую я видел с рейда прежде, а какая-то особенная: казалось, что она или уходила в высь небесную, или спускалась оттуда. Я не думаю, чтобы это был обман зрения (со мной был хороший бинокль). Нет, юстиниановские архитекторы Софии, когда составляли план храма и потом строили сам храм, приняли во внимание законы перспективы; но они мало заботились о том, какой София может казаться со стороны Константинопольского пролива и нашей Скифии, а употребили все старание на то, какой она будет казаться со стороны Мраморного моря, с той стороны, с которой приезжали в столицу Византийской империи царственные особы, послы более цивилизованных и богатых стран западных, римские папы. Интересно было бы знать: верно ли мое предположение, или я ошибаюсь?

В Скутари, азиатском предместье Константинополя, раскинувшемся прямо против города, я не имел удовольствия быть. Но в этом виновен не я, а мой «верный Рычарда» – кир-Димитрий. Много раз я говорил ему: «Поедьте в Скутари», а он обыкновенно отвечал: «Да там нечего смотреть». В самом деле, есть ли на что смотреть в Скутари, я сам не знал. Правда, я читал или слышал, что в Скутари находится большое и роскошное турецкое кладбище. Но откровенно говоря, турецкие кладбища (их везде много) с их меланхолическими кипарисами

мне давно прискучили. Разумеется, я мог бы настоять на том, чтобы кир-Димитрий свозил меня в Скутари. Но меня несколько пугала следующая перспектива: ну, положим, что приедем в Скутари, сойдем на берег, что же дальше?.. Вдруг кир-Димитрий скажет: «Вот мы приехали, ведите меня, куда хотите, я за вами последую». Что я мог бы на это сказать и как в подобном случае нужно было бы поступить? Одним словом, если я, не побывав в Скутари, что-либо из-за этого потерял, то жестокие укоры моих читателей пусть обращаются по адресу моего несговорчивого проводника.

Накануне отъезда из Константинополя я решился сделать прогулку в Буюк-Дэрэ, летнее местопребывание русского посольства. О привлекательности этой местности я много слышал и читал. Действительность, к счастью, не обманула меня на этот раз. Буюк-Дэрэ оправдало свою славу. Часов в 8 утра я уже был на пароходе, совершающем рейсы по Константинопольскому проливу. Путь предлежал не короткий. Около двух часов неслись мы, осеняемые флагом с изображением луны и звезд. Приехали. Дворец русского посла расположен на самом берегу Босфора и передним фасадом смотрит на волнующуюся стихию. Кроме дворца здесь летняя церковь, много зданий для членов посольства, благоустроенные службы, – а позади великолепнейший парк, ползущий по гористому побережью. Меня занимал больше всего этот парк. Парк чудесный; быть может, есть другие подобные же и даже лучшие парки на Босфоре, но я их не знаю. Роскошная культура растений, изящество плана, обдуманное распределение беседок и других мест отдыха, хозяйственный присмотр за парком – все это делает посольскую дачу очень уютным местечком. Не хочется уходить отсюда, особенно когда вспомнишь, что уходить-то приходится в... Константинополь. Представьте: в парке растут в грунте великолепнейшие лавровые деревья, ростом с нашу березу. Множество винограда, груш. Вдобавок к этому тишина и благообразие воздуха.

Идя парком, я поднимался все выше и выше, совсем не замечая этого, и не чувствовал ни малейшей усталости, хотя

подъем был длинен и довольно крут. Поднявшись в самую возвышенную точку парка, я заметил какое-то здание, хорошенько присмотревшись к которому, я принял его за метеорологическую станцию, чем оно и в самом деле оказалось. Подойдя к самой станции, я не мог не соблазниться двумя вещами: во-первых, мне захотелось попасть на плоскую крышу здания, откуда, по моему соображению, должен открываться красивый вид; а во-вторых, возле самого здания находилось развесистое дерево со спелыми грецкими орехами: мне захотелось полакомиться этими последними. Для того чтобы удовлетворить свои желания, я должен был обратиться к лицу, заведующему станцией, что я и сделал. Хозяином метеорологической станции оказался молодой флотский офицер Д., который охотно вызвался удовлетворить все мои желания. Он сводил меня на верхнюю площадку здания, показал мне различные инструменты, употребляющиеся в деле метеорологии, объясняя их значение (но я, не обладая даже элементарными познаниями из физики и математики, ничего из его объяснений не усвоил). Затем он приказал своему матросу нарвать грецких орехов и повел меня в свое помещение, которое казалось маленьким дворцом. Появились на столе грецкие орехи прямо с дерева, потом самовар и, наконец, какое-то самосское вино, которое хозяин очень расхваливал, но я едва ли на этот раз оказался на высоте своего призвания. Угощая меня с чисто русским гостеприимством, хозяин вдруг воскликнул: «Какая досада, что я не могу попотчевать вас супом из черепахи!» «Какой такой черепахи?» – с удивлением спросил я. Хозяин объяснил мне, что в парке водятся черепахи в натуральном состоянии и что иногда, когда ему вздумается полакомиться супом из черепахи, он приказывает своему матросу поймать черепаху, что тот с успехом и исполняет. «Вчера, – прибавил г-н Д., – матрос поймал для меня черепаху, но она, негодная, за ночь куда-то убежала». Скажите: в парке водятся черепахи, и их ловят, точно домашних кур!

Но дороже всего, дороже самосского вина, дороже готовности хозяина угостить меня черепашиным супом, была его продолжительная беседа со мной, искренняя, живая,

свидетельствующая о его замечательной наблюдательности. Много, много сообщил он мне интересного о Константинополе и жизни в этом городе, о разных лицах, которых он знал и о которых я хотел иметь сведения, но передавать содержание нашей беседы я считаю делом нескромным. Сообщу лишь два-три сведения, переданные им мне и имеющие отвлеченный и даже научный характер. От него я узнал, что Константинопольский пролив по его свойствам и особенностям остается неисследованным, потому что турки по-своему истолковывают всякие эксперименты над проливом с инструментами в руках. Между тем он заслуживал бы серьезного изучения. Оказывается, что Босфор всегда имеет два противоположных течения неимоверной силы и что к ним иногда присоединяется третье – от Золотого Рога, но природа этих явлений не исследована, как бы желалось. Сила этих течений так велика, что пароходы только с великим трудом могут становиться на якорь в гавани. Эти течения, по разъяснениями г-на Д., имеют громадное санитарное значение для Константинополя. Они своей стремительностью увлекают в моря всякие отбросы, попадающие в Босфор и Золотой Рог. Если бы не было этих течений, то Константинополь был бы вечным очагом холеры и всяких тифов. Итак, вот кто служит санитаром Константинополя – это Босфор. Затем г-н Д. сообщил мне, что Черное море очень медленно нагревается весной, так что в марте и апреле, когда воздух бывает уже сильно нагрет солнцем, море остается холодным, как лед. Вследствие этого наше посольство выезжает на дачу не раньше мая, когда вода согревается и перестает развивать холодные испарения. Дачная жизнь в Буюк-Дэрэ продолжается до ноября. Я взглянул на часы и с удивлением увидал, что уже два часа длится моя беседа с любезным хозяином. Эти два часа промелькнули для меня, как миг. Нужно было продолжать свою прогулку в парке и собираться ко дворам. Я встал и начал раскланиваться с г-ном Д. Но он, как оказалось, совсем не желал, по его словам, так скоро расставаться со мной. Он удерживал меня, прося позавтракать со мной, но я наотрез отказался от этого предложения. Тогда он начал настаивать,

чтобы я, по крайней мере, принял от него в подарок бутылку самосского; я любезно отклонил предложение. Мы расстались друзьями. Молодой Д. составляет одно из отраднейших воспоминаний моей скитальческой жизни в Константинополе.

Обратный путь в город был очень скучен и много повредил приятности впечатлений, вынесенных мной из посещения летней резиденции нашего посла. По какой-то случайности мы попали не на пароход прямого сообщения, а на пароход так называемого кружного рейса. Следовало по очереди причаливать ко всем пристаням европейского и азиатского берегов Босфора. Путь длился целых три часа. А каково это потерять три часа ни за что, ни про что для путника, дорожащего временем? Я испытывал такое же чувство томления, которое я изведal, обозревая берега нашей Волги: перед тобой прекрасный волжский вид и ты испытываешь чувство удовольствия, но вот, вдосталь насладившись зрелищем, жаждешь перемены декорации, а этого-то и нет; пароход черепашим шагом движется по крайне извилистому фарватеру Волги, и проходит час, прежде чем декорация переменится. Скука! На пароходе, на котором я ехал из Буюк-Дэрэ, как на всех пароходах на свете, имелся буфет. Бойкие кафеджии с подносом в руках, на которых стоят кружки с водой (вода в Константинополе – предмет торговли), чашки с кофе, неистово и поминутно выкрикивают, подсовывая свой товар под нос пассажирам. «Су-судис (“воды”, “водички” – по-турецки), кафэ-э-э кафэдис, лимонадо – газ-з-з-зо», – раздаются трели. В прежние поездки я как-то мало обращал внимания на этих ухарских крикунов, но теперь эти кафеджии мне надоели до тошноты. Мне хотелось выкупать их в водах пролива. Они напомнили мне тех невероятно дерзких и нахальных парней Никольской улицы в Москве, которые назойливо лезут к пешеходам, навязывая им всякую дрянь. Но там хоть есть полицейские, охраняющие от дерзких нахалов, – здесь же я был на законнейшем основании беззащитен... Но вот мы – слава Богу – в Константинополе – на Пантелеимоновском подворье.

Глава IV

Жизнь под мирным кровом Пантелеимоновского подворья: что представляет собой это подворье? – Радующие пантелеимоновцев, – их хлеб-соль, – о. Севаст, – парадный праздничный обед в поднебесье, – гости и гости, – чему досталась главная роль за трапезой, – темы разговоров, – благой пример, достойный подражания. – Возвращение восвояси: причины, побудившие ускорить мой отъезд из Константинополя, – прощание с пантелеимоновцами, – я на пароходе «Аргонавт», отплывающем в Одессу, – мои сотоварищи по кают-компани, – недостаток общества, – знакомство с русским греком, внезапно прервавшееся, – остров Фидонис, – приезд в Одессу, – потребность перемены в настроении, – прогулки в город и поездки по окрестностям, – пора домой, – я дома.

Пантелеимоновское подворье! Но я еще ничего не сказал о нем, а между тем говорить о нем считаю непременно своим долгом, долгом совести. Это подворье (как и некоторые другие монастырские подворья в Константинополе: Андреевское, Ильинское) служит станцией или местом отдыха для русских богомольцев, отправляющихся в Иерусалим и на Афон. Оно представляет собой монашескую колонию, митрополией которой служит (как я упоминал выше) русский Пантелеймонов монастырь на Св. Горе. В Пантелеимоновском подворье останавливаются (не обязываясь платить ни за помещение, ни за чай, ни за стол) разные духовные и светские лица, проезжающие по своим личным или официальным надобностям на Восток или с Востока в Россию, или куда-нибудь еще. Здесь ищут себе приюта и некоторые профессора Академий и университетов, изучающие Восток.

Здание подворья выстроено сравнительно недавно, имеет четыре этажа и в высоту длиннее, а в основании уже, как почти все дома в Константинополе. Оно задним фасом обращено к главной улице Галаты, а передним смотрит на Золотой Рог и отчасти на Босфор. Добавим: находится в каких-нибудь десяти

шагах от главной артерии Галаты. Помещения по своим удобствам и обстановке, конечно, не могут равняться с лучшими московскими гостиницами. Подворье не может спорить ни с Лоскутной гостиницей в Москве, ни даже с «Метрополем» здесь же, а приближается по своим удобствам и обстановке к московским Мамонтовским номерам. Привыкнув жить во время моей поездки по Кавказу и Крыму в лучших гостиницах, дающих полный комфорт, я чувствовал себя несколько не по себе в Пантелеимоновском подворье. Комфорт лучших гостиниц, как известно, чувствуется во всем: в изысканной и педантичной чистоте, в расторопности прислуги, в мягкой и изящной мебели, даже расстановке вещей и пр. Всего этого нет на подворье в той степени, в какой желаешь. Помещения подворья проще, и их удобства разве немного заходят дальше удовлетворения необходимых потребностей¹⁰¹.

Но зато подворье дает то, что не найдете ни в одной гостинице в мире. Какое радушие, добродушие и почти родственное чувство находите в отцах-пантелеимоновцах! Постоялец сразу же делается членом новой, как бы родственной семьи. Мне было почти совестно от их внимания, смею думать – искреннего, каким они меня окружали. Подадут самовар, а вместе с тем и заваренный чай такого прекрасного качества, что я забывал о своем московском чае, который я привез с собой. К чаю подавалась груда хлеба, булок, баранок, и когда я слишком мало всего этого съедал, мне пеняли: «Что же вы мало кушали». Раз я заметил, что я люблю пить чай с молоком, и с тех пор молоко неизменно являлось к моему чаю в таком обилии, что этого молока хватило бы на четверых. Отец Севаст, монах, мне прислуживавший (Севаст, которого богомольцы, по его словам, проще (?) называли Севастополем), каждый день обращался ко мне с просьбой: «Покушать, пообедать, поужинать»¹⁰². Но я ни разу не брал себе стола у пантелеимоновцев. Я хотел жить не жизнью Богоявленского монастыря в Москве, а жизнью константинопольской. Я обедал большей частью в одном французском ресторане в Пере. Кстати сказать, здесь за один рубль (не более) я получал вкусный и сытный обед, какого за ту же цену ни в каком случае не

найдешь в Москве. Добрые пантелеимоновцы, как я вам благодарен за все! Послушали бы вы их, с каким сочувствием они распространяются о таких постояльцах подворья, как двое наших ученых литургистов-профессоров Н. Ф. Красносельцев и А. А. Дмитриевский, с истинно завидным усердием изучающих Афонские хартии, имеющие отношение к литургике. «А вот мы на днях ждем к себе с Афона Н. Ф. Красносельцева. Здоров ли он?» – говорили отцы-пантелеимоновцы. Или: «Слава Богу, начальство награждает 3000 руб. А. А. Дмитриевского за его труд» (без сомнения, имеются в виду деньги, отпущенные Синодом г-ну Дмитриевскому на печатание собранных им Афонских литургических материалов). Вот каковы пантелеимоновцы, пригrevшие и меня, грешного.

Не могу не сказать о том парадном обеде, который был устроен братией подворья 27 июля в праздник св. Пантелеймона, на который и я был приглашен. Этот парадный обед происходил в высях поднебесных. Он был сервирован в верхнем четвертом этаже, на открытой галерее, подле самой церкви, находящейся в этом этаже¹⁰³. Отсюда открывается великолепнейший вид на Константинополь. Гостями были: настоятель посольской церкви о. арх. Арсений, о. А. К. Смирнопуло (из обрусевших греков), священник при русском госпитале (человек университетского образования, прежде проходивший должность законоучителя при высоких особах за границей), члены посольства: секретарь, военный агент, драгоман, множество посольских дам. Ждали самого русского посла, но он на этот раз почему-то не прибыл. Не зелено вино и не шипучка играли главную роль за этой трапезой, а искристый лед, настоящий лед, помещенный в хрустальных, внушительного объема вазах, к которым ежеминутно протягивались руки гостей (лед клали себе в стаканы, бокалы, на тарелки, чуть не прямо в рот). Сколько нового и интересного узнал я из разговоров с гостями, присутствовавшими на празднике! Если бы я захотел подробно рассказать об этом, то пришлось бы говорить много и долго, но моя повесть о Константинополе и без того слишком затянулась – сознаю и каюсь в этом. Я приобрел разнообразные сведения: о

тогдашнем патриархе Константинопольском Дионисии (теперь уже покойном), о греческих архиереях, о том, почему русские до сих пор не открыли школы для греков и славян в Константинополе, подобно тому как это сделали даже англичане, даже американцы (оказалось, не русские тут виновны)¹⁰⁴, о климате Константинополя (который вовсе не хвалят), о том, что составляет заветные мечты членов посольства («как бы домой»), но всего не перечислишь. Сообщая сведения о парадном пиршестве на подворье, не могу умолчать еще вот о чем: прекрасно одетые, веселые, милые дамы, заседавшие за монастырской трапезой, навели меня на мысль: да почему же это на наших парадных академических обедах не присутствуют наши дамы? Имею в виду: умных и презентабельных матерей семейств профессорских домов. Почему посольским дамам позволительно то, что будто бы не позволительно нашим? Монастырское Пантелеимоновское подворье подает нам благой пример, достойный подражания! Вот неожиданная, но – смею думать – прекрасная мысль, родившаяся в моем уме под впечатлением радушного обеда у пантелеимоновцев.

Братский привет мой вам, мои добрые, снисходительные и услужливые отцы-пантелеимоновцы!

И всего-то немного я пробыл в Константинополе, но начинал уже несколько скучать: мне стал наскучивать знаменитый город. Мне начало претить это вечное галдение на улицах, это вавилонское смешение языков. Мне тошно делалось смотреть на эти физиономии иностранных обывателей Константинополя, занятых единственно мыслью о купле-продаже и наживе; на эти физиономии, то самодовольные, вероятно, вследствие удачных операций и ловких надувательств, то равнодушные, с рассеянным видом, свидетельствующие, что кулак обдумывает какую-либо новую плутню. Вообще, тип хищника, преобладающий среди константинопольских иностранцев, скоро начинает возбуждать чувство омерзения. Я не могу не сказать и о том, что и Пантелеимоновское подворье помещено на таком месте, которое под конец начинает вызывать неприятное чувство.

Почти рядом с подворьем существует какое-то заведение, которое титулуется громким именем «турецкого театра», а в действительности есть нечто такое, что не принято называть в обществе. Здесь ежедневно с 9 часов вечера до 3 часов утра визжит музыка, под аккомпанемент оглушительного турецкого барабана, наигрывая беспрестанно вальс, надоедливые звуки которого широкой волной льются в окна подворья, окна, конечно, отворяемые на ночь ввиду духоты. Я разговаривал об этом деликатном предмете с отцами-пантелеимоновцами. Они глубоко сожалеют, что подле них завелась такая гадость; сознают, что эта последняя оскорбляет чувства богомольцев; но, конечно, никто в этом не виновен – и меньше всего смиренные отцы подворья. Мне скорехонько захотелось уехать из Константинополя, хотя я имел возможность жить там целый месяц.

Я решил 29 июля предпринять обратный путь на русском пароходе «Аргонавт», отправляющемся в этот день в Одессу.

Утром 29 июля я распростился с Пантелеимоновским подворьем, управляющий этим подворьем иеромонах благословил меня художественно написанной иконой св. Пантелеймона в кипарисном киоте и вручил мне в подарок альбом с видами Афонских монастырей.

Затем в конторе пароходства я взял билет, дающий право на более удобный проезд до Одессы, причем за этот билет содрали с меня 80 франков золотом.

Наконец я на пароходе «Аргонавт», который стоял на том же самом месте, где неделю тому назад бросил якорь «Олег». Два часа дня. Раздался третий свисток, и мы двинулись по направлению Черного моря.

Обратный путь до Одессы не только не представил ничего интересного, но был даже скучен. Сотоварищей по кают-компании было у меня мало. Капитан ни разу не являлся к нам. Старшего механика совсем не было. Сотоварищество мое составляли лишь следующие лица: купеческая чета из города N, замечательная только тем, что морская качка, слегка беспокоившая пассажиров при выходе из пролива в море, служила лишь к возбуждению аппетита у этой достойной четы; и

еще разве тем, что эти супруги умели великолепно спать: ложась отдохнуть после обеда в 5 часов, они мирно покоились до 10, просыпая даже время вечернего чаепития (8 часов), и, однако же, они умели всласть спать и ночью. Третьим и последним моим сотоварищем по кают-компании была одна немолодая гречанка, которую укачало около 5 часов вечера в день отправления парохода из Константинополя и которая всю дорогу не выходила из своей спальной комнаты, только время от времени заявляя о своем существовании криком: «Лимону, лимону, пожалуйста, лимону!» (средство против морской болезни), хотя лимонов, кроме этой гречанки, совершенно никому не понадобилось. Каждый согласится: можно ли было чувствовать себя хорошо в таком обществе, каким злая судьба наградила меня на пароходе «Аргонавт»? В начале нашего плавания по Черному морю на юте, во время прогулок, со мной познакомился был один получивший аттестат зрелости одесский гимназист-грек, намеревавшийся получить университетское образование в Москве. Сначала он был очень ко мне любезен и даже услужлив. Но узнав потом, что я профессор не Московского университета (за которого он ошибочно меня принимал), а Московской Духовной академии, «зрелый» гимназист сделался ко мне холоден и перестал обращать на меня внимание.

Следующий день морской жизни прошел для меня еще более монотонно, чем предыдущий. Тоска томила всех. От нечего делать с утра начали говорить о том, что вот скоро (в действительности, оказалось, совсем не скоро) увидим черноморский о. Фидонис (или Змеиный остров). Сам по себе он ничем не замечателен, но на него обращают внимание и туристы, и географы, потому что Фидонис – единственный остров нашего южного моря. Он представляет собой скалистую возвышенность, равную четырем километрам в окружности, и расположен недалеко от устья Дуная. Наконец часов около двух показался и самый остров. На нем находится русский маяк, а при маяке – несколько моряков-сторожей. Доступ к скалистому острову очень труден, поэтому обитатели его видят людей только два или три раза в году, когда моряки из Одессы

привозят им провизию и осведомляются об их житье-бытье. Маяк хорош и вечером виден издалека. Остров Фидонис мне почему-то представился чем-то вроде рая, куда и попасть трудно и где не имеется поводов ко греху. Очевидно, мысль искала пищи, но такой пищи не было.

31 июля в 5 часов утра «Аргонавт» достиг уже Одесского порта и бросил якорь. В семь часов я был уже в самом городе. Одессу я не люблю. Разве можно находить что-либо приятное в шахматной доске? А Одесса с ее прямолинейными улицами, симметричными перекрестками и однообразием зданий всегда напоминала мне шахматную доску. Но на этот раз я с удовольствием смотрел на Одессу. Ведь здесь начинается тот рай, в котором мы живем, но которому не знаем цены, – начинается Россия. В Одессе я пробыл четыре дня, вентилируя свои легкие здешним приморским, по сравнению с константинопольским чистым воздухом, укрепляя свои нервы, начавшие было приходить в раздражение, морским купаньем (которое в Константинополе было очень плохо), поездками по окрестностям (правда, не замечательным), прогулками по тенистому приморскому бульвару и новому парку (Александровскому), украшенному только что поставленным памятником величайшему из русских государей – Александру II Освободителю.

На четвертый день моего пребывания в Одессе я услышал, что мой внутренний голос чаще и чаще стал требовать: «Домой, домой!» – туда, где так много прекрасных книг в Академической библиотеке и прекрасных людей в Академической корпорации.

11 августа я был уже в Сергиевом Посаде.

В составе серии «Библиотека христианской мысли», издаваемой «Издательством Олега Абышко», в 2002–2005 гг. вышли следующие книги:

1. Е. В. Афонасин. В начале было... (Античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов);

2. Св. Дионисий Ареопагит. Полный корпус сочинений с толкованиями преп. Максима Исповедника (с параллельными греческими текстами. Перевод с греч. и вступ. ст. Г. М. Прохорова);

3. А. Х. Армстронг. Истоки христианского богословия. Введение в античную философию (Перевод с англ. В. А. Самойлова);
4. Энциклопедия русского игумена XIV-XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского (издание подготовил Г. М. Прохоров);
5. Климент Александрийский. Строматы: В 3 т. Книги I-III (с приложением греческих текстов. Издание подготовил Е. В. Афонасин);
6. Климент Александрийский. Строматы: В 3 т. Книги IV-V (с приложением греческих текстов. Издание подготовил Е. В. Афонасин);
7. Климент Александрийский. Строматы: В 3 т. Книги VI-VII (с приложением греческих текстов. Издание подготовил Е. В. Афонасин);
8. Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому 1878–1898 гг. (Издание подготовила Л. А. Герд);
9. Д. И. Макаров. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий);
10. И. И. Соколов. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования;
11. И. И. Соколов. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии. О византинизме в церковно-историческом отношении;
12. Я. Я. Соколов. Избрание архиереев в Византии IX-XV вв. (Историко-правовой очерк). Избрание патриархов Александрийской церкви в XVIII и XIX столетиях (Вступительная статья В. Цыпина);
13. Я. Я. Соколов. Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. Церковная политика византийского императора Исаака II Ангела (Вступительная статья А. В. Маркидонова);
14. А. В. Петров. От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада;

15. А. П. Лебедев. Духовенство древней Вселенской Церкви;
16. А. П. Лебедев. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом;
17. А. П. Лебедев. Очерки внутренней истории Византийско-Восточной церкви в IX, X и XI веках;
18. А. П. Лебедев. Исторические очерки состояния Византийско-Восточной церкви от конца XI до середины XV века;
19. А. П. Лебедев. История разделения Церквей в IX, X и XI веках;
20. А. П. Лебедев. Вселенские соборы IV и V веков. Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской;
21. А. П. Лебедев. История Вселенских соборов VI, VII и VIII веков. С «Приложениями» к истории Вселенских соборов;
22. А. П. Лебедев. Церковно-исторические повествования общедоступного содержания и изложения: Из давних времен христианской Церкви;
23. А. П. Лебедев. История Греко-Восточной церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 году) до настоящего времени: В 2 кн. Книга I;
24. А. П. Лебедев. История Греко-Восточной церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 году) до настоящего времени: В 2 кн. Книга II;
25. А. П. Лебедев. Из истории Вселенских соборов IV и V веков. Полемика А. П. Лебедева с прот. А. М. Иванцовым-Платоновым;
26. А. П. Лебедев. Братья Господни: Исследования по истории древней Церкви;
27. А. П. Лебедев. Споры об Апостольском символе. История догматов: Исследования по истории древней Церкви;
28. А. П. Лебедев. Христианский мир и эллино-римская цивилизация: Исследования по истории древней Церкви;
29. А. П. Лебедев. Церковная история в свете Предания: Исследования по истории древней Церкви;

30. А. П. Лебедев. «Великий и в малом...» Исследования по истории Русской Церкви и развития церковно-исторической науки;

31. А. П. Лебедев. История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох. Исследования по истории Церкви Средних веков и Нового времени;

32. Павел Орозий. История против язычников. Книги I-VII (Перевод с латинского, вступительная статья, комментарий и указатель В. М. Тюленева);

33. Н. А. Скабаланович. Византийское государство и Церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: В 2-х кн. Книга I (Вступительная статья Г. Е. Лебедевой);

34. Н. А. Скабаланович. Византийское государство и Церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: В 2-х кн. Книга II;

35. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. О душе (Перевод с латинского, вступительная статья, комментарии и указатель А. Ю. Братухина);

36. В. М. Тюленев. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского;

37. Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели (Издание подготовили Г. М. Прохоров и С. А. Семячко).

Примечания

¹ - Впервые опубликовано в журнале «Православное Обозрение» за 1885 г. Т. I. С. 62–99.

² - Впервые опубликовано в журнале «Православное Обозрение» за 1886 г. Т. I. С. 72–105.

³ - См. предыдущую статью в данном издании.

⁴ - Заключает XI+1226 страниц. Том описывает эпоху от XVII в. до настоящего времени.

⁵ - Автор книги Рейт упоминает, что известный Доллингер показывал ему брошюрку, изданную в Риме, в которой доказывалось, что одна приходская церковь в Италии обладает величайшей святыней – краеобрезанием Христа (брошюра напечатана в начале XIX в.).

⁶ - Впервые напечатано в журнале «Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения» за 1892 г. Январь. С. 158–176; 325–357.

⁷ - Dresdner. Kultur-und Sittengeschichte der italienschen Geistlichkeit im X und XI Jahrhundert. Breslau, 1890.

⁸ - Впервые опубликовано в журнале «Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения» за 1873 г. Вып. I. С. 73–85.

⁹ - По: Pressense. Das Vaticanische concil. Deutsche ausgabe. 1872.

¹⁰ - Впервые напечатано в «Чтениях в Обществе Любителей Духовного Просвещения» за 1893 г. Апрель. Кн. IV. С. 187–213.

¹¹ - Проф. Дмитриевский, отвечавший в журнальных статьях анониму, дает понимать, что этот последний действительно лично знаком с Востоком. Со своей стороны мы имеем основание утверждать, что анонимный критик г-на Дмитриевского есть не кто другой, как один русский молодой архимандрит, состоящий на службе на Православном Востоке.

¹² - Арсений Суханов. Проскинитарий. Издание Православного Императорского Палестинского Общества. С. 70–71.

¹³ - Впервые опубликовано отдельным изданием в 1907 г. Сергиев Посад. Типография Св.-Троицкой Сергиевой Лавры.

¹⁴ - Πηδάλιον. Σ. 135. Толкование на 22-е прав. VI Всел. собора.

¹⁵ - Собр. мнений и отзывов Филарета, митр. Московского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 142.

¹⁶ - Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. II. С. 331.

¹⁷ - «Герондисса» значит «старица». Так называется экономка (домохозяйка, помощница по хозяйству) при доме греческого архиерея или игумена; она в действительности очень редко бывает старухой. О значении и назначении герондиссы несколько слов будет сказано ниже.

¹⁸ - Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. I. С. 211–212.

¹⁹ - Там же. Т. I. С. 229, 303. – В примечаниях к изданным в одном духовном журнале «Постановлениям греческого народного собрания 1858–1860 гг., принятым в Константинопольской патриархии» мы нашли следующее как бы резюме по вопросу о выборах в архиереи на Востоке. Именно, здесь читаем: «Чтобы достичь сана епископа (доныне) или ничего не требовалось, кроме денег, или весьма мало – почти ничего. Цель достигалась двумя путями – или прямо: деньгами, протекцией; или путем несколько продолжительным, состоящим в более или менее долгом житие сначала в качестве слуги (припомним выше речь о тварях), затем послушника, иподиакона и т. д. в доме какого-либо архиерея или в самой патриархии. Этот путь к архиерейству удержан и на будущее время: прослуживший пять лет в патриархии уже считается кандидатом в архиереи» (Христ. Чтение. 1863. Т. I. С. 255).

²⁰ - Сырку П. А. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского. С. 80.

²¹ - Леонтьев К. Н. Из жизни христиан в Турции. Т. I. С. 210 (Государственное положение высшей иерархии в Турецкой империи было раскрыто нами раньше. См.: Богосл. Вестник. 1894. Т. II. С. 217–244).

²² - А почему так, об этом было уже сказано нами. См.: Богосл. Вестник. 1896. Т. II. С. 366 и сл.

²³ - Архим. Антонин (Капустин). Из Румелии. С. 84.

²⁴ - Там же. С. 40. Случай из XVI в.

²⁵ - Арсений Суханов. Проскинитарий. С. 65. Тот же рассказ, но короче, передается у Παπαδόπουλου Κεραμέως в Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμικῆς σταχυολογίας. Τ. Ι. Σ. 280 (СПб., 1891), в новооткрытом отрывке из «Истории» Досифея, Иерусалимского патриарха, причем здесь рассказывается о трагическом конце жизни Мелетия: будучи килчибашой на о. Родосе, он начал превышать свою власть и обижать христианские церкви здесь, почему на него последовала жалоба визирю – и Мелетий (имевший в это время турецкое имя Измаил) был казнен.

²⁶ - Белокуров С. А. Арсений Суханов. Ч. I. С. 242, 254–256. Автор основывает сообщаемое им известие (с некоторыми подробностями) на рукописном материале. Но в настоящее время и путем печати подтвержден тот же факт. В вышеприведенном месте из Ἀνάλεκτα (стр. та же) прямо говорится об участии Паисия в убиении патриарха Парфения. Интересно отметить еще, что в «Истории» Досифея, патр. Иерусалимского (а сейчас указанное место представляет отрывок из этой «Истории»), это деяние даже восхваляется (sic!).

²⁷ - Собр. мнений и отзывов Филарета, митр. Московского... С. 133.

²⁸ - Архим. Антонин. Из Румелии. С. 526.

²⁹ - Сырку П. А. Описание бумаг еп. Порфирия. С. 25.

³⁰ - Сырку П. А. Описание бумаг еп. Порфирия. С. 90; Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. I. С. 372. В подробностях рассказ несколько разнится в последней книге по сравнению с первой. Так, в «Книге бытия моего» автор заканчивает рассказ следующими словами, которых нет у П. А. Сырку «Поп, услышав это, удивился нечаянному обороту речи архиерея и, молчаливо выслушав увещание и наставление ничего не делать без архиерейского благословения, сказал, что он готов впредь слушаться его преосвященство и что он

пригласит его на сорокоуст (!!!), и, поклонившись владыке в ноги, с радостью возвратился домой, хваля милость владыки и удивляясь своей непонятливости. “Какой я дурак, – говорил он сам себе, – владыка бранил меня за то, что я не пригласил его к похоронам, а мне прежде слышалось, как будто он грозил мне проклятием за то, что я решился отпевать собаку как душу христианскую, да еще собаку турка”».

³¹ - Архим. Антонин. Из Румелии. С. 84–86.

³² - Муравьев А. Н. Путешествие по св. местам в 1830 г. Т. I. С. 69.

³³ - Вообще Константинопольские патриархи, кажется, не любят обременять себя богослужением, в особенности продолжительным. В 1844 г. умер в Константинополе Иерусалимский патриарх, не какой-нибудь отставной и номинальный, а действительный – Афанасий. Отпевал его сам Вселенский патриарх, но отпевал «преемника Иакова, брата Господня» мирским чином. Да почему же так? В ответ получаем: «Для скорости». См.: Каптерев Н. Ф., проф. Сношения... / / Палест. сборник. Вып. 43. С. 799.

³⁴ - Стоянов-Вурмов. Греко-болгарская распря // Вестник Европы. 1888. Т. IV. С. 728–729.

³⁵ - Архим. Антонин. Из Румелии. С. 86–87.

³⁶ - Чтобы понять смысл этого замечания, нужно читать то, что было сказано нами раньше по этому вопросу. См.: Богосл. Вестник. 1894. Т. III. С. 246–248.

³⁷ - Проскинитарий. С. 65–66.

³⁸ - Там же. С. 17.

³⁹ - Впрочем, не без исключений, т. е. греческие архиереи проживают иногда и в очень красивых помещениях. В 40-х гг. XIX в. отставной Константинопольский патриарх Константин жил на о. Антигоне (близ Константинополя) в собственном доме. Розы, георгины и другие цветы виднелись в его саду, прилегающем к самому дому. «Вот как поживают здесь патриархи – среди роз!» – восклицает описатель. В то же самое время Лидский архиепископ Кирилл жил (в Иерусалиме) «в

келиях, расписанных и украшенных розами». – Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. I. С. 202, 524.

⁴⁰ - Каптерев Н. Ф., проф. Сношения патр. Досифея с русск. правительством. М., 1891. С. 181, 183.

⁴¹ - Леонтьев К. Н. Указ. соч. Т. III. С. 309.

⁴² - Тамже. С. 207.

⁴³ - Проскинитарий. С. 59. Автор прямо говорит, что греки не правы, ссылаясь на деспотизм турок в данном случае.

⁴⁴ - Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. I. С. 322. «Кокон» – слово новогреческое и значит «служанка».

⁴⁵ - Леонтьев К. Н. Указ. соч. Т. III. С. 306. Слово «парамана» новогреческое и значит «мамка, нянька».

⁴⁶ - Так изъясняет слово «герондисса» преосв. Порфирий / / Сырку П. А. Указ. соч. С. 18.

⁴⁷ - По терминологии епископа Порфирия / / Сырку П. А. Указ. соч. С. 19.

⁴⁸ - Дмитриевский А. А., проф. Статья в Трудах Киевск. Духовн. акад. 1891. Т. III. С. 143.

⁴⁹ - Леонтьев К. Н. Указ. соч. Т. III. С. 309.

⁵⁰ - Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. II. С. 273–274.

⁵¹ - Сырку П. А. Указ. соч. С. 38, 58; Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. II. С. 273. По вопросу о коконах последний автор сообщает много неудобосказуемых известий. Так, он говорит о контингенте кокон (I, 442), их качествах (I, 322, 419), о поставщиках их (I, 600), о плодах сожительства с ними (I, 435; II, 319), о кровавых происшествиях из-за них (I, 415), о главном местопребывании их в Иерусалиме (II, 319) и т. д. Даже такой осторожный историк, как проф. Ф. А. Курганов, не мог обойти молчанием вопроса о коконах. У него встречаем такой рассказ. «Вот пример того, как епископы вербуют в свои наложницы молоденьких красивых девушек. Один фанариот в Доироне (в Македонии), приобщая однажды своих прихожан, увидел прелестную молодую девушку, которая показалась ему скромной и стыдливой. Фанариот этот до того любил женскую красоту, что иногда сходил от нее с ума (?).

Естественно, вид стыдливой красавицы возбудил в нем похоть: он решился взять хорошенькую Марию к себе, под именем ψυχοθόρη, т. е. девушки, взятой с целью воспитывать ее для душевного спасения. Обещания фанариота, богатство, платья, которые он дарил ей, обманули невинную. Фанариот сначала выдал ее замуж за болгарина, потом прогнал его, а психофору (вот еще название для герондиссы) оставил у себя. Не получая душевного спасения сама, Мария доставляла удивительные исцеления епископу-фанариоту. Простудится он и заболит, Мария натиранием разными мазями его тела мгновенно исцеляет его. «Погиб бы я, если бы не было этой девушки» – говорил обыкновенно фанариот. Дни и часы проходили у него незаметно: утром трубка, горячие напитки, во время обеда – кушанья разных видов, довольно вина, вечером музыка, танцы и прочие увеселения. Фанариот обыкновенно умильно рассказывал историю своего знакомства с Марией. Такова обыденная жизнь фанарских архиереев», – замечает повествователь. А затем он же прибавляет: «Бросая общий взгляд на... нравственность греческой иерархии, мы должны заметить, что нравственность (высшего) греческого духовенства весьма сходна была с нравственностью католического духовенства в Средние века, и особенно перед Реформацией» (Исторический очерк греко-болгарской распри // Правосл. Собеседник. 1873. Т. I. С. 63. См.: Терновский С. Записка о состоянии Казан. Духовн. академии. Казань, 1892. С. 414).

⁵² - Сырку П. А. Указ. соч. С. 54.

⁵³ - Проскинитарий («Прения с греками»), С. 357; Преосв. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. III. С. 768.

⁵⁴ - Имеем в виду его сочинение «De statu hodiernorum Graecorum (греч. и латин. текст). Lipsiae, 1671.

⁵⁵ - Ricaut. Histoire de l'église Grecque. Trad. de l'anglois. 2-te édition. Amsterdam, 1710. P. 308–310.

⁵⁶ - Heineccii Abbildung d. Griechischen Kirche. Leipzig, 1711. Theil. 1. S. 53.

⁵⁷ - Малышевский И. И., проф. Мелетий Пигас, патриарх Александрийский. С. 273–274.

⁵⁸ - Русского священника о. Лукьянова, совершившего путешествие по святым местам в 1710–1711 гг.

⁵⁹ - Курганов Ф. А., проф. Устройство Церкви королевства Греческого. С. 49. Ср.: Икономос. Τριακονταετηρίξ ἐκκλησιαστικῇ. Σ. 132. – Нужно сказать, что вышеописанным образом поступали и архиереи с подчиненным духовенством: они иногда без всякой основательной причины лишали священника или диакона принадлежащего им сана и места; но потом опять и сейчас же восстанавливали их в их достоинстве, как скоро получили денежный подарок с мнимо провинившихся. См.: Maurer. Das Griechische Völk in offentl. und kirchlich. Beziehung. Heidelb., 1835. Bd. I. S.401.

⁶⁰ - Собрание мнений и отзывов... С. 109.

⁶¹ - Гервинус. Восстание и возрождение Греции. Пер. СПб., 1868. С. 91.

⁶² - Курганов Ф. А., проф. Статья указана выше / / Православн. Собеседник. 1873. Т. I. С. 54–55 (на основании консервативной газеты «День»).

⁶³ - Pitzipios. L'église orientale. Rome, 1855. Т. III. Р. 140.

⁶⁴ - Собрание мнений и отзывов... С. 158. Было бы напрасно думать, что подобные «вымогательства» имели место лишь по отношению к болгарам. По свидетельству даже грекофилов (как К. Н. Леонтьев), прежние архиереи «то же самое делали и в Эпире, и Крите и других греческих странах». См.: Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Т. I. С. 50.

⁶⁵ - Собрание мнений и отзывов... С. 313.

⁶⁶ - Иречек. История болгар. С. 660.

⁶⁷ - Pitzipios. Op. cit. Т. III. Р. 143.

⁶⁸ - Карлова (псевдоним славянофила Гельфердинга). Турецкая провинция / / Вести. Европы. 1870, июль. С. 162.

⁶⁹ - Арх. Антонин. Поездка в Румелию. С. 87.

⁷⁰ - Каптерев Н. Ф., проф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI-XVII вв. С. 225–226.

⁷¹ - Еп. Арсений (в миру: Авксентий) Стадницкий. Гавриил Банулеско, Экзарх Молдо-Влахийский. Кишинев, 1894. С. 223.

⁷² - Валашские монастыри и их имения преклонены были некоторым афонским монастырям, а через них патриарху Константинопольскому, которому подчинен Афон; патриаршему престолу города Антиохии; св. Гробу Господню или, точнее, Святогробскому братству, во главе которого стоит патр. Иерусалимский, и т. д.

⁷³ - В книге о. Арсения можно читать плачевную эпопею о том, как национальные имущества, приписанные преклоненным монастырям, попали в руки греческих церковных общин. Мало сказать, что дело происходило нечисто (в особенности см. С. 199–205).

⁷⁴ - Церковн. Ведомости. 1906, № 47. Приложение. С. 80.

⁷⁵ - Даже у нас ничего подобного не встречается. Правда, в прошлом году, во время богослужения Курского архиерея в каком-то селе, озорники пели неприличные песни, но это не более как модное хулиганство.

⁷⁶ - Церковн. Ведомости. 1894, № 37. С. 1302.

⁷⁷ - Впервые опубликовано в журнале «Прибавления к Творениям св. Отцев» за 1880 г. (Т. 26). С. 461–481.

⁷⁸ - Впоследствии курс сделался четырехгодичным.

⁷⁹ - Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник» за 1892 г. Т. IV. С. 472–481.

⁸⁰ - Впервые опубликовано в журнале «Вера и Церковь». 1902. Т. I. С. 116–137.

⁸¹ - Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник». 1892 г., май. С. 304–329; июнь. С. 517–549.

⁸² - Считаю не бесполезным для незнающих обо мне читателей отрекомендоваться: я состою профессором древней церковной истории и византийско-восточной истории новейшего времени. Поэтому имя Константинополя для меня дорого и священо. Оно упоминается чуть не на каждой моей лекции и чуть не в каждой моей статье. И тем не менее до истекшего года я не был в Константинополе.

⁸³ - Конечно, нужно произносить Восфор, а не Босфор, потому что так произносят теперешние греки, а они вообще выговаривают греческие буквы так, как учат в наших духовных

школах, а не по Эразму, т. е. совершенно правильно, как это превосходно доказано проф. Модестовым в недавно напечатанной им статье в «Журнале Министерства Народного Просвещения».

⁸⁴ - Известный неутомимый путешественник по Востоку и Африке, доктор Елисеев, описывая свое прибытие в Константинополь, говорит: «Попав в такие обстоятельства (т. е. вынуждаясь оградить себя от турецких придирок с паспортом, отыскивать себе пристанище в городе и т. д.), человек испытывает одно из самых скверных положений, в каком он только может быть. Я помню сам, как в первый раз съехал на берег Галаты, понадеявшись на свое знание языков и привычку путешествовать. И первый мой шаг в Галате оглушил меня совершенно, меня осматривали, казалось, как дикого зверя, меня не понимали, на меня показывали пальцами», пока наконец, по словам Елисеева, не взял его под свое крыло случайно подвернувшийся монах какого-то подворья («С русским паломником по Св. Земле». СПб., 1885. С. 62). Совершенно не понимаю, каким образом что-либо такое могло случиться с г-ном Елисеевым. Комиссионеры, все менялы, многие торговцы, некоторые праздношатающиеся в Галате, неизвестно зачем приехавшие в Константинополь и чем здесь живущие, – все помаленьку говорят по-русски. А по-французски или английски говорят во многих порядочных магазинах. Мне кажется, г-н Елисеев сильно растушевал картину своего прибытия в Константинополь.

⁸⁵ - Вероятно, меня запугал г-н Елисеев вышеупомянутым сочинением, с которым я был знаком еще до моего путешествия.

⁸⁶ - Считаю своим долгом прежде оговориться: читатель, пожалуй, не встретит в моей статье никаких новых известий. Новыми для него могут быть лишь мои впечатления и наблюдения, которые целиком принадлежат мне лично. Мои наблюдения и впечатления нередко отличаются от таковых же впечатлений и наблюдений других описателей Константинополя. Хотя в моем описании и нет новизны известий, тем не менее я решился выступить с ним публично, – по тому соображению, что

всегда и всех интересует то, что писалось и пишется о Константинополе по непосредственным впечатлениям. Да иначе и быть не может: ведь Константинополь крестный отец нашей страны.

⁸⁷ - Один очень почтенный описатель Софийского храма, описывавший его по личным наблюдениям, всегда точным и верным, тем не менее впадает в преувеличение, когда говорит: «Свет льется на вас из всего верха и как бы охватывает и пронизывает вас со всех сторон, производя в первые минуты невыразимое очарование». Я посетил Софию поздним утром в прекрасный солнечный день и, однако же, ничего такого утверждать не нахожу оснований. Может быть, наш ученый турист посещал Софию или рано утром, или под вечер, когда косые лучи солнца снопами врывались в окна храма, но подобное переполнение здания светом при указанных обстоятельствах может быть и в каждом доме... Совершенно случайно я нашел достаточное подтверждение сейчас высказанному мной предположению. Известный путешественник по Востоку Муравьев говорит: «Надобно видеть Св. Софию перед вечером, когда лучи солнца проникают во всю глубину ее через западное обширное окно верхней галереи». Еще: «Я сожалел, что день не склонялся к западу, дабы мне полюбоваться вечерней картиной Софии, когда вся она обращается в один чудный порфиновый водоем (?), преисполненный лучами солнца» (Письма с Востока. СПб., 185. С. 14, 28).

⁸⁸ - Известный писатель Евг. Марков, передавая свои впечатления от посещения Софии, говорит: «Входите в храм – и вы видите: множество железных цепей и прутьев спускается сверху над всей обширной внутренностью храма; довольно близко к полу, почти сплошь (?) висят деревянные треугольники, круги, звезды, увешанные многими тысячами (?) самых невзрачных, но зато неисчислимых (?) лампад и шкаликов». Он называет это «гнусной паутиной турецкого варварства, раскинувшего свои неуклюжие тенета», – «гнусной паутиной, везде торчащей над головой, везде становящейся между красотой храма и глазами, благоговейно созерцающими ее»

(«Европейский Восток» / / Вестник Европы. 1886, март. С. 138 и сл.). Совершенный вздор. Мне кажется, что г-н Марков (если только он в самом деле посещал Софию) жалостно расписал подобными чертами ни в чем не повинные лампочки магометан единственно для того, чтобы картинка вышла почувствительнее и потрогательнее. Вообще к словесным излияниям таких писателей, как г-н Марков, нужно относиться с большим скептицизмом. Например, он же (Там же) риторствует: «Вот мы перед Св. Софией. Никакой площади, никакого простора кругом. Она сплошь вся застроена примкнувшими к ней стенами и лавчонками». Но я должен сказать (как уже и говорил), что Св. София находится на обширной площади с фонтанами. Правда, эта площадь не со всех сторон обнимает Софию, но это не мешает ей иметь совершенно открытый вид. Уж был ли г-н Марков в Св. Софии, находясь в Константинополе? Не видел ли он ее с какого-нибудь балкона в Пере? А сведения о ней не заимствовал ли от какого-нибудь словоохотливого каваса?

⁸⁹ - Перевод: «Откуда упал на нас этот дальнесеверный и страшный перун (россы)? Оплачь (народ) со мной этот Иерусалим (Византию), еще не взятый и не падший в прах, но уже близкий к гибели. Оплачь со мной царицу городов». Беседы Фотия по поводу нашествия россов изданы у нас дважды: преосв. Порфирием (Успенским) и проф. Ловягиным.

⁹⁰ - По мнению г-на Кондакова и А. Н. Муравьева, София лучше даже Св. Петра в Риме, с которым только она и может быть сравниваема.

⁹¹ - Прежде я думал, что Стамбулом по-турецки называется весь Константинополь, но оказывается, что этим именем собственно называется стариннейшая часть города.

⁹² - Джамиси и значит мечеть. А слово «Кахрие», вероятно, есть искаженное греческое слово χωράς, т. е. сельский или загородный, каким именовался монастырь, из которого переделана мечеть.

⁹³ - Я решил посетить, если Богу будет угодно, и Афон, и Солунь, и Рим с их прославленными памятниками.

⁹⁴ - Так утверждается в одной корреспонденции, напечатанной в «Московских Ведомостях» в каком-то осеннем номере 1891 г.

⁹⁵ - Kadikjöi: Calcidon.

⁹⁶ - Между прочим я говорил: «Шестьсот отцов собора Халкидонского навеки благословили богословскую науку и ее дело». См.: Вселенские соборы IV и V вв. М., 1879. С. 273.

⁹⁷ - Училищный строй и Халкинские порядки не раз были описаны. Лучшее описание принадлежит проф. А. С. Лебедеву (Из путевых воспоминаний / / Правосл. Обзорение. 1882. Т. I. С. 138–150). Сюда и отсылаем за подробностями любознательного читателя.

⁹⁸ - Κανονισμὸς τῆς ἐν χάλκῃ θεολογικῆς σχολῆς, τῆς τοῦ χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Κονστ-πολ, 1874.

⁹⁹ - Феоптрой зовут греки халкинскую училищную гору за то, что с нее открываются такие восхитительные виды.

¹⁰⁰ - Недаром они изобретены Каиновым потомком, сыном убийцы и двоеженца (Быт. 4:21–33). Ср.: «Крейцерову сонату» гр. Толстого.

¹⁰¹ - Доктор Елисеев говорит: «Дом (составляющий подворье), построенный, скорее, в европейском, чем восточном вкусе, привлекательный снаружи и с первого взгляда производящий прекрасное впечатление среди грязных строений Галаты, так же чист и комфортабелен внутри» (С. 60), но это описание подворья, скорее, походит, по нашему мнению, на комплимент. Он же говорит: «В длинных коридорах (собственно в задней части их) идут прекрасные чугунные решетчатые помостки, благодаря которым вентилируется воздух» (С. 61). Но эти чугунные прозрачные решетки мне сразу же не понравились, и я прозвал их «чертовой паутиной». Через эти сквозные решетки вы видите людей, ходящих и по верхнему, и по нижнему коридору –над вашей головой и под вашими ногами. Если смотрите вверх и видите ноги идущего человека, то представляется как будто бы эти ноги сливаются с его головой и как будто над вами ползет гигантский паук по железной паутине.

¹⁰² - Вполне надлежит верить г-ну Елисееву, если он говорит: «Положа руку на сердце, скажу, что нигде я не пользовался такой свободой, нигде мне не дышалось так легко, как на Афонском (Пантелеймоновском) подворье» (С. 63).

¹⁰³ - В существе дела церковь эта домовая, тем не менее она имеет колокольню (звонницу), находящуюся в верхнем же этаже, в стенах здания. Чувство странное и в то же время приятное испытал я, когда в то время, как я пил утром китайский чай с константинопольским молоком, прямо над моей головой разливался чисто русский трезвон. Снаружи здания звон почти не слышен.

¹⁰⁴ - По газетным известиям, эта школа русская, к счастью, уже открыта. Это произошло 2 марта.